МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ)

На правах рукописи

ЯЦУК НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Французская эмиграция в Российской империи. 1789-1801 гг.: Социально-политический аспект.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель: д. и. н., профессор Тихонов А. К.

Оглавление

Введение
Глава первая. Екатерина II и возникновение феномена французской эмигрантской
диаспоры в России
1. 1. Перспективы российско-французских отношений к 1789 году. Екатерина
II и начальный период Великой французской
революции
1. 2. Великая французская революция и кризис просвещенного
абсолютизма74
Глава вторая. Павел I и концепция легитимизма
2. 1. Россия и Бурбоны. Создание «двора в изгнании» Людовика
XVIII106
2. 2. Социально-политический состав эмиграции в условиях государственного
контроля
2. 3. Идеология Старого режима и завершающий период французской
эмигрантской диаспоры176
Заключение
Список источников и литературы193
Приложение 1. Именной указатель
Приложение 2. График прибывших через Рижский порт эмигрантов и
экспатриантов в 1798 году245
Приложение 3. Иллюстрации 253

Введение

Французская эмиграция в России является одним из существенных эпизодов в становлении политического режима императорской власти и идеологии, не ограничиваясь только влиянием на международные отношения антифранцузских коалиций и революционной Франции. Степень сотрудничества и противодействия двух систем - официально-государственной идеологии, стремящейся к консервативному переустройству, и общепросветительской мысли с ее культом личной свободы, - отчетливо выразилась в комплексе политикосоциальных взглядов французской эмиграции. Несмотря на то, что основной поток эмигрантов составляли роялисты, взгляды людей, имевших возможность наблюдать Великую революцию, оформились в весьма противоречивую картину – от крайне охранительных до весьма «революционных». Этому послужили причины как объективного характера, связанные с оценкой государственнополитического строя Франции эпохи ancien régime, революционной республики и Российской империи, так и субъективного, связанного с эмигрантской диаспорой социальной группой. Помимо внешнеполитических следствий такой проблемы, как эмиграция, Российская империя столкнулась с возможностью расширения своего влияния в культурной сфере, становясь защитницей традиционных ценностей Старого режима в глазах других европейских государств. Кроме того, присутствие на территории России людей, переживших революционные потрясения (а иногда даже участвовавших в них на первых этапах существования республики) и самому самодержавию, и эмигрантам надо было выработать свои методы взаимодействия друг с другом. Сложность взаимоотношений между эмигрантской средой и русской властью с одной стороны, а также противоречивая позиция самих французов и их русских знакомых неизбежно влекли за собой как соперничество разведок обеих стран, так и идеологическую борьбу. Актуальность данной работы состоит в изучении исторического опыта одного из первых эмигрантских потоков, сформированного по идеологическому принципу, в Российской империи, особенность политического и национального существования, что до сих пор было мало российской историографии, традиционно освещено рассматривавшей французскую эмиграцию как исключительно роялистскую. Кроме специфика положения французов-эмигрантов именно в Российской империи и отличие его от, например, Великобритании или германских государств, также не получила всестороннего освещения.

Объектом исследования в данной работе является французская роялистская эмиграция в России в период Революции и Консулата, а предметом — ее влияние как на систему международных отношений конца XVIII века, так и на внутреннюю политику Российской империи, система взаимоотношений французского «двора в изгнании» с российским и другим правительствами, вся структура учреждений, начиная от дворцовых служб и заканчивая духовными конгрегациями, имевшая статус «экстратерриториальности» и соответствие ее амбициозной цели демонстрации силы и начинающей свое формирование идеологии Российской империи, предусмотренной российским императором для достижения статуса «европейского арбитра».

Хронологические рамки работы главным образом ограничены промежутком от 1789 до 1801 годов, что не исключает рассмотрении событий более раннего времени, с заключения Парижского мира 30 ноября 1782-3 сентября 1783 годов после окончания Войны за независимость Америки, когда Франции явственно пришлось ощутить на себе проблемы дефицита средств, а Екатерина II начала интересоваться состоянием дел французской короны. 1801 год был взят как рубеж, ибо как раз в это время Людовик XVIII был изгнан за пределы Российской империи, а Павел I, признавший легитимность консульской

власти Наполеона, был убит 24 марта в своей комнате группой заговорщиков, прямо или косвенно связанных с британским правительством.

Территориальные рамки данной работы ограничиваются не только Францией и европейской частью России, но и всей Западной Европой, так как пути роялистов-эмигрантов в Российскую империю были весьма тернисты. Часто роялисты меняли место своего пребывания, присоединяясь к армии Конде или отступая с захваченных республикой территорий. Случалось и такое, что отдельные представители эмиграции могли покинуть лагерь сторонников графа Прованского и перейти к графу д'Артуа, а то и вовсе поступить на службу к Наполеону. Североамериканские Соединенные Штаты, как тогда назывались США, в данной работе не рассматриваются как из-за удаленности от наиболее известных точек эмиграции, так и из-за того, что ультрароялисты предпочитали селиться в монархических государствах Старого Света.

Проблема эмиграции сейчас активно исследуется в плане социологии, культуры и психологии, многие работы посвящены эмиграции по политическим причинам, связанным в первую очередь с российской белой эмиграцией начала XX века. Однако любую проблему необходимо рассматривать ретроспективно, и французская роялистская эмиграция, бывшая первым примером такого рода, должна быть исследована во всем ее многообразии. Под термином «роялистская эмиграция» подразумевается, как правило, эмиграция представителей привилегированных социальных групп, таких, как дворянство, духовенство, административная и другая так называемая «старая буржуазия», имевшая тесные семейные и служебные связи с королевским двором. В связи с обилием представителей различных профессий, покинувших Францию после революции, потерявших работу вместе с упразднением многих искусств и ремесел, производящих предметы роскоши, помимо роялистской эмиграции можно выделить и трудовую. Эмигранты-роялисты покидали революционную Францию, руководствуясь не столько материальными соображениями, сколько вопросами выживания, сохранения своего состояния и привычного для них образа жизни, что позднее будет обозначено как «тон Старого режима». Несмотря на

значительный прогресс в деле изучения конца XVIII – начала XIX века в России, степень разработанности данной темы еще сравнительно невелика. Сейчас, в связи с оживлением русско-французских контактов, необходимо вспомнить не только о русской, но и о французской белой эмиграции – поскольку именно эпоха Французской революции определила такие важные понятия, как «правые» и «левые» в политике, легитимизм, консерватизм и само понятие политических эмигрантов. Исследование этой страницы в истории, интерес к которой вначинает заново просыпаться с 2000-х годов после примерно полувекового перерыва, поможет определить степень и характер не только французского культурного влияния на Россию, но и пути формирования положительного образа России в международном восприятии.

французской Интерес проблеме роялистской эмиграции дореволюционной отечественной историографии просыпается достаточно поздно, лишь ко второй половине XIX века, причиной чему является не только сравнительно небольшая отдаленность во времени от описываемых событий, но и соображения политического характера. Так, упоминания французской эмиграции должны были быть непременно связаны как с таким сложным для однозначной оценки событием, как Великая французская революция, так и с противоречивой внешней политикой Павла I, истинные события вокруг смерти которого оставались под грифом запрета вплоть до 1905 года. Тем не менее, первое масштабное издание, долженствующее во всех подробностях рассказать историю участия императора в второй антифранцузской коалиции появилось в 1852-1853 годах. «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» было написано двумя военными историками – Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским (1789-1848) и Дмитрием Алексеевичем Милютиным (1816-1912),первый ИЗ которых участвовал событиях Отечественной войны 1812 года и Заграничном походе, прославившись также своими мемуарами. За подобный труд Михайловский-Данилевский принялся по

-

¹История войны России с Франциею в царствование Императора Павла I в 1799 году. В 5 тт.. СПб., 1852-1853.

высочайшему повелению Николая I, будучи к тому времени уже автором описания всех главнейших войн начала XIX века, включая русско-турецкую войну 1806-1812 годов и финляндскую войну 1808-1809 годов. Первый том «Истории войны России с Францией...» был написан им незадолго до смерти (точнее, первая часть, посвященная политике Екатерины II по отношению к революционной Франции, вступлении: на престол Павла I и Итальянскому походу Суворова, работу над остальными томами сочинения взял на себя Д. А. Милютин, будущий военный министр, а тогда профессор Императорской военной Так как оба автора являлись официальными историографами наполеоновских войн, их труд являл собой скорее систематическое изложение фактов дипломатии и военной истории, которые к тому времени находились в общем доступе, изложение материала велось строго последовательно хронологически точно, подобно большинству монографий того времени. Для авторов этой работы несомненным являлся факт принятия Павлом І при вступлении на престол доктрины нейтралитета, в противоположность войнам времени, поколебать который смогла екатерининского лишь все более конфронтация Французской республики с монархическими усиливавшаяся Европы. Оказанная императором французским государствами помощь эмигрантам и мальтийским рыцарям также выдержана в стиле заявленной ими парадигме «вооруженного нейтралитета» (эмигранты) и Realpolitik (иоанниты). Официальный характер носили и многие другие обобщающие сочинения того посвященные какой-либо определенной проблеме. периода, монография М. Т. Яблочкова «История дворянского сословия в России» (1876)², являющаяся хронологически очерченным повествованием о законодательстве, касавшемся дворянского сословия, его генеалогии и геральдики; в целом книга дает ценный фактический материал по обозначенной теме. Это сочинение также выдержано в характере событийно-энциклопедического изложения и касается в основном правового урегулирования прав дворянского сословия. Другая важная

-

²Яблочков, М. Т. История Российского дворянства. М., 2007. 544 с.

тема книги составляет хронологически выстроенную (по царствованию) картину увеличения числа дворянских родов посредством выслуги или перехода на русскую службу иностранцев, в том числе из французских эмигрантов.

Среди зарубежной, основном французской, исторической литературы XIX - начала XX века общего характера, основанной на принципах позитивизма, самой проблемы эмиграции в конце XIX века одним из первых коснулся не столько ученый-историк, сколько писатель, Эрнест Доде, сводный брат знаменитого Альфонса Доде. В 1886 (второе издание – в 1888) году он издал свой труд «Бурбоны и Россия во время Французской революции (по неизданным материалам)»³, посвященный в основном внешней канве событий екатерининского и павловского времен. Хотя сам Доде не скрывает своих симпатий по отношению к роялистам, он постарался в своей монографии дать как можно больше строго отобранной и структурированной информации, в основном Стоит пользуясь официальными источниками. подчеркнуть, что взаимоотношения Екатерины II и Павла I с представителями дома Бурбонов показаны далеко не идеальными, хотя автор и не подвергает сомнению планы вступления Екатерины II в первую антифранцузскую коалицию в качестве деятельного участника. Для истории времени Павла I труд Доде также является очень знаменательным, поскольку показывает сложную и порой противоречивую динамику в отношении российского самодержца к восстановлению Бурбонов на французском престоле, что сам автор традиционно объясняет характером императора. Монография Леонса Приго отличается более высоким качеством, поскольку не останавливается на идеологически-обоснованной рефлексии о «былых временах», а берет более общую проблему: «Французы в России и русские во Франции: Старый режим. Эмиграция. Военные вторжения»⁴, имея в виду не только поход Наполеона на Россию, но и Заграничный поход русской армии. Данный труд, видимо, призван был раз и навсегда прояснить сложную

³Daudet, E. Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française (d'après des documents inédits). P., s. a 397 p.

⁴Prigaud, L. Les Françaises en Russie et les Russes en France: L'ancien régime. L'émigration. Les invasions. Par Léonce Prigaud, Professeur d'histoire moderne à la Faculté des lettres de Besançon. P., 1886. 508 p.

систему взаимоотношений двух государств в преддверии заключения русскофранцузского союза в 1891 году. Несмотря на уход от деталей чисто внешнего характера взаимоотношений Романовых и Бурбонов, автор делает акцент на отсутствии взаимопонимания между эмигрантами и центральной властью в Петербурге, смысла что напрочь лишало деятельную России помощь эмигрантской Франции. Информация о французских эмигрантах встречается и в общих исторических сочинениях, выходивших в это время под влиянием идей позитивизма. Из таких объемных монографий можно выделить «Историю французской революции» в двадцати томах историка и политика Адольфа Тьера⁵, президента Франции в 1871-1873 годах, а тогда убежденного орлеаниста, весьма детальную и подробную, с привлечением большой массы документов личного особенности переписки. Тьер, будучи характера, сторонником конституционного правительства, не мог не отметить положительные стороны правления Наполеона и возможность эмигрантской среды поддержать его, что, однако было достигнуто из-за половинчатости власти полководца революционной армии и убеждений самих роялистов, а также влияния иностранных держав на внутриэмигрантские дела.

Последующие монографии по истории российско-французских связей в эту эпоху продолжили изучение проблемы эмиграции на более широком материале. В России, как правило, проблема «белой» (роялистской) эмиграции затрагивалась в монографиях, вышедших непосредственно после революции до сталинского периода или во второй половине 1980-х годов и по настоящее время. Из отечественных работ, посвященных этой теме в первые годы советской власти, можно вспомнить «Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796)» О. Л. Вайнштейна⁶, изданные в 1924 году. Данная монография высоко оценивает лишь деятельность журналистов, в частности, Малле дю Пана, и критически относится к утверждениям о какой-либо

⁵Thiers, A. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. II. Lauzanne : A Haubenreuser, 1845. 768 p.

⁶Вайнштейн, О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796). (По материалам Воронцовской библиотеки). Харьков, 1924. 127 с.

поддержке роялистов массами. Однако, несмотря на очерковый характер, это одно из первых независимых исследований интересующей нас проблемы, сохраняющее еще либеральный оттенок и умеренность выводов. Одним из первых советских ученых, кто обратил пристальное внимание на состав и политические взгляды эмигрантов был Е. В. Тарле, изучивший, в частности, в работе «Жерминаль и прериаль» деятельность эмигрантских публицистов, в частности, Жака Малле дю Пана⁷, который получил вполне объективную оценку своей деятельности, так же, как и Талейран⁸, очерк о котором предваряет опубликованные историком мемуары министра трех правительств. Одной из важнейших особенностей работ Тарле для современного исследователя является то, что именно этот автор первым изучил случаи проявления широкими народными массами, в том числе и в Париже, монархических настроений. Несмотря на это, он продолжал придерживаться версии того, что в Париже и других крупных городах эти настроения не могли найти себе объективного объяснения, в отличие от народного роялизма Вандеи. Талейран и его долгая и противоречивая карьера также неоднократно был отмечен и в других более поздних работах советских историков на тему дипломатии официальной и неофициальной, например, в биографии авторства Ю. В. Борисова⁹, которая еще более укрепила репутацию «министра трех режимов» как главного творца международной системы XIX века. При этом, что характерно, образ Талейрана для исследователей если и перестал быть олицетворением всего самого худшего в буржуазной дипломатии, то так и не потерял традиционно приписываемого ему значения «серого кардинала» Священного союза.

Взаимоотношению России и Франции в 1789-1801 годах, а также реакции российского правительства и официальной идеологии на революционные доктрины были освещены в работах Н. Я. Эйдельмана. В его монографии «Мгновенье славы настает...» ¹⁰была сделана первая попытка исследовать

⁷Тарле, Е. В. Жерминаль и прериаль. М., 1951. 311 с.

⁸Тарле, Е. Талейран//Талейран. Мемуары. М., 1959. С. 8-81.

⁹Борисов, Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1989. 327 с.

¹⁰Эйдельман, Н. Я. Мгновенье славы настает...: Год 1789-й. Л., 1989. 300 с.

содержание Великой французской революции для русского общества того периода, начиная с Екатерины II и заканчивая Карамзиным. При этом роль эмиграции учитывается не в качестве катализатора политического либерализма в России, а скорее, напротив, как силы, способной значительно уменьшить восторг дворянского общества от идей 1789 года. Главной пропагандой революционных настроений в Российской империи, как считал Эйдельман, занимались скорее периодическая печать и литература. Таким же новаторским по содержанию было расследование причин убийства Павла I и объективная значимость для русской «императора-рыцаря» 11, правления истории основанное методе количественного анализа. Впервые за долгое время была поставлена проблема непопулярности Павла I в дворянских кругах, имевшая под собой мало объективных оснований, как было отмечено автором на основе подсчета осужденных при его царствовании. Из современных российских историков и исследователей междисциплинарных вопросов особенно большой вклад в изучение проблемы взаимоотношений России и Франции конца XVIII – начала XIX веков, взаимного влияния русских и французских литераторов и философов, а также семейные и дружеские связи в аристократической среде внесли Петр Владимирович Стегний и Вера Аркадьевна Мильчина. Труды П. В. Стегния, малоизученным профессии, посвященные проблемам дипломата ПО международной политики Екатерины II – от Вареннского кризиса¹² «просветительского проекта» первых лет царствования 13 - основаны на новых и пока еще малоизученных архивных материалах. Данные работы примечательны тем, что показывают развитие и взаимодействие тайных дипломатических служб в России и Франции, в частности, «Секрета короля» Людовика XV и французских эмигрантов на службе русского посла И. М. Симолина. Книги В. А. Мильчиной, известной как литературовед и переводчик, имеют в целом культурологический характер и посвящены в основном русско-французским отношениям первой трети

 $^{^{11}}$ Эйдельман, Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. 367

 $^{^{12}}$ Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф». Из истории тайной дипломатии Екатерины Великой. М., 2009. 388 с.

¹³Стегний, П. В. Время сметь, или Сущая служительница Фива. М., 2002. 445 с.

XIX века. В. А. Мильчина была первым автором на постсоветском пространстве, обратившимся к проблеме оценки творчества Франсуа-Рене де Шатобриана и влиянии его на русских романтиков. Позднее она обратилась к другим несправедливо забытым именам французской литературы ТОГО большинство из которых так или иначе относились к эмигрантскому или консервативному лагерю. Монографии и статьи В. А. Мильчиной позволили не только пересмотреть устоявшиеся в историографии оценки исторических стран¹⁴, деятелей обеих НО и увидеть истинный масштаб культурных заимствований в создании космополитичного аристократического сообщества Дегтярев a^{15} . M. И. также занимавшаяся Европы. вопросом консервативной идеологии в России, подчеркнула как сходство, так и принципиальное различие мнений Жозефа де Местра и Сергея Семеновича Уварова.

Иное отношение к его фигуре прослеживается в западной историографии **дипломатии**. Одна из классических биографий Талейрана (1932)¹⁶, автором которой был коллега Черчилля по консервативной партии дипломат Альфред Дафф Купер, 1й виконт Норвич (1890-1954), до сих пор не потеряла своего значения при том, что Талейран предстает в ней не просто человеком сиюминутной выгоды, опытным приспособленцем или интриганом, а творцом новой политической системы. Книга американского историка Дэвида Кинга «Вена, 1814» (2010)¹⁷, посвященная внешней канве событий Венского конгресса и закулисным европейских монархов, сделкам также посвящена внешнеполитической системе Талейрана, которая, однако, для автора этой монографии была рождена как ответный удар планам австрийского канцлера Меттерниха. Подобные труды имеют непосредственное отношение к теме настоящей работы, поскольку именно Талейран в конечном итоге явился

 $^{^{14}}$ Мильчина, В. Николай I и французская внутренняя политика эпохи Реставрации: два эпизода//Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 121-140.

¹⁵Дегтярева, М. И. «Лучше быть якобинцем, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семенович Уваров//Вопросы истории. 2006. № 7. С. 89-97.

¹⁶Cooper, D. Talleyrand. L., 2001. 399 p.

¹⁷Кинг, Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. 116 с.

продолжателем служб разведки Старого режима, которая досталась ему вместе с эмигрантами-роялистами, продолжавшими отдельными свою агентурную деятельность и после революции. Влиянию на жизнь эмигрантской диаспоры интересов различных правительств и их разведок, а также сравнительному анализу жизни роялистов в разных странах Европы, из которых автор особенно выделяет Англию, посвящена книга Рене де Ла Круа де Кастра, герцога, историка, члена Академии наук и потомка самих эмигрантов «Повседневная жизнь эмигрантов» (1966)¹⁸.

Внешняя политика Российской империи в тот период, включающая в себя не только русско-французские отношения, но и связи со странами первой и второй антифранцузских коалиций составляет главную тему двух биографий Павла І. Эти исследования отделяет друг от друга промежуток в пятьдесят лет, при этом оба они представляют собой практически полностью противоречащие друг другу концепции. Первая из рассмотренных нами книг принадлежит перу графа В. П. Зубова, потомку участника переворота 1801 года (1963)¹⁹, в то время как другая - современному историку А. Н. Боханову²⁰. Характерно, что оба этих историка считают главным направлением деятельности Павла I именно внешнюю политику, направленную на противодействие идеям Французской революции. Несмотря на общую основную направленность, Зубов пытается восстановить психологический портрет императора, останавливаясь на отдельных чертах его характера, говорящих об импульсивности, непоследовательности и отсутствия понимания своей среды у Павла І. Боханов, будучи монархистом, считает императора последовательным проводником консервативных идей и причину переворота 1801 года видит в действии английской разведки. При этом, судя по отзывам автора на работу Зубова, Боханов не считает выводы предшествующего ему автора достаточно объективными как из-за сложностей психологического анализа личностей прошедших времен, так и из-за родственных связей графа

¹⁸Castries, Duc de. La vie quotidienne des émigrés. P., 1966. 316 p.

¹⁹Зубов, В. П. Павел І. СПб., 2007. 263 с.

²⁰Боханов, А. Н. Павел І. М., 2010. 448 с.

Валентина Платоновича. А. Л. Зорин в своей монографии «Кормя двуглавого орла...»²¹, занимался исследованием не столько теории официальной народности и предшествующих ей концепций, но и предложил взгляд на проблематику создания русской консервативной теории как своего рода ответ на западные монархические течения. По его мнению, «официальная народность» была как создана с использованием западных образцов и при участии мыслителей эмиграции, так и предназначалась в качестве репрезентации нового образа России европейским странам.

Коллективный труд «Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн»²²продолжает поднятую монографиями П. В. Стегния тему влияния российских дипломатов и тайных агентов на антифранцузские коалиции, раскрывая ранее неизвестные аспекты внешней политики якобинцев и сложности агентурной работы того времени. Кроме того, данный труд рассматривает вопрос 0 существовании внешнеполитической концепции якобинской диктатуры и революционных войн, а также проекты реализации Россией своей роли борца против революции. Монография О. Ю. Захаровой, специалиста в области государственной церемониальной культуры, посвящена многолетнему послу России в Великобритании графу С. Р. Воронцову²³, которого автор рассматривает в качестве образцового дипломата и пропагандиста русской культуры за рубежом, что входит в явное противоречие с обликом шпиона, созданным А. Н. Бохановым. Автор, однако, не скрывает взглядов Воронцова на политику Павла I и полагает их вполне дальновидными.

Если говорить о западной историографии, посвященной складыванию системы равновесия в европейских государствах и роли России в их разработке, ситуация представляется гораздо сложнее из-за разных политических взглядов и научных принципов авторов. Монография лютеранского

²¹Зорин, А. «Кормя двуглавого орла...» Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 414 с.

²²Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн./Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М., 2012. 254 с.

²³Захарова, О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Из истории российскобританских отношений. М., 2013. 255 с.

пастора, теолога и историка церкви Генриха Бёмера «История ордена иезуитов» $(1904)^{24}$. написанная духе разоблачения католической церкви ee миссионерской политики, раскрывает, по мысли автора, роль иезуитов в российской внешней политике с 1773 по 1801 год, которую рисует в крайне были Подобные царствовании Павла I негативном свете. мнения зарубежной историографии второй распространены практически во всей половины XIX – начала XX веков. Так, немецко-австрийский историк Эдуард Винтер, марксист, бывший католический священник и член НСДАП, отразил свои взгляды на поддержку Россией Старого режима в виде эмигрантских аббатов в тенденциозно озаглавленной монографии «Папство и царизм» (1960)²⁵, где прямо заявил о поддержке Павлом I католицизма и о его личной симпатии к западной ветви христианства.

Помимо разбора мироустройства «по Наполеону» и «по программе официальной народности» или «Pax Romana» в его католическом варианте, английские исследователи посвятили немало трудов объяснения английской системы союзных договоров, часто осуждаемой историками других стран. Представление об английской концепции равновесия в рамках Соединенного королевства и британское определение понятия «империя» можно получить из статьи Стивена Пинкуса «Английские дебаты по поводу всемирной монархии» (1995)²⁶, которая использована в работе в качестве сравнения Старого режима Англии и Франции. В представлении автора английская геополитическая система существовала как оппозиция видению устройства мира «по Наполеону», в котором определенная роль отводилась и России как «восточному государству». Роль Великобритании, согласно представлению автора, была сугубо прагматической, что было порождено отсутствием сухопутных границ и положением промышленной державы. Проблемы противостояния Франции и Англии во время Семилетней войны, заключавшиеся в захвате колониальных

²⁴Бёмер, Г. История ордена иезуитов. М., 2012. 220 с.

²⁵Винтер, Э. Папство и царизм. М., 1964. 531 с.

²⁶Pincus, S. The English debate over universal monarchy// A Union for Empire: Political Thought and the British Union of 1707. New York, Cambridge University Press, 2006. P. 37-62.

владений в Новом свете, рассмотрены в монографии британского автора Фрэнка Маклинна (2004)²⁷, где политика Великобритании по дележу колоний представляет собой зеркальное отражение французской, а причиной английских успехов названо лучшее состояние флота и своеобразное морское положение Британии. Рассматривая последовательно взгляды российских, французских и британских исследователей, причины неуспеха континентальной блокады и возможного осуществления русско-французского Индийского похода предстают в новом и довольно неоднозначном свете. Даже в трудах по истории повседневной жизни, например, в монографии «Британцы в Петербурге»²⁸ (в английском варианте – «Оп the Banks of Neva», 1997) британского историка Энтони Гленна Кросса, английское влияние на все сферы жизни России XVIII века выглядит более впечатляющим, нежели французское.

Исследования по истории Революции (шире – Революции, Консулата и Империи, 1789-1815) составляют неотъемлемую часть как французской историографии, так и историографии других стран мира, в которых, тем не менее, принята иная периодизация, и изучение Великой французской революции является отдельной темой исследования. Среди французских исследователей, посвятивших жизнь указанному вопросу, стоит отметить уже названного нами Рене де Кастра, изложившего свое видения на события начального периода революции в книге, посвященной Мирабо²⁹ (1986; так как Мирабо был знакомым его предка, автор использовал материалы в том числе и из личного архива). Согласно его воззрениям, именно союз либерального дворянства с широкими массами буржуазии мог бы спасти Францию и монархию от крушения, что он и продемонстрировал на примерах самого Мирабо и его окружения. Тема либерального дворянства, но уже под другим углом, продолжена монографией историка античности с умеренно-социалистическими взглядами Пьера Левека, который выпустил многотомное издание «История политических

 27 Маклинн, Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009. 638 с.

 $^{^{28}\}mbox{Kpocc},$ Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. 526 с.

²⁹Де Кастр, Р. Мирабо: Несвершившаяся судьба. М., 2008. 419 с.

сил во Франции. 1789-1880» (1992)³⁰, где он разбирает по порядку идеи, приведшие к возникновению современной французской республики, их авторов, предшественников и продолжателей. За это время, по мысли автора, созрели условия и предпосылки современного парламентаризма Пятой республики, к которой идеологи либеральной аристократии имели только косвенное отношение качестве побудительной силы для революции и более широкого демократического дискурса. Существование либерального круга просвещенных дворян, тем не менее, не оспаривается историками, которые находят его среди разных по своему образованию, представителей имущественному положению и древности рода групп дворянства. Патрис Генифе в сборнике своих переработанных статей «История революции и империи» (2011)³¹ рассмотрел как многовариантные пути развития событий, так и вклад каждого конкретного политического деятеля в систему французской демократии, при этом начертав типический портрет дворянского либерала, пути его возникновения и жизненный опыт, повлиявший на создание такого довольно распространенного явления. Непосредственно темы Великой французской революции и ее восприятия в умах современников касается исследование Моны Озуф «Варенн. Смерть монархии (21) июня 1791 года)»³², которая анализирует ситуацию, возникшую перед побегом королевской семьи и вызванное ею недоверие к монархической традиции и умеренным конституционалистам. При этом исследовательница подчеркивает как новации, произошедшие в самой придворной среде, так и новое восприятие долга и службы родине, что позволило как предотвратить пересечение Людовиком XVI французской границы, так и сломать сложившееся к тому времени убеждение о необходимости функции монарха как государственного деятеля. Помимо этого, по ходу самого повествования можно убедиться в эволюции взглядов главных представителей эмигрантского лагеря – от логически выверенных

21

³⁰Lévêque, P. Histoire des forces politiques en France. 1789-1880. T. I. P., 1992. 370 p.

³¹Gueniffey, P. Histoire de la Révolution et de l'Empire. P., 2013. 744 p.

³²Ozouf, M. Varennes. La mort de la royauté (21 juin 1791). Barcelone, 2011. 594 p.

разделения властей по Монтескье до мелочной реставрации быта Старого порядка.

В 2012 году во Франции вышел капитальный сборник исторических «Черная Французской революции», книга которую редактировал иезуитский священник, традиционалист и монархист брат Рено Эскан, что заметно и в содержании представленных им материалов. Наряду с историками Жан-Пьером и Изабель Бранкур, сомневающимися в спонтанности взятия Бастилии и целесообразности этого деяния³³, в сборнике приняли участие Одье. разбирающий публицист Арно литературный стиль кумира контрреволюционеров Антуана Ривароля³⁴, дипломат и юрист Доминик Дешер, ставящий под сомнение легитимность самой революции, основываясь на публикациях радикального монархиста Жака Бенвилля³⁵. Кроме них, в сборнике выступил также священник, отец Жан Шарль-Ру с агиографическим очерком короля-ребенка»³⁶ И крестный философ «Страдания Анри рассуждающий о ритуальном характере казни Людовика XVI³⁷. Несмотря на характер самой книги, нельзя не признать того, что ее стиль выдержан во вполне научном духе, поднимая сложные и до сих пор неразрешимые проблемы, традиционно не обсуждавшиеся во французской историографии второй половины XX века. Взгляды специалистов, представляющих как историю, так и другие гуманитарные науки, отличающиеся взвешенными выводами и академической точностью, тем не менее, были приведены в соответствие с основной концепцией книги, относящейся к революции с изрядным скепсисом по ряду вопросов. Тем не менее, именно этот сборник в силу своего тенденциозного характера, может послужить для историка роялистской эмиграции как своего рода демаркационная линия, отличающая истинных сторонников «дела Бурбонов» от поборников

³³Brancourt, J.-P. et. I. Le 14 juillet 1789: spontanéité avec premeditation//Le livre noire de la Révolution française. P., 2012. P. 21-51.

³⁴Odier, A. Rivarol, «le Tacite de la Révolution»//Le livre noir de la Révolution française. P. 451-470.

³⁵Decherf, D. Jacques Bainville: la Révolution française n'a pas eu lieu//Le livre noire de la Révolution française. P., 2008. P. 691-698.

³⁶Charles-Roux, J. Passion et calvaire d'un enfant Roi de France//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 163-181

³⁷Beausoleil, H. La mort de Louis XVI//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 105-136.

либеральной республики. Фигуры, освещенные «Черной книгой» помогут прояснить степень консервативности убеждений в том числе и тех или иных деятелей эмиграции. Подобной же цели может служить и монография Оливье Блана «Последнее письмо. Тюрьмы и заключенные во время революции (1793-1794)» (1984)³⁸, где, наряду с информацией об устройстве тюрем и скрупулезным исследованием об оправданности понятия «тюремный заговор», приведены полностью не публиковавшиеся ранее документы личного характера, а именно последние письма жертв Террора. Помимо мотивов личного и идеологического руководивших заключенными «контрреволюционерами», характера, вскрывает множество фактов, служащих ДЛЯ описания повседневной конспиративной жизни в революционном Париже, где под чужими фамилиями или редко используемыми названиями семейных поместий останавливались агенты эмигрантов и роялистов, имевшие собственные финансовые интересы даже в стане якобинцев. Компендиум американских историков Линды и Марши Фрей «Французская революция» (2004)³⁹, также отнесенный нами к списку общих трудов по истории Великой французской революции, может дать информацию не столько интересного теоретического плана, сколько обобщающий взгляд на тему англоязычной историографии. Как правило, общие «англосаксонской» исторической литературы по данному вопросу состоят во всестороннем изучении лондонского лагеря эмигрантов, борьбе палат парламенте и старых счетов Великобритании и Франции по вопросу о независимости США.

Переходя к вопросу о том, насколько широко в ученом мире принят термин «История Революции, Консулата и Консульства», следует сказать несколько слов о том, французские исследователи часто употребляют термин «революции» по отношению к единому для российских историков понятию «Великая французская революция», а также специфический взгляд на личность и эпоху правления Наполеона. Так, специалист по Наполеону и его времени Жан

³⁸Blanc, O. La Dernière Lettre. Prisons et condamnés de la Rèvolution. 1793-1794. P., 2013. 285 p.

³⁹Frey, L. S., Frey M. L. The French Revolution. Westport, 2004. 190 p.

Тюлар в кратком, но наиболее полном изложении своих идей под заглавием «Наполеон, или Миф о «спасителе» (1987)⁴⁰, высказывает свой взгляд на сами «революции» 41 как последовательную смену движущей политической силы с либеральной аристократии до рабочих предместья. По мысли автора, «революции» останавливаются с приходом умеренных сил – буржуазии и разбогатевшего крестьянства, и Наполеона в их главе. Причины службы отдельных представителей аристократии, согласно автору, заключаются не только в прозаическом желании заработка и восстановления предыдущего положения у дворян, но и реальным желанием поиска опоры у Наполеона. Один из упомянутых выше авторов, Оливье Блан в биографии Мишеля Реньо де Сен-Жан л'Анжели⁴². вышедшей в 2002 году, показывает как неудачный выбор политического противовеса Наполеоном в лице военных и аристократии, так и постепенное сращение кругов финансистов и крупного дворянства, что может видеть на примере карьеры самого героя биографии. Мелкий буржуа Реньо, тесно связанный с роялистской агентурой, был не единственным примером. Так, автор другого сочинения, посвященного расследованию причин взрыва адской машины на улице Сен-Никез 24 декабря 1800 года, приписанного наполеоновским правительством интригам якобинцев⁴³, Эме-Дени де Мартель де Порзу, префект департамента Крёз, близко знавший роялистскую среду с самого детства ввиду происхождения, описал в своей небольшой монографии работу наполеоновской пропаганды. Так, попытка покушения на первого консула, хотя и была совершена роялистами, была интерпретирована министром полиции Фуше в более выгодном Одним позднейших ДЛЯ режима духе. ИЗ примеров одновременно бонапартистской пропаганды и наполеоновской легенды, начавшейся публикации Эмманюэлем де Лас-Казом «Мемориала Святой Елены» в 1822-1823 годах была книга американского автора, в недавнем прошлом – командира полка польских лейб-улан Наполеона Януша Якуба (Джона Джейкоба) Лехмановского,

⁴⁰Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2012. 362 с.

⁴¹Там же С. 12.

⁴²Blanc, O. L'Éminence grise de Napoléon: Regnaud de Saint-Jean d'Angély, P., 2002, 331 p.

⁴³M<artel>, M. A. de. Étude sur l'Affaire de la machine infernale du 5 nivose an IX. P., 1870. 208 p.

бонапартиста до конца своей жизни⁴⁴. Компоненты легенды, раннее становление которой будет рассмотрено в настоящей работе, были изучены в биографии «Наполеон: Политическая история» (2004) американского историка Стивена Ингланда⁴⁵, рассматривающая геополитические взгляды Наполеона в разные периоды его правления, а также загадку его личности и правления, связанную с переходом от корсиканского патриотизма к якобинским взглядам вплоть до создания Империи.

Российская историография, как правило, берет личность Наполеона либо в контексте создания европейской системы государств, либо как военного лидера, не останавливаясь на вопросе убеждений и их эволюции. Одним из немногих исключений из этого правила является монография историка и специалиста по наполеоновским войнам А. Ю. Иванова, занявшимся также изучением культуры, науки и повседневной жизни Первой империи⁴⁶, который относит самого Наполеона и его современников к предромантической культуре, в рамках которой такое поведение было более чем естественно. Помимо прочего, книга обладает тем достоинством, что объясняет в рамках этого контекста поступки и образ жизни таких людей, как французские эмигранты на службе у разных государств и режимов. Иной взгляд на общественную жизнь и повседневность этой эпохи исповедует «История нравов» (1909-1912) историка и карикатуриста Эдуарда Фукса⁴⁷, исповедовавшего принципы марксизма и увлеченного той областью исследований, которую сейчас называют гендерной историей. По сути, его книга одной из первых применила марксизм в качестве исследовательской базы, совместив его с социологией, историей искусства и даже историей моды, что автор так или иначе поставил в связь с нарождающейся буржазной моралью. Краеведческая психогеографическая книга британского

⁴⁴Lehmanowsky, J. J. History of Napoleon, Emperor of the French, King of Italy, &c. &c. By J. J. Lehmanowski, Formerly Commander of a Regiment of Polish Lancers in the Body Guard of Napoleon, and Member of the Legion of Honour, &c., &c., &c. Washington, 1832. 56 p.

⁴⁵Englund, S. Napoleon: A Political Biography. N. Y., 2004. 592 p.

⁴⁶Иванов, А. Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне. М., 2006. 351 с.

⁴⁷Фукс, Э. История нравов. Смоленск, 2010. 544 с.

культуролога Эндрю Хасси о парижской семиотике $(2006)^{48}$ выражает примерно те же настроения, используя в качестве примера инфраструктуру Парижа времен Империи.

Связь российского двора, роялистских агентов, французских принцев и антифранцузской коалиции рассматривается также в биографии генерала Жана-Виктора Моро, написанной А. В. Зотовым 49, почетным членом Международного наполеоновского общества, где использованы многие ранее неопубликованные источники. Несмотря на то, что автор решительно отрицает какие-либо роялистские симпатии своего героя, данный труд ценен довольно оригинальным воспроизведением дела Пишегрю и интерпретацией участия в нем Моро. В направлении ревизии и пересмотра ранее устоявшихся в науке мнений, имеющих место в оценке личности конкретного человека, принадлежит и биографический труд Л. Л. Ивченко, посвященный Кутузову 50 , где особенно ценными для настоящей работы оказываются разделы, посвященные повседневной жизни и политическим взглядам великого полководца, во многом бывшего франкофилом и сторонником идей Просвещения. Также эта работа примечательна соотнесением русского патриотизма, сыгравшего огромную роль в войне 1812 года, и традиционной для конца XVIII-начала XIX века культурой космополитического франкоязычного свободомыслия.

В истории Великой французской революции и ее восприятия на пространстве Российской империи огромную и далеко не всегда точно оцененную, а иногда и переоцененную, роль сыграли разного рода «тайные общества». В первую очередь под тайными обществами понимаются организации масонского образца, с соответствующим церемониалом, иерархической структурой и абстрактной мистической основой в качестве идеологического фундамента. Помимо обществ такого рода, существовали организации с похожей структурой, но иной целью и идеологией, практически полностью лишенной

⁴⁸Хасси, Э. Париж: анатомия великого города. М.-СПб., 2010. 640 с.

 $^{^{49}}$ Зотов, А. В. Главный соперник Наполеона. Великий генерал Моро. М., 2012. 416 с.

⁵⁰Ивченко, Л. Л. Кутузов. М., 2012. 494 с.

мистического элемента, - а именно, Орден иллюминатов, созданный Адамом Вейсгауптом на территории Баварии в 1776 году, с которым часто путали масонские общества. Отдельной проблемой исследования русского масонства как раз и явилась идеологическая база масонства на русской почве и корни уставов русских лож. Так как ко времени революции масонское движение еще не полностью изжило себя (и даже отчасти вышло из подполья в лице так называемого Великого Востока России), подобная область исследований граничила как с историей философии и общественной мысли, так и с новой для того времени наукой социологией.

В частности, в этой области подвизались такие историки, как Александр Николаевич Пыпин с монографией о масонстве XVIII-первой четверти XIX века⁵¹, и будущий основатель евразийства Григорий Владимирович Вернадский⁵². Монографии и статьи этих исследователей первыми в российской историографии обозначили как пути проникновения масонства в Россию, так и почву, на котором выросло его влияние на общественную жизнь указанного периода. Для исследователя французской эмиграции в России особый интерес представляют разделы, касающиеся проблемы русско-французских масонских связей и влияния масонства на религию, что также являлось проблемой для французских роялистов вроде Жозефа де Местра.

В настоящее время некоторые лакуны в исследованиях, посвященных проблеме масонства, до сих пор остаются в историях как отдельных обществ, лож и орденов, так и в биографиях важнейших деятелей движения. Например, биография Калиостро, сыгравшего одну из ключевых ролей в деле об ожерелье 1785-1786 годах авторства Е. В. Морозовой⁵³, специализирующейся на жизни деятелей эпохи Просвещения и Великой французской революции, не стремится, да и не может дать хронологически точную и непротиворечивую картину жизни и светских связей своего героя. Автор ограничивается только изложением

⁵¹Пыпин, А. Русское масонство в XVIII-м веке.//Вестник Европы. Второй год. – Том IV. Декабрь. СПб., 1867. Ч. VII. С. 1-70.

⁵²Вернадский, Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. 286 с.

⁵³Морозова, Е. В. Калиостро. М., 2011. 313 с.

разнообразных гипотез, касающихся деятельности авантюриста, довольно близко знавшего верхушку придворного мира Франции. Наряду с этой литературой, на современном этапе изучения вопросов масонских организаций и других движений, выраженный мистико-эзотерический имеющих ярко элемент, встречаются публицисты, не разделяющие взгляда на предмет своего изучения со стороны научной картины мира. Иными словами, эти публицисты так или иначе связаны с упомянутыми мистико-религиозными течениями, как, например, О. А. Володарская, прямо называющая себя сторонницей идей Блаватской и Н. К. и Е. И. Рерих⁵⁴. К сожалению, данная тема, прямо или косвенно затрагивающая имена известных масонов или эзотериков XVIII века, до сих пор не нашла непредвзятого исследователя.

Французская историография тайных (конспиративных неформальных) обществ несколько отличается от российской в силу более открытого характера, который носили ложи даже в обществе Старого режима. Другой причиной непопулярности в широких массах конспирологического характера существования масонства объясняется как раз тем, что масонская конспирология была изобретена именно во Франции. Так, совместный труд Лорана Купфермана и Эмманюэля Пьерра «Чем Франция обязана масонам?» (2012)⁵⁵, в котором два автора, члены Великого Востока Франции, занимаются критическим разбором популярных мифов о масонстве, в том числе и об участии «вольных каменщиков» в подготовке революции, призван в очередной раз доказать неправомочность концепции аббата Барюэля (1797-1799). Статья про декабристов и французского эмигранта Эраклиюса де связи масонские Полиньяка, написанная Жаном Брёйяром⁵⁶, правда, отражает несколько иную картину масонства французских эмигрантов, пребывающих на русской службе, но автор, наряду с указанием причин недовольства Полиньяком идеологией

⁵⁴Володарская, О. А. Граф Сен-Жермен. М., 2012. 464 с.

⁵⁵Kupferman, L., Pierrat, E. Ce que la France doit aux franc-maçons. P., 2012. 285 p.

⁵⁶Breuillard, J. Héraclius de Polignac et l'occupation russe en France// L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. P., 2004. P. 437-463.

консерватизма, считает своего героя в большей степени филантропом и просветителем.

Деятельность Павла I в качестве гроссмейстера Ордена святого Иоанна Иерусалимского, который часто ошибочно причисляют к разряду тайных обществ в научно-популярной и публицистической литературе, также отразилась в историографии. В частности, опасность полного или частичного отождествления масонских организаций с духовно-рыцарскими католическими орденами осознается историками самих этих орденов, например, В. А. Захаровым, посвятивших свои работы системе взаимоотношений Ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена) с Российской империей⁵⁷. Его коллега В. В. Акунов, член многочисленных монархических объединений, журналист по профессии, также занимается изучением проблемы восприятия рыцарских орденов и их состояния в современном мире⁵⁸. Подобные исследования, несмотря на явную ангажированность публикаций, тем не менее, являются богатыми в плане использования источников и доступа к архивам представленных ими организаций. Иная ситуация обстоит с западноевропейской историографией, созданной «по горячим следам» на основе как письменных источников, так и свидетелей очевидцев. Иногда этому есть конъюнктурное объяснение: Феликс Жан, виконт де Конни, занялся темой оккупации Мальты французами в подтверждение своих легитимистских взглядов, в 1843 году⁵⁹, что дало ему и его партии хорошее подтверждение тезисов аббата Барюэля о масонском заговоре, лежащем в основе революции. Впрочем, книга самого Конни, часть его капитального труда по истории всей французской революции, довольно беспристрастно излагает события, и без того довольно сложные для оправдания своей законности. Некоторые исторические сочинения, упомянутые в тексте, имели широкую известность уже к началу XIX века, и самим своим появлением на свет повлияли на государственную политику. Речь здесь идет, в первую

⁵⁷Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. М., 2012. 412 с.; Захаров, В. А. Император Всероссийский Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. СПб., 2007. 284 с.

⁵⁸ Акунов, В. В. История военно-монашеских орденов Европы. М., 2012.

⁵⁹Notice sur l'occupation de Malte en 1798, par l'armée française. Réponse à une assertion avancée par M. de Conny dans son Histoire de la Révolution Française. P., 1843. 32 p.

очередь, об «Истории мальтийских рыцарей» аббата Рене-Обера де Верто⁶⁰. Объемный и подробный труд из четырех томов, посвященный Ордену святого Иоанна Иерусалимского, который и нанял аббата в качестве официального историографа, отличался хорошим слогом и легкостью изложения, что сделало его популярным начиная с первой публикации в 1726 году. Среди поклонников «Истории мальтийских рыцарей» особенно выделяется будущий император Павел I, применивший идеи Верто о рыцарстве на практике, благодаря чему это классицистическое творение было упомянуто в настоящей работе.

Историография, занимающаяся областью истории культуры, является достаточно богатой в области междисциплинарных исследований, в первую очередь литературы. Особенно этот пласт взаимного влияния культур Франции и России интересовал отечественную историографию. В 1929 году вышло классическое исследование о литературных кружках XIX века, написанное с социаологических позиций, принадлежащее перу М. И. Аронсона и С. А. Рейсера 1, где впервые дается описание литературного кружка и отличие его от салона, а также прочих артистических и литературных объединений. Стоит сказать, что наличие французского «прототипа» русского салона в монографии упоминалось мельком, равно как и ведущая роль женщины в формировании такого рода объединения. Тема культуры конца XVIII-XIX века на некоторое общественно-политическими время будет заслонена исследованиями литературной среды. Более подробно на теме связи культуры и истории повседневной жизни остановится эмигрантское литературоведение, в том числе пушкинистика. Одним из таких представителей эмигрантской науки является Модест Людвигович Гофман (1887-1959), известный литературовед-пушкинист⁶², исследователь круга знакомых и друзей Пушкина, среди которых встречаются имена французских эмигрантов. В современном литературоведении прослеживается влияние семиотики, используемой на отечественной почве не в

⁶⁰Vertot, abbé de. Histoire de l'ordre des chevaliers de Malte. T. II. A Paris, M D CCC XIX. 418 p.

 $^{^{61}}$ Аронсон, М., Рейсер, С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. 395 с.

⁶² Гофман, М. Драма Пушкина. Из наследия пушкиниста-эмигранта. М., 2007. 317 с.

последнюю очередь благодаря школе Ю. М. Лотмана. В настоящее время исследованием семиотики русской культуры заняты многие другие ученые из разных областей знания, например С. О. Шмидт⁶³, историк и культуролог, и Е. П. Гречаная, переводчик и литературовед 64 , авторы монографий и статей на тему создания своеобразного дискурса французских эмигрантских литераторов, а также его восприятия на почве русского романтизма. Слова и образы, заимствованные из французской «легкой поэзии» были позднее как буквально переведены на русский язык, так и заменены русскими «аналогами», как это показано, в биографиях поэтов Д. В. Давыдова и Василия Львовича Пушкина, написанных А. Ю. Бондаренко⁶⁵ и Н. И. Михайловой⁶⁶ соответственно, где, в частности, упоминается о заимствовании этими авторами жанра французского пасторального любовного стихотворения (эклоги). Повлиявшая на отечественных поэтов французская лирика и особенности ее бытования в предреволюционных и эмигрантских условиях рассмотрена в статье итальянского историка Бенедетты Кравери, занимающейся проблемой педагогики и воспитания в XVIII веке, посвященной жизни и творчеству мадам де Жанлис⁶⁷. Кроме того, в истории креольских поэтов конца XVIII века, в том числе Эвариста Парни и Андре Шенье, написанной историком и литературоведом Гвенаэль Буше (2009)⁶⁸, излагаются причины создания такого рода лирики именно в среде «креольского землячества» с его размытыми социальными границами. Книги краеведа Петра Николаевича Столпянского (1872-1938) изучают проблему салонов и неформальных кружков людей искусства с нескольких сторон. Так, сборник двух его монографий, «Петергофская дорога и музыкальный Петербург»⁶⁹, включает в себя как

_

⁶³Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2.: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М., 2009. 576 с.

⁶⁴Gretchanaïa, E. L'exil et la patrie dans la correspondance d'émigrés français en Russie (la princesse de Tarente, Xavier de Maistre, le marquis de Lambert, Ferdinand Christin)//Exil et épistolaire aux XVIIIe et XIXe siècles. Des éditions aux inédits. Textes réunis et publiés par Rodolphe Baudin, Simone Bernard-Griffiths, Christian Croisille et Elena Gretchanaïa. Cahier № 16, Clermont-Ferrand, 2007. P. 157-169.

⁶⁵Бондаренко, А. Ю. Денис Давыдов. М., 2012. 364 с.

⁶⁶Михайлова, Н. И. Василий Львович Пушкин. М., 2012. 406 с.

⁶⁷Craveri, B. Mme de Genlis et la transmission d'un savoir-vivre//Madame de Genlis. Littérature et éducation. Universités de Rouen et du Havre, 2008. P. 117-129.

⁶⁸Boucher, G. Poètes creoles du XVIIIe siècle: Parny, Bertin, Léonard. Vol. 1. P., 2009. 240 p.

⁶⁹Столпянский, П. Н. Петергофская дорога и музыкальный Петербург. М., 2011.

культурную историю Петербурга и его пригородов, отчасти затрагивая тему усадьбоведения, так и одну из самых малоисследованных проблем – музыкальную составляющую салонов, которая включала в себя как частные встречи с признанными виртуозами, так и талантливыми «дилетантами», в основном из дворянской среды. Созданию произведений искусства и бытованию культуры и предметов искусства в среде высшего дворянства посвящены сборник очерков В. П. Старка, литературоведа и искусствоведа, специалиста в области пушкиноведения⁷⁰, изучающего язык живописи конца XVIII-начала XIX века и сама живопись в контексте эпохи, испытавшая несомненное влияние благодаря эмигрантским художникам эпохи рококо.

Благодаря изгнанию и утрате привычного им общества Старого режима, деятели искусств смогли создать свою собственную версию английского сентиментализма, выразив в своем творчестве, образе жизни и мироощущению атмосферу ностальгии и близкого крушения. Этот мотив особенно заметен в зарубежной историографии, посвященной творчеству эмигрантов. Таким предстало просвещенной части русского дворянства творчество французской художницы и изобретательницы стиля рококо Элизабет Виже-Лебрен, чья творческая жизнь в контексте эпохи описана в творческой биографии искусствоведа и автора гендерных исследований американки Мэри Шерифф (1996)⁷¹.

Кроме синтеза литературоведения, искусствоведения и истории, в изучение эмигрантской культуры и шире — «философии контрреволюции», часто вносят свой вклад и специалисты многих других областей знания. Так, наряду с консервативным и аполитичным, если его можно так назвать, направлениями французской историографии до сих пор остается в силе социалистическое и общелиберальное, которое представляет собой историк и философ Зеев Штернхель, гражданин Израиля, преподающий во Франции и США. Его обширная работа «Традиция анти-Просвещения с XVIII века до наших

⁷⁰Старк, В. П. Портреты и лица: XVIII – середина XIX века. СПб., 1995. 268 с.

⁷¹Sheriff, M. D. The Exeptional Woman: Elisabeth Vigée-Lebrun and the Cultural Politics of Art. Chicago, 1997. 353 p.

дней» (2006; второе издание вышло в 2010)⁷² занимается критическим разбором положений в том числе и эмигрантских консервативных мыслителей. Среди работ эмигрантов и революционеров онжом ПО истории культуры **ЧТУНКМОПУ** интересную работу Мари-Кристин Баке, проследившей за трансформацией образа Сен-Жюста в романтической литературе⁷³, биографию композитора эпохи рококо Антуана Доверня авторства Бенуа Дратвики (2011)⁷⁴. Эти труды любопытны тем, что пытаются понять изменения культурного образа реальной исторической персоны (М.-К. Бакес) под влиянием «стиля эпохи», или же исследовать попытки человека искусства «вписать» свой дореволюционное творчество в модное новое направление. Пресловутый «стиль эпохи», который не стоит, однако, путать с официальной пропагандой, в те времена и в то общество транслировался через салоны. Этой теме также посвящены монографии, в которых роль салона не исчерпывается исключительно как площадка для общения людей искусства. Ирландский врач, писатель и историк Ричард Роберт Мэдден, автор и составитель жизнеописания леди Блессингтон⁷⁵, светской дамы начала XIX века, известной в артистических и консервативных кругах Франции и Великобритании, знал героиню своего повествования лично. Это, однако, не помешало ему подойти к рассказу о ее жизни и салонной культуре начала века с позиций исследователя, основываясь на письмах, записках и других текстах героини книги. Историк, писательница и автор монографий на тему салонной культуры Франции XVIII-XIX веков Франсуаза Важнер в своей биографии Жюльетты Рекамье (1986)⁷⁶, подходит к проблеме несколько по-иному, называя свою героиню в первую очередь сторонницей искусства романтизма.

⁷²Sternhell, Z. Les anti-Lumières. Une tradition du XVIIIe siècle à la guerre froide. Saint-Amand, 2010. 942 p.

⁷³Baquès, M.-C. Le double mythe de Saint-Just à travers ses mises en scène//Mémoires et miroirs de la Révolution française. Cahiers du Centre d'histoire «Espaces et cultures ». № 23. Université Blaise-Pascal/Clermont-Ferrand II, 2006. P. 9-26.

⁷⁴Dratwicki, B. Antoine Dauvergne (1713-1797). Une carrière tourmentée dans la France musicale des Lumières. Wavre, 2011. 479 p.

⁷⁵Madden, R. R., M. R. I. A. The Literary Life and Correspondence of The Countess of Blessington. 2nd ed. By R. R. Madden, M. R. I. A. Author of "Travels in the East", "Infirmities of Genius", "The Musulman", "Shrines and Sepulchres", "The Life of Savonarola", etc. Vol. I. L., 1855. 556 p.

⁷⁶Важнер, Ф. Госпожа Рекамье. М., 2004. 369 с.

Помимо такой частной проблемы, как салон, в истории времен Старого режима преобладающая роль оставалась за двором правителя. В эмиграции представители придворных кругов также попытались восстановить если не содержание придворной жизни, то хотя бы ее церемонии. История повседневной жизни аристократии перед революцией и в эмиграции особенно широко исследуется во Франции, в которой эта традиция была заложена еще школой «Анналов». Рукопись французского генеалога Франсуа Поси «Далекая и загадочная Курляндия» (2012)⁷⁷, любезно предоставленная в мое пользование гном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца-музея, показывает сложности поддержания версальского церемониала в Митавском дворце, не предназначенном для большого дворцового хозяйства. Дух Старого режима, который пыталась возродить эмигрировавшая аристократия, убедительно показан в монографии исследователя дворянства Мишель Фижак, который не только одним из первых занялся проблемой генеалогической истории аристократии или экономической ситуации сеньориальных вотчин, но и попробовал рассмотреть историю дворянства Старого режима комплексно и регионально в своей монографии 2013 года⁷⁸. История конкретного рода и его вклад в усадебную культуру рассматривается в монографии краеведа Анриетты Роге «Сегюры: военные, придворные и сеньоры Роменвилля» (2012)⁷⁹, посвященной в основном их поместью. Проблему становления демократических институтов во Франции, почитавшейся просветителями как страна куртуазности, в неожиданном аспекте ставит перед читателем историк и культуролог Филипп Рено в своей «Вежливости эпохи Просвещения» (2013)⁸⁰, книге, которая написана о сугубо французском понятии "politesse', которое можно перевести и как «культурность» или «цивилизованность». В этих и других трудах по истории Старого режима

⁷⁷Paucis, F. Lointaine et mysterieuse Courlande. Vol I. P. 167. [рукопись].

⁷⁸Figeac, M. Les noblesses en France. Du XVIe au milieu du XIXe siècle. P., 2013. 415 p.

⁷⁹Rogué, H. Les Ségur. Hommes de guerre, courtisans et seigneurs de Romainville au XVIIIe siècle. Éditions de l'Onde, 2012. 223 p.

⁸⁰Raynaud, Ph. La politesse des Lumières. Les lois, les mœurs, les manières. Gallimard, 2013. 294 p.

показывается как исторический, так и экономический фон для жизни богатых вотчинников, который, естественно, невозможно было воссоздать полностью.

Российская историография с 1990-х годов также активно включилась в исторической повседневности. Литература, исследование которая была использована при работе с настоящим исследованием, посвящена повседневной жизни российского императорского двора и высшей аристократии указанного (или близкого к указанным территориальным рамкам) периода. Петербургское общество и двор, который стал для многих из эмигрантов желанным полем деятельности, воссоздан в монографии Л. В. Выскочкова 81 , известного историка правления Николая I, также много времени посвятившего изучению повседневной истории императорского двора конца XVIII – первой половины XIX века, времени. Изменения в дворцовом укладе, церемониале и даже атмосфере, вызванные французским влиянием и созданной на их основе консервативнопатриотической идеологии, не всегда составляют единственную тему подобных монографий. Иногда исследование повседневной жизни императорского двора носит довольно неожиданный характер. Например, К. А. Писаренко, специалист по истории России XVIII века, посвятил несколько своих работ времени правления Елизаветы Петровны⁸². Через кропотливое изучение деловой и хозяйственной переписки, анализа описи императорской библиотеки и многого другого этот историк усердно борется с устоявшейся в науке концепцией о средних государственных способностях императрицы. Так, использование имени «дщери Петра» в целях пропаганды, включая нелестную для самой императрице информацию, он свою оригинальную теорию о Елизавете как о хитроумном государственном деятеле, сознательно готовившем себя к самостоятельному правлению с возраста пятнадцати лет, начиная с момента смерти Петра Великого 83 .

⁸¹Выскочков, Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. 493 с.

⁸²Писаренко, К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. 873 с.

⁸³См. тж.: Писаренко, К. А. Тайны дворцовых переворотов. М., 2009. С. 11-13.

Историки повседневной жизни также не оставляют незатронутой тему проникновения романтических и сентиментальных веяний в строгий дворцовый протокол. Наиболее самобытным в этом плане представляется подход соавторов Е. Э. Ляминой и Н. В. Самовер, занимающихся изучением микроистории литературных сообществ и близких к ним кругов⁸⁴. К междисциплинарным монографиям, соединившим, наряду с историей, религиоведение, культурологию и историю философии, принадлежит и монография Е. Н. Цимбаевой «Русский католицизм. Идея всеевропейского единства в России XIX века» воссоздавшей интерес к запрещенному официально переходу православных верующих в католичество, чему способствовала атмосфера воспитания дворянской молодежи.

Не последнюю роль в феномене «русского католицизма играли иезуиты, отчасти связанные с французами-роялистами. Зарубежная историография, посвященная религиозному (католическому по преимуществу) миссионерству в Российской империи, пока еще немногочисленна. В частности, этой теме многие сочинения одесского краеведа Александра Ивановича Третьяка, русскоязычного специалиста по периоду правления Дюка де Ришелье и Александра Федоровича Ланжерона (1803-1814 и 1816-1820). Одна из его статей приоткрывает тайну деятельности, пожалуй, самой загадочной фигуры истории В католического миссионерства, отца Габриэля Грубера⁸⁶, пытавшегося пересадить на русскую почву педагогические приемы отцов-иезуитов. Тем не менее, официальная деятельность лиц, принадлежащих к не присягнувшим Конституции священникам, не составляла их основного занятия, как то пытается доказать обобщенная история агентов влияния «Внутренний враг: История разведчиков, спецслужб и тайной агентуры» английского специалиста по разведке и шпионажу Терри Кроуди (2006)⁸⁷.

 $^{^{84}}$ Лямина, Е., Самовер, Н. Поэт на балу. Три маскарадных стихотворения 1830 года// Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 141-176.

⁸⁵Цимбаева, Е. Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века. М., 2008. 208 с.

⁸⁶Третьяк, А. И. Аббат Николь и первая книга Одессы// Життя і пам'ять: Наукова збірка, присвячена пам'яти В'ячеслава Івановича Шамко. Одесса, 2009. С. 141-150.

⁸⁷Crowdy, T. The Enemy Within: A History of Spies, Spymasters and Espionage. Oxford, 2011. 368 p.

Генеалогические исследования, посвященные как теме царственных домов Романовых и Бурбонов, так и важнейшим дворянским фамилиям, составляют огромный пласт историографии, начиная от справочного материала, безусловно необходимого изучении представителей французских при аристократических домов, часто путешествовавших под разными титулами, как, например, многотомное пособие шевалье де Курселя, написанное в 1826 году⁸⁸, которое изобилует подробностями относительно владений и линьяжей различных фамилий Старого режима. Романизированная биография Людовика созданная Александром Дюма⁸⁹, также используется в качестве дополнительных материалов из-за огромного количества слухов и анекдотов, собранных в ней и практически дословно цитирующих мемуары Сен-Симона, письма мадам де Севинье и анонимные исторические анекдоты из памфлетов времени Фронды. Как бы то ни было, подобный подход к историческим сочинениям сохранялся вплоть до второй половины XIX века, когда историческая наука обрела статус строгой научной дисциплины, во многом благодаря позитивистам. Тем не менее, авторы сочинений об истории Нового времени часто были литераторами или журналистами, подобно уже упоминавшемуся Эрнесту Доде. К проблеме оценки исторического персонажа по современным ему источникам обращается М. А. писатель и литературовед, изучавшая жизнь великого князя Кучерская, Константина Павловича 90 в свете художественной литературы и мемуаров первой четверти XIX века, а позднее продолжила свои изыскания уже в смежной дисциплине. Фигура Константина Павловича, как и его старшего брата Александра I, при жизни и после смерти оценивалась довольно невысоко, будучи связана с негативными оценками внешней политики России в отношении к либеральным идеям и республиканской Польше.

К генеалогии владетельных домов, а также ее репрезентации в обществе как средство пропаганды или идеологического давления обращались

⁸⁸Courcelles, M. le Chevalier de. Histoire généalogique et héraldique des pairs de France, des grands dignitaires de la Couronne, des principales familles nobles du Royaume, et des maisons princières de l'Europe, précédée de la généalogie de la maison de France. P., M. DCCC. XXVI. T. VI. 342 p.

⁸⁹Дюма, А. Людовик XIV. Биография. М., 2006. 784 с.

⁹⁰ Кучерская, М. А. Константин Павлович. М., 2013. 341 с.

англоязычные исследователи. В частности, английская писательница путешественница Изабелла Фрэнсес Ромер была создательницей одного из самых подробных жизнеописаний Марии-Терезы-Шарлотты, герцогини Ангулемской⁹¹, где немало места уделено пребыванию двора графа Прованского в Митаве. Несмотря на сентиментальный стиль изложения, эта биография является одним из самых подробных описаний пребывания Людовика XVIII в Митаве и его роли в российской политике того времени. Историк и писатель Эвелин Леве, занимающаяся изучением Старого режима в XVIII веке, дополняет картину взаимоотношений старой аристократии и новой империи с точки зрения Людовика XVIII $(1988)^{92}$, которого автор считает прагматичным и наиболее одаренным политически вождем роялистов. Другую сторону русской консервативной политики, пытавшейся создать единую Германию в рамках Священного союза, демонстрирует современный немецкий историк Детлеф Йена, изучению русско-германской посвятивший жизнь славистики И взаимоотношений, в биографии сестры императора Александра I Екатерины $(1993)^{93}$. Генеалогические Павловны изыскания американско-французской исследовательницы Франсин дю Плесси Грей о семье маркиза де Сада (1998) также дополнили представление о жизни мальтийских рыцарей Российского приората 94. Характер справочных материалов носили сведения из монографий швейцарского историка права Ромюальда Шрамкевича «Наместники и цензоры Банка Франции при Консулате и Империи» (1974)⁹⁵.

К вышеприведенным историко-генеалогическим исследованием хотелось бы добавить специфически западный жанр исторической биографии, имеющей немало точек пересечения с «историей королевских семей», как это обозначается самими авторами. Жанр исторической биографии, так или иначе связанной с генеалогией и культурной жизнью эпохи, переживает новый расцвет

⁹¹Romer, Mrs. Filia dolorosa. Memoirs of Marie Thérèse Charlotte, Duchess of Angoulème, the Last of the Dauphines. By Mrs. Romer, Author of 'A Pilgrimage to the Temples And Tombs of Egypt', etc. L., 1853. 551 p.

⁹²Lever, É. Louis XVIII. Pluriel, 2012. 597 p.

⁹³Йена, Д. Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2008. 415 с.

⁹⁴Plessix Gray, F. du. At Home with the Marquis De Sade. L., 2000. 496 p.

⁹⁵Szramkiewicz, R. Les régents et censeurs de la Banque de France nommés sous le Consulat et l'Empire. Genève, 1974. 427 p.

с последней четверти XX века, что не могло не повлиять на историческую науку в целом. Многие исследователи королевских домов, с которыми они часто родственно связаны, что облегчает доступ в частные архивы аристократии, например, леди Антония Фрэзер, обогатили представления о вкладе тех или иных одиозных персонажей в политику. Характерным и наиболее блестящим примером является биография Марии-Антуанетты, критически подошедшая к теории Бурбонов (2001)⁹⁶. Часто подобные «австрийского заговора» основываются на хронологическом рассмотрении жизни своего персонажа, как, например, биография Екатерины II британского историка Вирджинии Роундинг (2006)⁹⁷, что до сих пор широко не практиковалось. В качестве справочных материалов для сравнения русско-французских отношений в разные эпохи и абсолютизма Франции ЭВОЛЮЦИИ понятия во использованы сочинения швейцарского историка Франсины Доминик Лиштенан (2007)⁹⁸ и Жана-Кристиана Птифиса (2006) 99 соответственно.

Относительно новой в **отечественной историографии** является тема **усадьбоведения**, зародившаяся только к началу XX века, но, по понятным причинам, не получившая развития. Современные российские историки решили восполнить пробелы в этой отрасли, занявшись изучением не только сельских усадеб, но и городских дворцовых ансамблей. Так, сочинение А. В. Буторова ¹⁰⁰, будучи по заголовку посвященным биографии князя Н. Б. Юсупова, в действительности носит характер исследования в области генеалогии рода Юсуповых, усадьбоведения и повседневной жизни дворян в последней четверти XVIII-первой четверти XIX века, что объясняется должностью исследователя как официального историографа возрожденного Английского клуба. Другой историк и искусствовед, С. О. Кузнецов, возглавляющий филиал Государственного Русского музея — Строгановский дворец, занялся изучением рода Строгановых

⁹⁶Фрэзер, А. Мария Антуанетта: Жизненный путь. М., 2007. 638 с.

⁹⁷Роундинг, В. Екатерина Великая. М., 2009. 730 с.

⁹⁸Лиштенан, Ф. Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012. 635 с.

⁹⁹Птифис, Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008. 382 с.

¹⁰⁰Буторов, А. В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М., 2012. 655 с.

(или, как он пишет, Строгоновых¹⁰¹), обращая внимание в первую очередь на вклад представителей семьи в архитектурную составляющую Москвы и Петербурга. Подобный подход характерен и книге А. М. Даниловой¹⁰², которая посвятила большинство своих книг судьбам выдающихся женщин-аристократок и в целом влиянию светской женщины на культуру и политику императорской России.

Помимо вышеприведенных исследований, автор часто обращался к таким трудам, тема которых не касалась непосредственно данной работы, но была полезна в качестве консультации по отдельным вопросам геополитики, генеалогии и даже антропологии. В частности, рассмотреть степень успешности высадки французского десанта на английском побережье помогла биография королевы Изабеллы Французской пера Элисон Уэйр (2005)¹⁰³, осуществившей одну из немногих успешных попыток вторжения в Великобританию по морю. Для рассмотрения убыли французской аристократии в ходе Религиозных войн автору помогла книга шведско-британского автора Леони Фриды (2003)¹⁰⁴ «Екатерина Медичи», освещающая неудавшуюся политику примирения католиков с гугенотами. Немаловажная для данной работы информация о гигиене XVIII века была получена из научно-популярного издания о методах научного исследования $(1953)^{105}$. Франклина антрополога Джеймса одного американского классической трудов в данной области. В качестве справочной литературы по этническому составу французских земель в Средние века использовалась монография медиевиста Жана Флори «Ричард Львиное Сердце: Король-рыцарь» $(1999)^{106}$, посвященной проблематике рыцарства и становлению государства Плантагенетов.

Цель работы заключается в том, чтобы показать сложный механизм взаимодействия между центральной властью, местными структурами и

¹⁰¹Кузнецов, С. О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М., 2012. 557 с.

¹⁰²Данилова, А. Ожерелье светлейшего: Племянницы князя Потемкина: биографические хроники. М., 2009. 608 с.

¹⁰³Уэйр, Э. Французская волчица – королева Англии: Изабелла. М., 2010. 629 с.

¹⁰⁴Фрида, Л. Екатерина Медичи. М., 2006. 574 с.

¹⁰⁵Franklin, J. What Science Knows: And How It Knows It. N. Y., 2009. 296 p.

¹⁰⁶Флори, Ж. Ричард Львиное Сердце: Король-рыцарь. СПб., 2008. 666 с.

эмигрантскими обществами, вынужденными сохранять status quo в условиях противоречивой мировой и внутрироссийской политической конъюнктуры.

Не будет преувеличением сказать, что для истории России это был первый пример оказания помощи определенной группе политических эмигрантов ситуации вооруженного нейтралитета самой России по отношению к Французской республике. При этом смена властей в молодом государстве делала невозможным как достижение консенсуса в отношении мер борьбы с революцией, так и организацию прямой вооруженной помощи роялистам. Из этого положения вытекает необходимость решения следующих задач: 1) рассмотреть культурную и политическую составляющую взаимоотношений России и Франции времен Старого режима, особенно усилившихся во время правления Екатерины II; 2) выяснить, какую роль императрица играла в поддержке королевской семьи и роялистских движений, а также ее отношение к предоставлению политического убежища французским эмигрантам; 3) изучить и пересмотреть теорию о том, что политика Павла I была резким и зачастую необдуманным отрицанием политики его матери примере отношения К французским эмигрантам на республиканской Франции; наконец, раскрыть механизм взаимодействия между петербургским двором и митавским «двором в изгнании»; 4) показать роль, которую Людовик XVIII играл в российской политике и то, каким образом его проживание на территории Российской империи соотносилось с международной позицией Петербурга; 5) проследить за путями нескольких социальных групп в составе эмиграции, которым предоставлялось право выбора между верностью Бурбонам, возвращением в бонапартистскую Францию или поступлением на русскую службу; 6) наконец, оценить вклад французской творческой интеллигенции в культурную и общественную жизнь России.

Источниковая база для изучения деятельности французских эмигрантов на территории Российской империи и их связей с русским правительством, Бурбонами и Наполеоном весьма богата, отдельные лакуны остаются только в вопросах статистики — численности всего французского эмигрантского населения в России, число находящихся на русской службе

иностранцев французского происхождения (в число французов при ближайшем рассмотрении можно включить и иностранцев на французской службе, как граф Ладислас Эстергази, франкоязычных жителей близлежащих стран, как братья де Местр, савойцы по происхождению, или космополитичных экспатриантов, вроде шевалье де Сакса). Остаются до сих пор неясными причины эмиграции тех или иных лиц, иногда имевших комплексные мотивы для отъезда – одновременно политические и имущественные, не все из эмигрантов, обосновавшихся именно в России, могли идентифицировать себя как роялисты. Также остается неясной доля русского центра французской эмиграции среди других мировых центров, а также доля тех из них, которые придерживались строго монархических взглядов, как того требовало само русское правительство. Многие документы еще ждут своего исследователя – особенно те из них, которые касаются агентурной работы эмигрантов и доля вернувшихся на родину или переехавших в другие страны персон. Многие из лиц, упомянутых в делопроизводственных документах тех лет, нуждаются в идентификации по французским документам. Таким образом, можно сказать, что безусловно большой пласт письменных источников в вопросе изучения французской эмиграции составляют делопроизводственная документация, дипломатические документы, представленные в том числе и в виде деловой переписки, иногда судебно-следственные материалы (например, доносы и полицейские рапорты). Законодательные акты обнаруживают как исключительную скрупулезность решения В плане частных вопросов имущественного характера и даже личной жизни видных представителей русской аристократии, что характерно для патерналистского характера самодержавия, так и довольно расплывчатые формулировки. Среди документов личного характера были использованы мемуары и дневники, имеющие особое значение в качестве неподцензурных выразителей мысли автора. Периодическая печать, послужившая важным источником сведений об общественном отношении к эмигрантам, представлена иностранными изданиями по той же причине.

Законодательные акты, которые упоминаются в данной работе, в основном были изданы в Полном собрании законов Российской империи,

крупнейшее издание такого рода, выполненное при непосредственном участии Михаила Михайловича Сперанского в 1830 году. Как правило, в работе были Екатерины II использованы законодательные акты времен Павла І. содержащиеся в томах XXIII-XXVI. Период времени, когда императрица Екатерина начала интересоваться событиями Великой французской революции в законодательном смысле, открывается с именного закона от 3 (14) августа 1789 года, называвшегося «О подтверждении, дабы никто из чинов ведомства Коллегии иностранных дел в домы Иностранных послов, Министров и прочих доверенных от других Держав особ, не ездили и не ходили» 107, чем фактически подтверждала упразднение акциденций – взятки должностным лицам от дипломатов других стран. Вслед за этим последовали другие важные акты, которые можно разделить на четыре группы: дипломатические - союзные договоры, расторжение дипломатических связей и конвенции о вооруженном нейтралите. Из них были рассмотрены декларация о вступлении российских войск Π ольшу 108 , Пруссией 109 и союзный И оборонительный договор Великобританией 110, сообщения также указ прекращении Францией 111. Тексты вышеупомянутых актов не оставляют сомнения как в отношении императрицы к французскому правительству, так и в ее стремлении к вступлению в антифранцузскую коалицию. Второй важной группой законов, изданных Екатериной II, являются законы об иммиграции, начавшиеся с непосредственно не имевшего отношения к революционным событиям указа о внесении в родословные книги русских и «иностранных дворян, присягнувших на подданство 112 , фактически что регулирует натурализацию иностранцев. Относительно строительства католических церквей и обучения священников существует несколько указов, первый из которых датируется 26 января 1789

1

 $^{^{107}}$ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 245-246.

¹⁰⁸Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 330-335.

¹⁰⁹Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 356-359.

¹¹⁰Союзный и оборонительный договор, заключенный в Санктпетербурге между Ея Величеством Императрицею Всероссийскою и Его Величеством Королем Великобританским.// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXIV. СПб., 1830. С. 647-652.

¹¹¹Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 402-405.

¹¹²Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 239-241.

года¹¹³, а также есть небольшая группа указов, говорящих о частных делах конкретных лиц из эмигрантской среды¹¹⁴. Относительно малый объем законодательных документов, касающихся темы эмиграции, был связан с осторожностью Екатерины II и с неопределенностью самого положения республиканской Франции.

I Зато при Павле появляется довольно МНОГО серьезных дипломатических документов, регулирующих отношения, прежде всего, с Мальтийским орденом¹¹⁵. Из законодательства, посвященного Российскому приорству Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, отобраны самые важные и показательные документы, в частности те, которые касаются непосредственно эмигрантов и принятия ими русского подданства. Из других международных договоров интересна конвенция 6 (21) декабря 1801 года 116, представляющая собой фактически оборонительный союз против Англии. Документы законодательного характера, относящиеся К павловской эпохе, гораздо разнообразнее, чем екатерининские, НО имен конкретных французских упоминают, сосредотачиваясь эмигрантов не на внешнеполитическом цензурном моментах борьбы с революцией.

Основной объем в изучении эмигрантской среды в Российской империи составляют именно делопроизводственные бумаги. Основной пласт использованных делопроизводственных источников составляют неопубликованные, как наиболее интересные с точки зрения повседневной жизни двора Людовика XVIII, контроле за иностранцами, составлявших его ближний круг, состава самого двора и его функциях, а также слежки за самими Бурбонами.

¹¹⁶Конвенция морскаго вооруженнаго нейтралитета, заключенная между Их Величествами, Императором Всероссийским и Королем Пруссии// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXVI. СПб., 1830. С. 418-422.

¹¹³Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 96-97, 98-99.

¹¹⁴Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 237, 320-321.

¹¹⁵Конвенция, заключенная с Державным Орденом Мальтийским и Его Преимуществом Гроссмейстером, - об установлении сего Ордена в России//Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. ХХІV. СПб., 1830. С. 261-268; Прибавочная статья Конвенции, заключенной Полномочными Его Величества Императора Всероссийскаго и Полномочным Державнаго Мальтийскаго Ордена и Его Преимущества Грос-Мейстера в С. Петербурге Генваря 4/16 дня 1797 года//Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. ХХІV. СПб., 1830. С. 802-803; Манифест. – О установлении в пользу Российскаго дворянства ордена Святаго Иоанна Иерусалимскаго// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. ХХV. СПб., 1830. С. 455-458.

Особенно богатым на неопубликованные и новые источники оказался Латвийский национальный архив (Latvijas Valsts vestures arhivs, сокращенно – LVVA). Богатство этого хранилища объясняется как местопребыванием в Курляндии Людовика XVIII, его жены Марии-Жозефины, племянника и племянницы герцогов Ангулемских и их свиты, так и положением Риги как одного из крупнейших портов. Ведомости о прибывавших через Ригу в Российскую включают в себя имена. По данному империю иностранцах заключающему в себе документы канцелярии Курляндского губернатора об иностранцах,¹¹⁷ можно найти так же запросы местной администрации к служащим Рижского порта по предоставлению сведений о каких-либо прибывших лицах, а также ведомости о проезжающих через Митаву русскоподданных и иностранцев. Обычно период, за который составлялся отчет о проезжающих, составлял чуть менее месяца, составлялся в хронологическом порядке и с указанием четырех важнейших граф; сведения о конкретном человеке иногда сопровождались указанием цели приезда. Информативность данного вида источников велика главным образом для составления статистических данных о проезжающих, их социальном составе и паспортах, им данных - так, паспорта иностранцы могли получать как от российского консула, так и от канцлера графа Никиты Петровича Панина. Хронология ведомостей, упоминающих французов-роялистов лежит в пределах от июня до ноября 1798 года по старому стилю, что подтверждается целями визита, титулами и точкой назначения.

Кроме ведомостей, существуют документы другого характера, заключающиеся в рапортах, приказах и «изысках» по поводу приема и размещения Людовика XVIII в Митаве, а также о сопровождающей его свите из Курляндской казенной ЭТИХ документов являются губернатор генерал-майор курляндский Матвей Иванович Ламздорф (упоминается в документах как «Ламбздорф»; 30 января 1796 – 9 ноября 1798) и

¹¹⁷LVVA, 412 f. (Канцелярия Курземского губернатора), 7 apr. 341 l. (Pārskati par Kurzemē iebraukušiem un no Kurzeme izbraukušiem ārzemniekiem (1798),

¹¹⁸LVVA, 472 f. (Курляндская казенная палата (Kurzemes guberņas kamerālvalde), 13 apr., 35 l. (Lieta par Francijas karaļa Ludviķa XVIII uzņemšanu un iekārtošanu Jelgavas pilī), 1, 2, 13, 14, 16, 17, 19 lp.

генерал от инфантерии граф Иван Евстафьевич Ферзен (нередко именуются как «Ферзин»), приставленный императором Павлом I к французскому претенденту в качестве сопровождающего лица. Датировка документов лежит в пределах чуть более одного года – от 20 (31) августа 1797 года до 9 (20) февраля 1798 года. К данным документам примыкает другой подраздел фонда 412119, включающий документы о королевской семье, прежде всего о герцогине Ангулемской – вплоть до 20 ноября (1 декабря) 1799 года. Этот важный раздел, кроме всего прочего, анонимные донесения шпионов-французов, приставленных к Людовику XVIII и его жене, письма-прошения русскому императору от графа д'Антрэга, графа Шуазель-Гуфье и многих других, а также деловая переписка между самим Павлом I, фактическим канцлером Федором Васильевичем Ростопчиным, курляндским вице- и генерал-губернатором Николаем Ивановичем Арсеньевым (14 декабря 1799 – 20 октября 1800; с указанного времени до 6 ноября 1808 года), его предшественником Карлом-Вильгельмом Карловичем Дризеном (9 ноября 1798 - 20 октября 1800) и другими. Условно говоря, Арсеньев сообщал Ростопчину о нуждах короля и его свиты, а тот либо писал сам, либо передавал собственноручные приказы государя. Данные документы очень информативны, так как содержат ценные сведения о характере проводимой Павлом I политики. И, наконец, для полицейских доносов и приказов о розыске или задержании подозрительных лиц, проезжающих через Ригу или Митаву, предназначен фонд \mathbb{N}_{2} 3^{120} , заключающий в себе целых два долгих следствия по 1798 года. Эти дела, производившиеся в канцелярии лифляндского губернатора, показывают работу русской контрразведки в ее первозданном виде, и представляют из себя рапорты и приказы верховных властей, направленные к рижскому губернатору Петром Алексеевичу Палену. Знакомством с документами митавской магистратуры и полицейскими докладами и характеристиками¹²¹,

 $^{^{119}}$ LVVA, 412 f., 1 арг., 22 (16) l. (Бумаги, относящиеся к пребыванию Людовика XVIII с семейством в Митаве (1798-1799), 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30-31, 33, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 45, 82, 83, 84, 85, 86 lp.

¹²⁰LVVA, 3 f. (Канцелярия Лифляндского губернатора), 1 арг., 7 l. (Рапорты об иностранцах), 43, 75, 76, 159 lp. ¹²¹LVVA. 3 f., 1 арг., 7 l. 318 lp.; LVVA. 412 f., 2 арг., 28 l., 2 lp.; LVVA. 412 f., 2 арг., 28 l., 3 lp.; LVVA. 412 f., 2 арг., 28 l., 16 lp.; LVVA. 472 f., 7 арг., 3181 l., 22-34 lp.; LVVA. 640 f., 3 арг., 710 l., 77 lp.

сделанными в 1810-х и даже в 1840-х годах по сопровождавшим короля лицам данный труд обязан господину Имантсу Ланцманису, директору Рундальского дворца-музея.

Дипломатические документы времени найти ТОГО ОНЖОМ Российском государственном историческом архиве (РГИА), из которых мною использовано донесение посла в Вене князя Дмитрия Михайловича Голицына о передаче Авиньона Франции и опасениях папского престола 7 (18) февраля 1793 года 122. К письмам, имеющим вид документов личного характера, но на деле ими не являющиеся, а скорее дипломатическими донесениями и разведданными также были отнесены письма великого князя, будущего Павла I к его матери Екатерине II во время визита к Людовику XVI (10/21 мая $1788)^{123}$, переписка Екатерины II с Марией-Антуанеттой в 1791-1792 годах¹²⁴ и письмо-доклад графа Валентина Ладисласа Эстергази графу Андрею Кирилловичу Разумовского ¹²⁵ 21 февраля 1803 года, посланного с миссией в Вену на место ушедшего в отставку Голицына из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Причины, ПО которым данные источники онжом рассматривать как делопроизведственную документацию, содержатся в тексте данной работы. Из опубликованных на данный момент материалов, содержащих сведения о карьере французского эмигранта на русской службе особый интерес представляет пример Дюка де Ришелье, хотя и не характерный для всех эмигрантов, но типичный для перешедших на русскую службу представителей высшей аристократии 126.

Периодические издания Российской империи довольно редко и неохотно упоминали о Великой французской революции, ограничиваясь в основном общими сведениями фактического характера. Поэтому самую действенную помощь в деле формирования общественного мнения как у французских, так и у российских читателей, оказывали, в первую очередь **газеты**

¹²²РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 14. Л. 39-40.

¹²³РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 266. Л. 8-13.

¹²⁴РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.

¹²⁵РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 616. 4 об.

 $^{^{126}}$ «К повышению... достоин». Документы РГВИА о службе герцога А. Э. де Ришелье в русской армии//Исторический архив. — 2010. - № 6. С. 188-199.

и журналы революционной Франции. В период правления Екатерины II их можно было легко достать и открыто читать, причем самым популярным изданием заслуженно считался «Moniteur». Сперва он назывался «Gazette nationale, ou Le Moniteur Universel» 127 и был ровесником и рупором революции, появившись 24 ноября 1789 года в качестве информативного издания о событиях и дебатах революции. До 1799 года он фактически был независимым, но довольно беспристрастным изданием, которым руководили издатель «Энцклопедии» Шарль-Жозеф Панкук и будущий министр Франции Юг-Бернар Маре. Несмотря на задекларированную незаинтересованность в освещении событий, авторы журнала не могли обойтись без насмешек над контрреволюцией. Помимо авторских статей и комментариев к текущим событиям, в журнале часто можно было наиболее полно прочитать не только протоколы судьбоносных заседаний Национального и Учредительного собрания с Конвентом, определявшие судьбы страны, но и следствия по частным делам 128. Английские издания, напротив, отличались духом партийности и контрреволюции, часто печатая тематические статьи, которые так или иначе должны были отражать мнения редакция, как, например, «The Anti-Jacobin Review» 129, продолжавшего нападать на якобинцев даже после разгрома самой революции, с 1789 вплоть до 1821 года. Другие английские издания отличались либо чисто информативными сведениями о ныне живущих людях или недавно умерших современниках, как альманах «The Annual Biography And Obituary» 130, бывшего своеобразным аналогом Придворного календаря в России, либо скандальным характером, специализирующемся на погоне за сенсациями, как «The Anglo-American Magazine» 131. Несмотря на то, что эти издания появились значительно позже самих событий, которые они освещали (за ислючением «The Anti-Jacobin Review»), их можно назвать как собранием

¹²⁷Gazette nationale, ou Le Moniteur Universel. Lundi 2 Janvier 1792. Troisième Année de la Liberté. P. 1.

¹²⁸L'apostasie trainée à la barre de la Convention nationale. (Séance du 17 brumaire an II (7 novembre 1793) //Moniteur du 20 brumaire an II (30 novembre 1793)//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 831-836.

¹²⁹Carr's *Northern Summer*//The Anti-Jacobin Review and Magazine, or, Monthly Political and Literary Censor from September to December (Inclusive). -1806- With An Appendix, Containing An Ample Review of Foreign Literature. L., 1806. Vol. XXII. P. 133-147.

¹³⁰The Annual Biography and Obituary for the Year 1826. Vol. X. L., 1826. 470 p.

¹³¹Frederick and Fleury; or, The Illuminees// The Anglo-American Magazine. July to December. Vol. III. Toronto, 1853. P. 485-488.

общеизвестных и упорядоченных фактов о недавней истории, так и некритическим воспроизведением «устной истории» своего времени.

документов личного характера стоит Среди обратить особое внимание на переписку, которая зачастую велась сильными мира сего ради поднятия или создания определенного имиджа. Одним из мастеров такого рода пропаганды была Екатерина II, прославленная своей корреспонденцией с Дидро, Вольтером, Гриммом, мадам Жоффрен и многими другими просвещенными людьми своего времени. Любимым корреспондентом императрицы был Фридрих Мельхиор Гримм, письма К которому публиковались «Сборнике императорского русского исторического общества», альманаха, выходившего в 1867-1912 годах в Санкт-Петербурге. В томе № 23, вышедшем в 1878 году, содержатся письма Екатерины II к Гримму, которые были написаны ею с 1774 по 1796 год 132. В области политической она предстает перед читателем достаточно откровенной и не боящейся сказать правду французским монархам, при этом многочисленные подробности из ее личной жизни вынуждают поверить ей, несмотря на умалчивание многих значительных деталей, представляя ее обыкновенной здравомыслящей аристократкой, остроумной и терпеливой к людским недостаткам. Тем не менее, это была вполне оправданная стратегия: так, в письмах к светской львице мещанского происхождения мадам Жоффрен 133 Екатерина создает себе образ еще более учтивой и рачительной хозяйки Российской империи. Следует признать, ЧТО ЭТИ письма самодержицы существенно отличаются от писем «властителям дум» XVIII века Вольтеру и Дидро из-за их непринужденности и легкого тона, что более приближает нас к повседневной обстановке петербургского двора. К представлению об ежедневной государственной работе Екатерины читателя знакомит дневник статс-секретаря государыни Александра Васильевича Храповицкого 134, который скрупулезно записывал каждое слово и поступок своей августейшей начальницы. Книга

¹³²Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. 1878. 734 с.

¹³³Письма Императрицы Екатерины II к Г-же Жоффрен//Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. І. СПб., 1867. С. 253-291.

¹³⁴Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. 402 с.

является очень ценным свидетельством как вследствие особого положения Храповицкого при императрице, так и из-за возможности проследить за эволюцией взглядов Екатерины II на французские события.

Подобной же структурой повествования придерживался воспитатель великого князя Павла Петровича Семен Андреевич Порошин, ведший дневник с 20 сентября 1764 по 31 декабря 1765 года¹³⁵, где отмечал каждое действие воспитанника. Дневнику этому свойственна не только назидательность и убеждение в одаренности цесаревича, но и довольно точные замечания о характере мальчика и подробные записи разговоров с ним. Интерес, который Порошина представляет для историка французской заключается в ряде сведений о мыслях и увлечениях великого князя, позднее повлиявших на его политику по отношению к революционной Франции и Мальтийскому ордену. Если Порошина можно назвать в целом благодушно настроенным к Павлу I и искренне привязанного к нему, то мемуары графини Варвары Николаевны Головиной ¹³⁶ рисуют другой портрет «русского Гамлета» несчастного, но неблагодарного и неспособного к государственному управлению человека. Связано это нелестное мнение было как с карьерой самой Головиной при Екатерине II, так и с положением придворной дамы императрицы Елизаветы Алексеевны, к которой графиня питала сильную привязанность. Помимо этого, что особенно важно для настоящей работы, Варвара Николаевна была истовой католичкой и сторонницей Бурбонов, знавшей многих ИЗ легитимистов, в конце жизни даже переслившейся в Сен-Жерменское предместье, оплот роялизма во Франции. Воспоминания другого деятеля павловского времени, графа Федора Гавриловича Головкина, впервые опубликованные в Париже в 1905 году на основе дневниковых записей покойного оберцеремониймейстера 137, полны иронии и слухов, отражающих облик Павла I в глазах большей части высшего дворянства, представляют собой образчик

¹³⁵Семена Порошина записки, служащия к истории Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича. СПб., 1881. 635 с.

¹³⁶Головина, В. Мемуары. М., 2005. 447 с.

¹³⁷Головкин, Ф. Г. Двор и царствование Павла І. Портреты, воспоминания. М., 2003. 479 с.

«салонного фрондирования». Сам Головкин был человеком старой эпохи, воспитанным на французской литературе эпохи Просвещения, что отразилось на ео восприятии официальной политики России по поддержке изгнанных монархистов. Замечательный СЛОГ И живые портреты современников, нарисованные любознательным Головкиным, отличаются от мемуаров генералмайора Николая Александровича Саблукова¹³⁸ и генерал-адъютанта Николая Осиповича Кутлубицкого 139, основные черты которых - лаконичность и изложение наиболее правдоподобных, с их точки зрения, слухов и личных впечатлений службы. Если рассказ Саблукова искажен в пользу его большей занимательности для читателей английского журнала «Fraser's Magazine for Town and Country» в 1865 году 140 , то рассказы Кутлубицкого потерпели понятную перемену вследствие пересказа его знакомого А. И. Ханенко. Оба источника повествуют о разных сторонах жизни эмигрантов при петербургском дворе, причем довольно недоброжелательно, что было, очевидно, связано с подозрением их в шпионаже (у Саблукова) и недовольством столь быстрым карьерным ростом (у Кутлубицкого). Подобное же искажение изгнанников было суждено Смирновой-Россет, «Запискам» Александры Осиповны посвященным значительно более поздним временам, от ее дочери Ольги¹⁴¹, которая издала свою сильно переработанную версию воспоминаний матери в 1890-х годах. Тем не менее, несмотря на вторую версию записок, изданную в 1920-х годах, несомненно, что наряду с анахронизмами Ольги Николаевны Смирновой, в фальсифицированных мемуарах отразились факты реальные петербургского света. Смирнова-Россет застала гораздо более поздний по сравнению с интересующим нас временем период, ее свидетельства использованы в основном в качестве источника о жизни эмигрантов после Реставрации, как вернувшихся во Францию, так и оставшихся в России. Помимо этого, из

13

¹³⁸Воспоминания генерала Н. А. Саблукова//Боханов, А. Н. Павел І. М., 2010. С. 375-442.

¹³⁹Рассказы генерала Кутлубицкаго о временах Павла I [Излож. А. И. Ханенко]// Русский архив, 1912. – Кн. 2. – Вып. 8. С. 509-538.

¹⁴⁰Боханов, А. Н. Павел І. М., 2010. С. 372.

¹⁴¹Смирнова-Россет, А. О. Записки. М., 2003. 528 с.

«Записок» можно узнать о судьбе их потомков на русской службе и духовного «наследия», выраженного, например, в семейных связях, эстетических предпочтениях и читательских вкусах русского дворянства.

Записки генерал-адъютанта, генерала от инфантерии графа Евграфа Федотовича Комаровского 142 охватывают события всей его жизни, сосредотачивая внимание на вехах его профессиональной деятельности. Ценность их для настоящей работы состоит в том, что Комаровскому удалось лично видеть Бурбонов и быть свидетелем их настойчивых попыток добиться деятельной помощи от России, впрочем, в своих портретах изгнанных принцев Комаровский не оригинален и во многом повторяет оценку, данную им современниками. Если для Комаровского вид французских принцев был связан с сожалениями о падении дома Бурбонов, то для братьев Булгаковых такой дилеммы не стояло. Письма двух почт-директоров, московского и петербургского, Александра (1781-1863) и Константина Яковлевичей Булгаковых (1782-1835)¹⁴³ охватывают промежуток в тридцать два года, за который они успели поделиться друг с другом последними слухами обеих русских столиц и нескольких европейских. Александр Булгаков, кроме того, являлся дипломатом и был в курсе всего нового в Неаполе и Палермо, а также был вхож в литературные круги, лично зная Пушкина, Вяземского и многих французских консервативных деятелей. Оба брата были монархистами по склонности, что отражается и в их переписке, наполненной последними темами контрреволюционных салонов. Мать обоих дипломатов, Катрин Эмбер, была француженкой и простолюдинкой, однако братья Булгаковы остаются типичными русскими консерваторами, скептически относящимся как к либеральным французским политическим деятелям, так и к консервативным, большинство из которых они знали лично. Николай Михайлович Карамзин, хоть и назвавший (1791-1792)¹⁴⁴, сделал из свою книгу «Письма русского путешественника» реальной корреспонденции времени его пребывания в Европе 1789-1790 годах

 $^{^{142}}$ Комаровский, Е. Ф. Записки//Державный сфинкс. М., 1999. С. 9-156.

¹⁴³Булгаковы, братья. Письма. М., 2010: В 3 тт. Т. І. Письма 1802-1820 гг. 752 с.

¹⁴⁴ Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. М., 2005. 496 с.

литературное произведение, где сентиментально и чувствительно описывает предчувствие революционной ситуации, прямо ее не показывая. Несмотря на эту осторожность, отрывок путешествия по Франции был издан только после смерти Павла I, несмотря на сильные и прямо выраженные монархические чувства автора. Изредка вставляя благожелательные ремарки по адресу Бурбонов, Карамзин посвящает основное место в своих письмах французскому искусству и повседневным привычкам, что отчасти связано с отсутствием интереса или скрытой обеспокоенностью автора по поводу близящейся катастрофы. Другие русские мемуаристы-аристократы, такие, как князь Феликс Феликсович Юсуповмладший (1887-1967)¹⁴⁵ и князь императорской крови Гавриил Константинович $(1887-1955)^{146}$ не будучи непосредственными свидетелями описываемых событий, оставили ценные сведения о семейных легендах, что сделало возможным использовать их сведения как источник по интересующей нас эпохе, связанные скорее с повседневной жизнью высшего круга российского дворянства, чем непосредственно французских эмигрантов. «Былое думы», знаменитое Герцена¹⁴⁷, первого автобиогафическое сочинение Александра Ивановича издателя русской, пусть и эмигрантской печати, заявившего об убийстве Павла I, из этого ряда можно выделить как собеседника современницы тех событий Ольги Александровны Жеребцовой, чья роль в тех событиях до сих пор не выяснена окончательно, равно как и участие в них разведок Первой Империи и Великобритании.

Среди **иностранных источников** того времени выделяются **мемуары** – как авторские, так и анонимные, похожие больше на политические памфлеты, часто писавшиеся наемными писателями ради заработка. Начиная с XIX века, французские ученые занимаются изучением вопроса роялистской эмиграции в широком смысле этого слова, иногда касаясь эмиграции в Россию. Начиная с полуавтобиографических эссе, подобных «Десяти годам в изгнании» мадам де

 $^{^{145}}$ Юсупов, Ф. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887-1919. В изгнании. М., 2004. 427 с.

 $^{^{146}}$ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2005. 383 с.

¹⁴⁷Герцен, А. И. Былое и думы. М., 2007. 635 с.

ультраконсервативного мыслителя графа Жюля-Огюста-Армана де Полиньяка 148, начинается сам период рефлексии самих эмигрантов над их судьбами и обреченностью Старого режима. Полиньяк не застал Старого режима, родившись в 1780 году, поэтому его сочинение было написано как философский анализ несуществующего в то время строя, а также причин, которые привели к самой революции. Так как в рассказе невозможно избежать как упоминания о его министерской карьере и роли его матери при дворе Марии-Антуанетты, его книга очерков и размышлений не является объективным обзором имевших место событий, так же, как и собственно мемуарами. Иным характером отличались персон, воспоминания государственных например, Шарля-Мориса Талейрана¹⁴⁹, который составлял свои записки в период Реставрации с целью обелить свою репутацию, а закончил их при Июльской монархии, в установлении которой принимал участие. Таким образом ТОН сам записок остался неоднородным: с одной стороны, счастливые воспоминания о Старом режиме, а с другой – сухое изложение своей дипломатической карьеры, с пропуском некоторых особо важных деталей, будь то тайная агентура или смерть герцога Энгиенского. Совершенно другие по стилю мемуары посла Луи-Филиппа де Сегюра 150, объединенные издателем с корреспонденцией его друга принца Шарля-Жозефа де Линя. Сегюр пользовался репутацией прекрасного собеседника и острослова, участника эрмитажных вечеров Екатерины II, продемонстрировал в мемуарах, предназначавшихся для его семьи. Помимо воспоминаний, французский дипломат пробовал свои силы также и на литературном поприще, что отразилось как на его слоге, так и на его взглядах либерального монархиста, близкого к просветителям. Одним из мемуаристовконсерваторов был также ультрароялисткий премьер-министр Эжен Франсуа

¹⁴⁸Polignac, J.-A.-A. Études historiques, politiques et morales. Sur l'état de la Société europ<éenne> vers le milieu du 19 siècle. Par le prince de Polignac. Bruxelles, 1845. T. I. 183 p.

¹⁴⁹Талейран. Мемуары. М., 1959. 438 с.

¹⁵⁰Ségur, Le Comte de. Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes//Mémoires, souvenirs et anecdotes par m. le Comte de Ségur. Correspondance et pensées de Prince de Ligne. T. I. P., 1859. 447 p.; Mémoires, ou Souvenirs et Anecdotes//Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur. Correspondance et pensees du Prince de Ligne. T. II. P., 1859. 219 p.

Огюст д'Арно, барон де Витроль 151, посвятивший свои воспоминания трудной жизни эмиграции и попытках организации Армии Конде, в которой он принимал активное участие. Несмотря на то, что мемуары Витроля писались с несколько официозных позиций, ситуация в армии эмигрантов в целом изложена довольно верно, как и беспристрастная фиксация разложения отдельных представителей ее офицерского состава. Помимо воспоминаний, деятели контрреволюционной Франции оставляли свои дневники и письма, например, дипломат Марк-Мари де Бомбель¹⁵², хотя и живший в эмиграции в Швейцарии, но несомненно бывший доверенным лицом Марии-Антуанетты, что сказалось на его неприязни к братьям короля. Дневник графа де Бомбеля славится своим подробным изложением событий, встреч и слухов, так или иначе связанных с легитимистскими кругами. Как пишет сам автор, такие подробные записки предназначались его сыну $\mathrm{Луи}^{153}$, что соответствует побуждениям многих эмигрантских мемуаристов. Записки коллеги Бомбеля, Жана Франсуа Сезара, барона де Гильерми 154, сопровождавшего графа Прованского в Митаву, были созданы по такому же лекалу, правда, с более выверенным стилем и отчетливыми литературными мотивами. Вместе с более поздней корреспонденцией и заметками они составили ценный источник о жизни и планах эмигрантов и ульрароялистов в далеком углу Российской империи. Подобные же настроения разделяются авторами захваченных республиканскими войсками писем 155, которое не преминуло издать якобинское правительство для поднятия духа патриотов и санкюлотов.

Другие материалы такого же рода, опубликованные при жизни их гордого автора, относятся к тайной агентуре весьма сомнительного рода, ибо их автор, Жан Габриэль Морис Рок, называемый графом де Монгайяром 156, был шпионом на службе у Бурбонов, Наполеона, английского кабинета и даже у

¹⁵¹Vitrolles, Baron de. Souvenirs autobiographiques d'un émigré. Paris, M.CM.XXIV. 225 p.

¹⁵²Bombelles, Marquis de. Journal. T. V. 1795-1800. Genève, 2002. 517 p.

¹⁵³Ibid. P. 263.

¹⁵⁴Papiers d'un émigré 1789-1829. Lettres et notes extradites du portefeuille du baron de Guilhermy. Paris, 1886. 551 p.

¹⁵⁵Correspondance originale des émigrés, ou Les émigrés peints par eux-memes. P., 1793. 208 p.

¹⁵⁶Mémoires secrets, de J.-G.-M. de Montgaillard, pendant les années de son émigration, contenant de nouvelles informations sur le caractére des Princes français, et sur les intrigues des Agen[t]s de l'Angleterre. A Paris, an XII. 181 p.

Робеспьера, что делало его гораздо более одиозным персонажем, чем Талейран. Сам Монгайяр не стеснялся говорить о своей приверженности монархии и своих заслугах по ее возрождению, впрочем, скептически относясь к Людовику XVIII и его двору. Характер Монгайяра и его друга, авантюриста графа д'Антрэга, были настолько известны, что по поводу их деятельности изощрялось множество анонимных публицистов, довольно осведомленных и точных в описании, как, например автор памфлета «Обращение плебея к графу д'Антрэгу» 157.

Помимо приближенных к братьям короля Провансу и Артуа, мемуары оставили также верные слуги и члены семьи Людовика XVI, как, например, Мария-Тереза-Шарлотта, герцогиня Ангулемская, в немногих словах поведавшая историю своего заключения 158 в целях борьбы с самозванными Людовиками XVII. ее гувернантка Луиза-Элизабет де Крои, герцогиня де Турзель, описавшая Вареннское бегство и свое освобождение из тюрьмы 159. Все они отличаются довольно сухим стилем повествования и описания лишь важнейших деталей своей жизни и окружающих их событий. Другую картину эмигрантской жизни, вполне лояльной к Наполеону и умудряющуюся находить повод для восторга даже в факте собственной эмиграции, рисует художница Элизабет Виже-Лебрен, довольно успешно работавшая как в России, так и при Империи 160. Фрейлина Жоржетта Дюкре-Бокса¹⁶¹ разделяет ее настроения, создавая Жозефины идеализированный облик своей покровительницы. Мемуары Бокса рассмотрены как в русском, так и в более полном английском издании, где они ошибочно называются «мемуарами императрицы Жозефины» 162. Вообще, тема анекдотов о наполеоновском дворе пользовалась непреходящей популярностью, начиная с сухих дневниковых записей Жанны Луизы Анриетты Кампан, воспитавшей сестер и падчерицу Наполеона, бывшей придворной дамой Марии-

¹⁵⁷Un plebeian, a M. le Comte d'Antraigues, sur son apostasie, sur le schism de la Noblesse, & sur son arrété inconstitutionel, du 28 mai 1789. [s. l.], 1789. 30 p.

¹⁵⁸URL: http://penelope.uchicago.edu/angouleme/angouleme 3.xhtml (дата обращения: 07.07.2014)

¹⁵⁹Mémoires de Madame la Duchesse de Tourzel, gouvernante des enfants de France. T. I. P., 1883. 404 p.

¹⁶⁰Souvenirs de Madame Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun. T. I. P., 1835. 346 p.; Souvenirs de Madame Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun. T. III. P., 1837. 367 p.

¹⁶¹Бокса, Ж. Жозефина, жена Наполеона. М., 2012. 672 с.

¹⁶²Memoirs of the Empress Josephine with Anecdotes of the Courts of Navarre and Malmaison. Vol. I. L., 1828. 364 p.

Антуанетты¹⁶³, до записок Клэр-Элизабет де Верженн де Ремюза¹⁶⁴ и Луи Антуана Фовле де Бурьенна¹⁶⁵. Мемуары последних двух придворных, придворной дамы графини де Ремюза, одной из представительниц старинного дворянства, служившей при дворе Империи по собственному желанию, и Бурьенна, секретаря императора и Людовика XVIII, особенно прославились своим живым стилем и характером непринужденных, почти дружеских отношений с гениальным полководцем. Но, если Бурьенн часто позволяет себе иронию по отношению к патрону, то Эмманюэль де Лас Каз, сопровождавший изгнанника на остров Святой Елены 166, создал агиографический портрет либерального правителя, однако, строго основанный на записях его ежедневных бесед. Другая из знакомых Наполеона, Лора Жюно, герцогиня д'Абрантес, после выпуска в 1832 году своих собственных записок о его дворе 167, продолжила свою писательскую карьеру, на этот раз более скандальную, что может быть поставлено в вину ее литературному дебюту. Польские современники Наполеона относились к нему с разной долей уважения: так, аристократка графиня Анна Потоцкая видела в нем великого человека и возможного освободителя Польши 168, а бывший русский министр князь Адам Чарторыйский 169 с высоты лет пишет со скепсисом историю своего времени в свете уничтожения Речи Посполитой.

Кроме людей, лишь изредка имевших отношение к литературному процессу, хороший материал о своем времени и настроениях эпохи могут доставить и **профессиональные писатели**. Помимо «Исповеди» Руссо¹⁷⁰ и «Персидских писем» Монтескье¹⁷¹, которая были своего рода знаменем просветителей и давали представление о круге и идеях энциклопедистов,

_

¹⁶³The Private Journal of Madame Campan, Comprising Original Anecdotes of the French Court; Selections from Her Correspondence, Thoughts On Education, &c., &c. L., 1825. 440 p.

¹⁶⁴Мемуары госпожи Ремюза. М., 2011. 597 с.

¹⁶⁵Fauvelet de Bourrienne, L. A. Memoirs of Napoleon Bonaparte. Wildside Press LLC, 2010. 900 p.

¹⁶⁶Las Cases, Le Comte de. Journal de la vie privée et des conversations de l'Empereur Napoléon, à Sainte Hélène. T. II. Quatrième partie. L., 1823. 396 p.

¹⁶⁷D'Abrantes, the Duchess (Madame Junot). Memoirs of Napoleon, His Court and Family. In Two Volumes. Vol. I. L., 1836. 548 p.

¹⁶⁸ Потоцкая, А. Мемуары графини Потоцкой, 1794 – 1820. М., Жуковский, 2005. 304 с.

¹⁶⁹ Чарторижский, А. Воспоминания и письма. М., 2010. 592 с.

¹⁷⁰Руссо, Ж.-Ж. Исповедь. М., 2004. 704 с.

¹⁷¹Монтескье, Ш. Л. Персидские письма//Французский фривольный роман. М., 2007. С. 7-252.

связанных с Екатериной II, в данной работе используются свидетельства двух других авторов, повляивших на свою эпоху: либерала Бенжамена Констана¹⁷² и консерватора Ксавье де Местра¹⁷³. В качестве дополнительного материала, иллюстрирующего предреволюционную литературу, можно назвать ранние элегии Эвариста Парни¹⁷⁴. Помимо этих современных тому времени произведений, также были использованы «Характеры» Лабрюйера¹⁷⁵, рисующие становление светской культуры Франции в XVII веке и отличие ее от русской.

Возвращаясь к **политическим памфлетам**, стоит упомянуть, что основной их сегмент выходил в **Великобритании**, закономерно порицавшей правительство Наполеона¹⁷⁶. Справедливости следует сказать, что Франция тоже отличилась на этом поприще¹⁷⁷, но побуждения французских авторов были куда скромнее и ограничивались в основном передачей скандальных подробностей тайной жизни Наполеона, иногда в довольно правдоподобной форме. Если «Мемуары влиятельной дамы» 1829 года прозрачно указывают на жизнь Зоэ Талон, графини дю Кайла, бывшей одно время фавориткой Людовика XVIII, то английские журналисты открыто упоминают называемых в своем повествовании персон¹⁷⁸. Вообще, XIX век был богат на светские календари, указывающие имена и род занятий влиятельных современников и исследующих происхождение аристократических семей¹⁷⁹, что оказалось полезным для настоящей работы.

_

 $^{^{172}}$ Констан, Б. Моя жизнь//Констан, Б. Проза о любви. М., 2006. С. 173-208; Констан, Б. Амелия и Жермена//Констан, Б. Проза о любви. С. 95-120; Констан, Б. Дневник и письма к г-же Рекамье//Констан, Б. Проза о любви. М., 2006. С. 211-384.

¹⁷³Œvres completes de M. le Comte Xavier de Maistre. T. II. Paris, M DCCC XXVIII. 343 p.

¹⁷⁴Parny, É. Voyage à l'ile Bourbon// Voyages badins, burlesques et parodiques du XVIIIe siècle. Saint-Étienne, 2005. P. 240-262.

¹⁷⁵Лабрюйер, Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. М., 2005. 412 с.

¹⁷⁶The Napoleon Anecdotes: Illustrating the Mental Energies of the Late Emperor of France, And the Characters and Actions of His Contemporary Statesmen and Warriors. Vol. III. L., 1823. 152 p.; Secret Memoirs of Napoleon Buonaparte, precided by an historical survey of the character of this extraordinary personage, pounded on his own words and actions, by One who never quitted him for fifteen years, Second Edition, to which is added an account of the Regency at Blois, and the Itinerary of Buonaparte, from the period of his residence at Fontainebleau, to his establishment of the island of Elba. L., 1815. 420 p.; Goldsmith, L. Histoire secrete du cabinet de Napoléon Bonaparte, et de la Cour de St. Cloud. A Londres, 1810. 139 p.

¹⁷⁷Mémoires d'une femme de qualité sur Louis XVIII, sa Cour et son regne. T. IV. P., 1830. 414 p.

¹⁷⁸Jerdan, W. National Portrait Gallery of Illustrious And Eminent Personages of the Nineteenth Century; With Memoirs. Vol. II. L., 1831. 300 p.

¹⁷⁹Dictionnaire universel et classique d'histoire et de geographie... T. II. Bruxelles, 1853. 1366 p.; Biographie universelle et portative des contemporaines ; ou Dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'a nos jours, qui se sont fait remarquer par leurs ècrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. P., 1836. T. V.

Также в работе нельзя было обойти вниманием труды самих деятелей Французской революции, Консулата и Империи, таких, как Робеспьер¹⁸⁰, впервые упомянувший эмигрантов как главных врагов республики, и Наполеон Бонапарт¹⁸¹, любивший комментировать свои действия в пропагандистских целях. Наряду с работами этих государственных деятелей использовались труды политиков, дипломатов и литераторов этого и предыдущего столетий, так или иначе имеющие отношение к данной работе: масонов и шпионов Жана Пуссьельга¹⁸² и командора Деодата де Доломье¹⁸³, Чарльза Уитворта, 1го барона Уитворта, посла в России в петровскую эпоху¹⁸⁴, Яна Потоцкого, полького писателя и мальтийского кавалера¹⁸⁵, и, наконец, якобинских комиссаров¹⁸⁶.

Научная новизна данной работы заключается в изучении всего комплекса проблем, порожденных углублением революционных преобразований и рождению первых понятийно оформленных политических идеологий, на примере небольшой, но влиятельной французской эмигрантской диаспоры, так же первой национальной диаспорой беженцев, осознающей себя отдельным общественным образованием. Культурная гегемония Франции, наследие Века Просвещения, труды философов и прокламации революционеров отражались на восприятии населения Российской империи самих эмигрантов, влияя на их повседневную жизнь. Ранее неиспользованные документы, касающиеся двора Людовика XVIII в Митаве, донесения шпионов и анонимных информаторов, помогают восстановить картину становления идеологии консерватизма, а также использование ее в разных политических целях. Крайняя точка хронологических

⁹¹⁸ p.; Zbior nazwisk szlachty z opisem herbów własnych familiom zostaiącym w Krolestwie Polskim, i Wielkim Xięstwie Litewskim. Przez urodzonego Piotra Nałecza Małachowskiego... W Lublinie, 1805. 817 s.

¹⁸⁰Робеспьер, М. Избранные произведения в трех томах. Т. І. М., 1965. 378 с.; Робеспьер, М. Избранные произведения в трех томах. Т. ІІ. М., 1965. 399 с.

¹⁸¹A Selection from the Letters and Despatches of the First Napoleon. Cambridge University Press, 2010. 478 р.; Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2012. 432 с.

¹⁸²Poussielgue, J.-B.-E. Des finances de la France en 1817, des répartitions de la contribution foncière, et du cadastre. P., 1817. 240 p.

Voyage aux Isles de Lipari fait en 1781, ou Notices sur les Iles Æoliennes, pour servir à l'Histoire des Volcans; suivi d'un Memoire sur une espèce de volcan d'air, & d'un autre sur la température du climat de Malte, & sur la difference de la chaleur reelle & chaleur sensible.//Mercure de France. Samedi 4 Octobre 1783. P. 127-134.

¹⁸⁴Whitworth, Charles Lord. An Account of Russia as it was In the Year 1710. Strawberry-Hill, M DCC LVIII. 158 p.

 $^{^{185}}$ Потоцкий, Я. Рукопись, найденная в Сарагосе. СПб., 2011. 736 с.

¹⁸⁶Lettres de représentants de la Convention Nationale sur leurs missions à Lyon et Toulon.//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 793-796.

рамок диссертации – 24 марта 1801 года – завершает собой первый период существования диаспоры, время, когда она имела наибольшее политическое значение в идеологии Российской империи, агентурной сети Наполеона и британского кабинета. Это событие положило конец как надеждам части французов-эмигрантов примириться с новым режимом, так и знаменовало собой апогей шпионской борьбы между английской и французской агентурой, где легитимисты Старого режима играли роль разменных фигур в политической игре ведущих колониальных держав. По сути, государственный переворот 1801 года означал не только конец дворянского самовластья в абсолютистком государстве и превращение его в бюрократическую машину, но и крушение Старого режима, принесенного из Франции его сторонниками. Отныне старые понятия о законности перестали действовать до времени основания Священного союза, призванного законсервировать как наследие абсолютных монархов, так и конституционные завоевания революции. Для нас 1801 год, кроме того, знаменует начало существования эмигрантской диаспоры как понятия, когда, с одной стороны, она уже не может считать свое состояние временной мерой, а с другой – еще не желает влиться в местное общество. В данной работе впервые исследованы многие источники, касающиеся пребывания Людовика XVIII в Митаве, которые ныне хранятся в Латвийском национальном архиве. Большая их часть осталась неопуликованной ни полностью, ни частично с 1930-х годов, что подтверждают записи самого архива. Кроме того, эти источники, включая в том числе и неизданную переписку французского агента с русским правительством, касающуюся прибытия Марии-Жозефины в Митаву, были сопоставлены с известными уже русскими материалами, хранящимися в фондах Российского актов и Российского государственного государственного архива древних исторического архива, что позволило прояснить ситуацию с французской агентурой на русской службе и установить имена некоторых из агентов.

Теоретическая значимость работы, безусловно, состоит в расширении сведений относительно внешнеполитических устремлений Павла I, представляющие разумный и дальновидный план по расширению роли России в

концерте мировых держав. Сведения о деятельности отдельных лиц эмигрантской диаспоры показывают оформление концепции легитимности, суверенитета и нейтральности, понятий, политической впервые появившихся в связи образованием митавского «двора в изгнании». Помимо этого, данная работа раскрывает историю политической цензуры в Российской империи, впервые планомерно появившейся во время правления Павла I, борьба с информационным влиянием идей революции, часто включавшая в себя элементы борьбы с франкофилией в аристократической среде. Размеры опасности распространения «вольтерьянства» и свободомыслия в среде образованной части дворянства, а также создания противоположных моделей ксенопатриотизма – англофилии и образа Старого режима, «культурные коды» либерализма и их восприятие государством – также исследуются в данной работе.

Практическая значимость работы состоит в демонстрации начальных этапов развития норм международного права, а также использовании ее в целях педагогики и как пособие по изучению истории разведки и конспирации в XVIII веке. Кроме того, изучение одной из первых групп политической эмиграции будет полезным дополнением в изучении этнопсихологии и генезиса некоторых современных государств и этнических образований (например, Бельгии, ее валлонской и фламандской составляющей). Феномен франкофонности, успешной саморепрезентации культурной экспансии Франции в конце XVIII-начале XIX веков, не совпадавший с реальным экономическим и политическим лидерством самого государства (уступившего, в частности, свою колониальную гегемонию Великобритании в 1759 году), также рассматриваемый в настоящей работе, сделает ее полезным подспорьем в изучении политологии.

Апробация результатов диссертации была проведена в обсуждениях на кафедре на кафедре истории, археологии и краеведения Гуманитарного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых». Ее основные научные результаты и выводы были отражена в

докладах на следующих конференциях: Международной конференции «1812 год в судьбах России и Европы» (Санкт-Петербург, 6-7 декабря 2012 года), II Всероссийской научно-практической конференции (Нижневартовск, 8 февраля 2013 года), Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре (Нижневартовск, 24-25 октября 2013 года), XIX Всероссийской конференции молодых историков «Платоновские чтения» (Самара, 6-7 декабря 2013 года), XX Всероссийской конференции молодых историков «Платоновские чтения» (Самара, 12-13 декабря 2014 года). Основные положения исследования изложены в 10 статьях и 1 сборнике статей, в том числе 3 в ведущих научных журналах в соответствии с Перечнем ВАК Министерства образования и науки РФ. Общий объем публикаций по материалам диссертации составляет 13,4 п. л., из них опубликованных в научных журналах, включенных в список ВАК, объемом 2,9 п. л.

Методы исследования, используемые в настоящей работе, включают в себя системный анализ, сравнение, статистический метод, междисциплинарные частности, контент-анализ), восхождение методы OT абстрактного конкретному. Историческое моделирование в данной области включает в себя выделение общих черт исторических событий к предположению о целостной картине явления, что является необходимым подспорьем для исследователя, вынужденного работать со столь сложной сферой, как общественное мнение того периода, отмечая схожесть черт в разных областях жизни при составлении общей картины влияния эмиграции. Так, ее политические устремления играли зачастую решающую роль во внешнеполитических вопросах и культурной сфере, как-то: искусство, литература, образование, религия. Сравнение используется для анализа картины жизни французов в России и в других центрах французского эмигрантского сообщества, таких, как Лондон и Кобленц, пользовавшихся заслуженной славой оплотов консерватизма. Статистический метод совершенно необходим в анализе любого исторического явления, когда речь идет о конкретных цифрах: численности войска принца Конде, свиты Людовика XVIII в Митаве, характеристики эмигрантов по сословному признаку – его ценность здесь

бесспорна. В отличие от общенаучных и исторических методов исследования, контент-анализ здесь не выполняет свою прямую функцию, а связан непосредственно со статистическим методом, в частности, отмечает частоту употребления тех или иных слов в литературных произведениях эмигрантов. Восхождение от абстрактного к конкретному — метод, в свою очередь, необходимый для представления степени реализации мыслителями эмиграции заявленных им программ в реальной жизни.

Исследование было построено на принципах конкретности, изучая характерные только для того времени и места явления и события, такие, например, как «Секрет короля» во Франции времен Людовика XV и Людовика XVI, или правовой статус французских эмигрантов на русской службе. Сам статус пребывания на территории Российской империи французского «правительства в изгнании» создал юридический прецедент для таких современных понятий, как политическое убежище, легитимное правительство, экспатриация или гражданство (подданство). В настоящей работе основополагающую роль играет принцип историзма, показывающий в развитии как историю французской эмиграции, так и ее правового и экономического статуса, претерпевавшего значительные изменения в ходе нарушения наполеоновской Франции привычной монархической системы политического равновесия в Европе. Кроме того, изучение проблем самоидентификации и социального состояния французской эмиграции, требует соблюдения принципа всесторонности. Существование данной группы населения зависело не только OT экономических внешнеполитических факторов, но и от таких проблем, как репрезентация образа эмигранта в искусстве и средствах массовой информации того времени, изменение социальных ролей бывших привилегированных классов, адаптация к новому для себя обществу и образу жизни. Принцип системности, также используемый в настоящем исследовании, помогает раскрыть внутренние связи между явлениями различного порядка, так или иначе повлиявшими на положение эмигрантов, как, например, популярность иезуитского образования в дворянских кругах или освещения образа Наполеона в официальной пропаганде. Принцип

детерминизма сыграл существенную роль при определении шансов восстановления монархии Бурбонов в 1794 году после падения якобинцев или после переворота 9 брюмера, равно как и возможности установления гегемонии Российской империи на Средиземном море путем поддержки Павлом I мальтийских рыцарей. Принцип объективности помогает рассмотреть реальное содержание эмигрантских требований, готовности Российской империи их выполнять и саму возможность существования феномена самостоятельных правительств в изгнании, политических беженцев и апатридов в Европе начала Нового времени.

Основные положения и результаты, выдвинутые автором на защиту:

- 1) В России в последние годы царствования Екатерины II сформировался особый правовой статус французской эмиграции и схемы по оказанию помощи французским эмигрантам, которые были основаны на практических интересах присутствия России в Средиземном регионе и сохранении традиций поддержки Франции Старого режима.
- 2) Россия признавала в качестве законной власти во Франции режим Бурбонов и его идеологию легитимизм, но не оказывала ему сколько-нибудь существенной поддержки, как на европейском театре боевых действий, так и внутри самой империи, отчасти из-за сложной внешнеполитической ситуации вокруг судьбы Франции, отчасти из-за ведения собственной политики.
- 3) Термин «роялистская эмиграция», охватывавший сторонников легитимизма, в условиях России является расплывчатым понятием, поскольку эмигранты не были едины ни в вопросах политических убеждений, ни в силу территориальной или классовой сущности, ни даже в отношении к революционной Франции и перспективах своего возможного туда возвращения.
- 4) Положение правительства в изгнании и дома Бурбонов на территории Российской империи повлияло не только на партнерские взаимоотношения России, Франции и Великобритании, но и на выдвижение России на

- мировую арену в роли политического арбитра, несмотря на то, что реальное значение Бурбонов в России оставалось довольно слабым.
- 5) Политические и имущественные разногласия внутри французских роялистов в России завершили собой как недолгий период самостоятельности эмигрантского сообщества, так и короткую эпоху его политического влияния, закончившийся со смертью Павла I.

Структура самой работы отвечает поставленным перед ней задачам. Глава первая, «Екатерина II и возникновение феномена французской эмигрантской диаспоры в России» открывает собой тему исследования, описывая состояние внешней политики Российской империи по отношению к революции, личные взгляды императрицы на проблему урегулирования «мятежников» и первую волну эмиграции, начатую семейством Полиньяк. Эта глава включает в себя два подраздела. Первый, Перспективы российско-французских отношений к 1789 году. Екатерина II и начальный период Великой французской революции», исследует личные и внешнеполитические отношения Екатерины II с домом Бурбонов, осложненные как противоречиями по вопросам Польши и Османской российской империи, И взглядами императрицы на перспективы демократических преобразований во Франции. Во втором подразделе, «Великая французская революция и кризис просвещенного абсолютизма» подразделе рассмотрены возможные причины политики «вооруженного нейтралитета» России в вопросе противодействия революции на континенте и ее взгляды на легитимность положения братьев Людовика XVI. Глава вторая, «Павел I и концепция легитимизма» относится непосредственно к политике Павла I по предоставлению политического убежища деятелям эмиграции, его Российской внешнеполитической репрезентации империи как гаранта стабильности Европе, a также непосредственно социальному эмигрантской среды и карьерному росту отдельных ее представителей в Российской империи.. Она включает три подраздела: первый, «Россия и XVIII», посвящен Бурбоны. Создание «двора в изгнании» Людовика Людовику XVIII и его легитимистскому по форме окружению в бытность его

проживания на территории империи в Митаве, а также вопросам, связанным с его легальным статусом и возможной выгодой для франко-российских отношений. Второй подраздел, «Социально-политический состав эмиграции в условиях государственного контроля», исследует проблемы российской контрразведки и политической цензуры в отношениях России и Франции того периода, а также проникновение на территорию России не предусмотренных законом эмигрантов либерального лагеря и агентов Великобритании. Третий подраздел, «Идеология Старого режима и завершающий период французской эмигрантской диаспоры», повествует о путях создания исторического мифа о «Старом режиме», внедрение его в массы и влияние на русский консерватизм, учитывая два типа влияния — литературно-художественный и матримониальный, которые зачастую трудно отделить друг от друга, особенно если речь идет о судьбах так называемого «русского католицизма».

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЕКАТЕРИНА II И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

1.1. Перспективы российско-французских отношений к 1789 году. Екатерина II и начальный период Великой французской революции.

В 1774 году, 10 мая, в три часа дня умер король Людовик XV в своей резиденции Большой Трианон; судя по всему, причиной его смерти была оспа 187. Закончилось царствование, продолжавшееся без малого шестьдесят лет, и, хотя покойный король исполнял свои обязанности только с 1723 года, он титуловался монархом с пяти лет, будучи единственным Бурбоном по прямой линии от своего прадеда Людовика XIV. Как вспоминал герцог де Полиньяк, «после его смерти все ресурсы государства оказались истощены, авторитет престола колебался, казна расхищена, недовольство подданных своим монархом возрастало, народ страдал от недоимок; общественный порядок грозил развалом, вера в Бога утратила свою силу, а философия века сего праздновала победу, а вместе с ней и анархия готовилась произвести свою разрушительную работу» 188. В этой непростой ситуации пришествие на трон его внука Людовика XV казалось подданным своего рода благословением. Ему шел двадцать один год, он был охотником, подобно его предкам-королям, любил серьезную страстным литературу и слесарное ремесло, был набожен и довольно скромен в желаниях. О набожности короля упоминают многие источники, начиная от Талейрана¹⁸⁹ и заканчивая Полиньяком 190; позднее эмигранты создали легенду о мученичестве «человека-короля», который страдал по образу и подобию «богочеловека», то есть Иисуса Христа¹⁹¹. Его супруга, королева Мария-Антуанетта, выгодно отличалась

 $^{^{187}}$ Фрэзер, А. Мария Антуанетта: Жизненный путь. М., 2007. С. 160-161.

¹⁸⁸Polignac, J.-A.-A. Études historiques, politiques et morales. Sur l'état de la Société europ<éenne> vers le milieu du 19 siècle. Par le prince de Polignac. Bruxelles, 1845. P. 67.

¹⁸⁹Талейран. Мемуары. М., 1959. С. 98.

¹⁹⁰Polignac, J.-A.-A. Op. cit. P. 67-68.

¹⁹¹Ibid. P. 70.

от своего мужа в физическом плане: если Людовик XVI обнаруживал раннюю склонность к полноте, то королева представлялась «прекрасной и величественной, подобно розе» Тогда еще не настало время пасквилей и фельетонов, высмеивавших расточительность и сложную семейную ситуацию августейшей четы. Однако уже в то время, за границей, нового монарха изучали пристально и с явным интересом, сомневаясь в нем как в личности, способной преодолеть государственный кризис.

В Российской империи того времени было неспокойно, да и жизнь в придворных кругах давала поводы для волнений: происходило восстание Пугачева, фавор Григория Орлова сменился началом многолетних отношений и сотрудничества Екатерины II с Потемкиным. И, наконец, что особенно важно для источниковедения, императрица приобрела самого постоянного и известного из своих корреспондентов – барона Фридриха Мельхиора Гримма, немецкого дипломата и литератора-космополита, предпочитавшего, подобно августейшей собеседнице, писать по-французски 193. Гримм познакомился с императрицей лично в сентябре 1773 года, во время визита в Петербург принца Людвига Гессен-Дармштадтского, брата супруги наследника Павла Петровича, великой княгини Наталии Алексеевны. Когда-то Гримм служил герцогу Орлеанскому, а значит, вращался в интересующих нас кругах просветителей и светских «фрондеров» 194. После революции его бывший господин, называвшийся Филиппом Эгалите, вместе с королем и маркизом де Лафайетом будет принимать парады с балкона дворца Отель де Виль в составе «великолепной тройки», а потом будет долго и безрезультатно добиваться провозглашения королем своего сына, будущего Луи-Филиппа¹⁹⁵. Именно с Филиппом Эгалите, как бы странно это ни прозвучало, учитывая смерть этого «гражданина и патриота» на эшафоте, и начинается история процветания Орлеанского дома. Как писал о нем Талейран, редко когдалибо склонный осуждать людей, «вся молодость герцога Орлеанского прошла без

.

 $^{^{192}}$ Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. М., 2005. С. 296.

¹⁹³Роундинг, В. Екатерина Великая. М., 2009. С. 354-357.

¹⁹⁴Там же. С. 354

¹⁹⁵Gueniffey, P. Histoire de la Révolution et de l'Empire, P., 2013, P. 63-64.

всяких планов и проектов, без последовательности и без всякой сдержки. Все его поступки носили отпечаток необдуманности, фривольности, развращенности и коварства. Он ездил смотреть с образовательными целями опыты Преваля; поднимался на воздушном шаре; участвовал в фантасмагориях Калиостро и кавалера Люксембургского...» ¹⁹⁶ Тем не менее, именно ему удалось поставить свои доходы на коммерческую основу, превратив Пале-Рояль в место для увеселений, невиданное доселе ни в Париже, ни в какой-либо иной столице мира. Эти события случились гораздо позже встречи Гримма и Екатерины II, но уже тогда герцог, как и его приближенные, принадлежали к лагерю «просветителей».

Реакция Екатерины II на смерть Людовика XV, бывшего одно время подходящей матримониальной кандидатурой для императрицы Елизаветы Петровны, умершей двенадцать лет назад, довольно холодная. Так, она пишет своему конфиденту Гримму 12 июня 1774 года: «Мне, правда, не нравится ваша манера часто обращаться к докторам. Эти шарлатаны всегда приносят больше вреда, чем пользы. Пример тому Людовик XV, который был окружен десятью врачами и который теперь mortus est [мертв]. Я считаю, что их было на девять больше, чем нужно, чтобы умереть на их руках. Я также думаю, что в XVIII веке королю Франции стыдно умирать от оспы». 197 Сама императрица, к слову, от оспы умирать не собиралась и первой из европейских монархов занялась пропагандой вакцинации, подвергшись ею вместе с великим князем Павлом Петровичем. Впрочем, к новому французскому монарху «северная Семирамида» относилась более чем доброжелательно - в отличие от его деда, успевшего поссориться с Россией относительно своих претензий на польскую корону и помощи Османской империи. Стоит отметить и то, что на благоприятных отношениях двух держав повлиял состав дипломатического корпуса.

Первый посол Франции в России, Жак-Габриэль-Луи Леклерк, маркиз де Жюинье, представлял знатную и могущественную семью Леклерк, известную с X века. Он был креатурой нового министра Морепа, который несколько лет провел

¹⁹⁶Талейран. Указ. соч. С. 352.

¹⁹⁷Цит. по: Роундинг, В. Указ. соч. С. 378.

вдали от двора по причине неблагорасположения маркизы Помпадур. Как вспоминал один из его преемников, блистательный граф де Сегюр, которого Екатерина II особенно ценила за его остроумие, «вся его политика состояла в том, чтобы принимать людей и время такими, как есть, и сохранять мир дома» 198. Графиня д'Адемар, особа, приближенная к королеве, считала Морепа человеком, способным погубить Францию 199; главной заботой Морепа было стремление сохранить относительно прохладные отношения с Австрией, что, естественно, разрушало только что сложившуюся систему тяготения к тройственному союзу Франции, Австрии и России. Однако маркиз де Жюинье продержался только два года, после чего в 1777 году был смещен маркизом де Вераком. Из его недолгой то, что был первым службы можно вспомнить лишь ОН французским 25 1775 представителем, посетившим января года новопостроенный Пречистенский дворец в Москве в ходе официальной аудиенции 200. Второй из французских дипломатов, присланных ко двору Екатерины II новым французским монархом, Шарль-Оливье де Сен-Жорж де Верак, пробыл в своей должности только два года – с 1779 по 1781 год. Согласно впечатлениям самой императрицы, «меня никогда не оставляло ощущение, что кавалер Харрис <английский посол.— Н. Я.> гораздо более остроумен, чем маркиз де Верак, у которого остроумия нет вовсе; но кавалер Харрис – редкостный баламут и интриган»²⁰¹.

Прибытие в Россию умного и образованного Луи-Филиппа, графа де Сегюра в 1781 году, помогло Франции добиться многих целей. Основной задачей для графа являлось достижение компромисса в русско-турецких делах, что было связано как с появлением Черноморского флота в 1779 году, так и ожидавшимся присоединением Крымского ханства к Российской империи в 1783 году²⁰². Сегюр, как вскоре выяснилось, оказал также немалую помощь французским эмигрантам — его дружеские отношения с императрицей и высшим кругом сановников оказали

¹⁹⁸Цит. по: Фрэзер, А. Указ. соч. С. 169-170.

¹⁹⁹Володарская, О. А. Граф Сен-Жермен. М., 2012. С. 350.

²⁰⁰Роундинг, В. Указ. соч. С. 386.

²⁰¹Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. 1878. С. 429.

²⁰²Rogué, H. Les Ségur. Hommes de guerre, courtisans et seigneurs de Romainville au XVIIIe siècle. Éditions de l'Onde, 2012. P. 64.

влияние на позднейшее благожелательное отношение свое русского правительства к изгнанным роялистам. Сегюр, будучи сам противником революции, тем не менее, не был убежденным роялистом: его политические симпатии напоминали скандальную позицию Талейрана, служившего почти всем существовавшим режимам. Сегюр был верен и Наполеону, и Бурбонам, и Орлеанам, но его позиция отличалась большей порядочностью и меньшей осмотрительностью. Сама императрица называла Сегюра, австрийского графа Кобенцля Аллейна Фицгерберта англичанина своими «карманными посланниками» 203 , что означало не только степень их близости ко двору (и к Потемкину), но и более неформальное общение с ними. Послы входили в близкий круг императрицы, имевший постоянный допуск в Эрмитаж, и Сегюр был самым любезным и остроумным. Екатерине импонировали либеральные взгляды графа, усвоенные им от энциклопедистов, а также близкое знакомство с принцем де Линем, которого самодержица встречала во время знаменитой поездки в Крым вместе с австрийским императором Иосифом II²⁰⁴. Это позволило новому министру иностранных дел Франции Монморену предложить амбициозный проект по созданию четырехстороннего альянса России, Франции, Австрии и Испании, направленный в основном против турок²⁰⁵.

Монморен, сменивший недоброжелателя королевы Верженна, в буквальном смысле слова умершего на посту министра, был известен как покровитель Мирабо, который еще раньше вступил в должность неофициального агента французской короны – еще при Верженне²⁰⁶. Несмотря на то, что Сегюр как посол пользовался большим кредитом доверия среди коллег и петербургских сановников, дурную службу ему сослужила сама система французского Министерства иностранных дел с ее специфическим подходом к политике: так, еще со времен Людовика XV существовала двухуровневая дипломатия. Тогда тайное подразделение министерства именовалось «Секретом короля», ныне же,

²⁰³Роундинг, В. Указ. соч. С. 536.

²⁰⁴Там же. С. 468.

²⁰⁵Rogué, H. Op. cit. P. 65-66.

²⁰⁶Де Кастр, Р. Мирабо: Несвершившаяся судьба. М., 2008. С. 178.

остроумному замечанию Π. В. Стегния, контроль согласно делами осуществлялся в том числе и «Секретом королевы». Как заметил Рене де Кастр по отношению к Монморену, он был «замечательно честным человеком», но «его характер был не столь тверд, как его суждения»²⁰⁷. Потому ему, первоначально противник австрийского влияния, известному как пришлось заниматься соглашением с Марией-Антуанеттой, мнение которой в основном совпадало с мнением Габсбургов. Подобное положение не могло не отразиться на умонастроении в министерстве, когда ради достижения собственных целей и диффамации королевской прекращения семьи дипломатам приходилось пользоваться услугами людей, которые не являлись роялистами. Одним из таких людей был известный драматург (а также негоциант) Бомарше, который был агентом на службе у графа Шуазеля.

Как же оценивала сама императрица положение Людовика XVI и его жены в период между их восхождением на престол и началом Революции? В основном, наибольшей степенью откровенности обладают те ее высказывания, которые были высказаны Екатериной в письмах Гримму и в дневнике ее статссекретаря Александра Васильевича Храповицкого. Как мы знаем, Гримм был любимым корреспондентом императрицы. Не будучи просветителем, он был близко знаком со многими из них и внушал им чувства дружбы и доверенности. Ему первому, своему «утешителю», как называла Екатерина II барона, она поведала свои мысли о революции в письме, датированном 15 октября 1789 года/24 января 1790 года: «Как все изменилось! Генрих IV и Людовик XIV называли себя первыми сеньорами королевства и почитали себя непобедимыми перед лицом знати. В то время ни прелаты, ни провидцы не старались отыскать в Библии и священных писаниях ничего такого, что могло бы поколебать монарший авторитет; слава и блеск царствования Людовика XIV были очевидны для всех народов вплоть до настоящего времени. Уверяю вас, что мне совсем не нравятся ни голубые мундиры, призванные для несения ночной вахты, та

²⁰⁷Там же. С. 193.

справедливость без правосудия, именем которой эти варвары совершают казни на фонарях. Я вообще не решаюсь думать, что у этих сапожников и портных есть какие-либо великие таланты к управлению государством и законодательной деятельности; напишите им одно письмо на тысячу человек, дайте им время обдумать каждую его фразу по нескольку раз, и вы увидите, что произойдет»²⁰⁸. Как писал об этой ситуации Леонс Приго, «она читала с непрестанным историю Католической ЛИГИ **УДОВОЛЬСТВИЕМ** И семнадцатого обнаруживая в них уроки, применимые и для настоящего времени, и к ним-то она и увещевала обратиться роялистам. Как и Вольтер, она не брала в расчет Людовика Святого, и настоящим основателем французской монархии почитала Беарнца, который виделся ей воплощением идеального правителя. В ее переписке с принцами нет ни одного письма, где бы ни был упомянут Генрих IV. Что касается нее самой, то себя она сравнивала с Елизаветой Английской, похожей на короля Наваррского своим неукротимым нравом, и, возможно, в отдельные моменты своей жизни, она даже представляла себя главной героиней новой «Генриады» <произведение Вольтера, посвященное Генриху IV>» 209. Как бы то ни было, императрице не свойственно было ошибаться относительно будущего французской монархии.

В то время, когда эмигранты с горечью и недоумением восклицали: «Увы! Я ужасно боюсь, что мы, возможно, уже никогда не увидим на троне Людовика XVI» в августе 1792 года²¹⁰, самодержавной правительнице России был присущ цинично-надменный стиль писем, откуда следует, что она считала Людовика XVI и Марию-Антуанетту главными виновниками случившейся революции. Вместе с тем, как видно, уже в письмах к Гримму она начинает дипломатическую игру с французскими аристократами, среди которых упоминаются имена графа де Дама, Мадлен де Понс, «Катиньки» де Бюэй, и даже

²⁰⁸Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. 1878. С. 479.

²⁰⁹Prigaud, L. Les Françaises en Russie et les Russes en France: L'ancien régime. L'èmigration. Les invasions. Par Léonce Prigaud, Professeur d'histoire moderne à la Faculté des lettres de Besançon. P., 1886. P. 180.

²¹⁰Correspondance originale des émigrés, ou Les émigrés peints par eux-memes. P., 1793. P. 119.

представителя конституционалистов Александра де Ламета²¹¹! Кроме того, она часто ссылается на «бумаги иезуита из Нейвида» и выражает полное свое одобрение желание Мальтийского ордена сотрудничать с ней в деле борьбы с революционной Францией: «Если Мальтийский орден имеет ко мне склонность, я не упущу этот шанс, поскольку ни один человек не испытывает такого безграничного уважения и восхищения доблестными и храбрыми рыцарями, как я; и, следовательно, каждый мальтийский рыцарь вовек пребудет для меня предметом особенного почитания, и, хоть я имею все случаи к тому, чтобы полностью присвоить себе орден, тем не менее, я предпочитаю заручиться его добровольным согласием»²¹². Кроме того, в последние годы своей жизни Екатерина II лелеяла множество проектов, связанных с размещением на местах французских эмигрантов, которые, подобно немецким колонистам, желали бы освоить плодородные русские земли. Но, как она всегда повторяла, ей требуются исключительно добровольцы²¹³. Как выяснилось, ее благородным предложением воспользовался незначительный, но один из самых заметных слоев французской эмиграции, оставивший заметный след в освоении Новороссии. Однако, как и сама она недвусмысленно намекала, «добровольцы» должны были помочь сами себе, от императрицы же зависело принять их усердие и службу, а также Реальность политическое убежище. предоставить ИМ была негодование и гнев Екатерины II по поводу революции «сапожников и портных» имели совсем другую природу, чем яростное сопротивление прусской и австрийской монархий, что не могли не понять сами представители эмиграции.

Личные чувства Екатерины II, судя по источникам, можно охарактеризовать как смесь высокомерного злословия, любопытства и... паники. Еще в 1782 году секретарь императрицы А. В. Храповицкий делает запись в своем дневнике под датой «Июль, 6»: «Je ne l'aime pas – portrait de Franklin» («Я его не люблю - портрет Франклина»)²¹⁴. Такую фразу Екатерина II произнесла,

²¹¹Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. 1878. С. 483.

²¹²Ibid.

²¹³Ibid. P. 487

²¹⁴Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С. 1.

избавляясь от очередного экспоната в ее собрании бюстов и портретов знаменитых людей. Ее можно понять: шел последний этап Войны за независимость, и, несмотря на нейтралитет России и поддержку Франции, революция не вызывала теплых чувств у большинства монархов и знатных особ. Как писала в это же время графиня де Полиньяк: «Эта ужасающая Америка после открытия не дала ничего, кроме зла!»²¹⁵, и ее мнение разделяли многие другие НО существенная люди. Только одна важная, прослойка просвещенного общества была несомненно рада: «Декларация прав человека и гражданина являлась как бы длинной, развернутой до бесконечности, цепью, просвещенными философами которая была предугадана франкмасонства, протягивавшими друг другу руку помощи от Атлантики до Ла-Манша»²¹⁶. Кроме того, маркиз де Лафайет, «герой Старого и Нового света», состоял в той же ложе, что и Джордж Вашингтон, согласно воспоминаниям его жены Адриенны²¹⁷; вполне возможно, что он же был связан и с герцогом Орлеанским, магистром «Великого Востока Франции».

Через некоторое время Екатерина II сочла нужным даже посвятить теме масонства свою комедию «Шаман Сибирский». Сама Екатерина объясняла происхождение названия так: «В Сибири, в среде идолопоклонников, существуют три вида предрассудков: первый из них называется шаманским толком, или мнением шаманов; эти шаманы – представители религии магов Древнего Египта; все области неба и земли в ней оживлены и наделены божественным статусом. Это религия греков и римлян: египтяне не устраивали своих поселений в Сибири. Вторым суеверием является религия Далай-Ламы, точно такая же, как в Китае и других землях. Третьим — верование браминов»²¹⁸. Кроме того, императрица делала пояснения Гримму, основываясь на мнениях петербургского профессора Георги, что все религии берут начало на территории Русского государства, а происхождение их названий имеет уничижительный оттенок: так, «лама»

-

²¹⁵Фрэзер, А. Указ. соч. С. 238.

²¹⁶Kupferman, L., Pierrat, E. Ce que la France doit aux franc-maçons. P., 2012. P. 64.

²¹⁷Ibid. P. 69.

²¹⁸Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. 1878. С. 323.

происходит от «яма», а «халдеи» от слова «хладный» ²¹⁹. Согласно ее самоличному письму, данная комедия была связана с пародией на Калиостро под названием «Обманщик и обманутые», и представляет собой «шамана, который является теософом и производит все шарлатанства Парацельсовых собратий. Посмотрите статью «Теософ» в Энциклопедии, и вы поймете тайну наших комедий, масонства и всех этих модных таинств. Весь Святейший Синод был на представлении, не в буквальном смысле, но на деле: все смеялись, как безумные, и хлопали, не умолкая» (17 февраля 1786) ²²⁰.

Таким образом, Екатерина II была франкофилкой больше в культурном смысле, чем в политическом, оставаясь верной направлению российской политики, которую та получила во время правления Елизаветы Петровны. Пресловутое использование французского языка русской императрицей и немкой по происхождению²²¹ вполне согласовалось с идеями Вольтера о том, что характер нации не заключается в ее языке, а преимущество французского языка состоит лишь в более совершенной грамматической форме. 222 Французские просветители, с которыми самодержица всероссийская поддерживала тесный контакт, были такими же критиками правления Бурбонов, как и она сама. В период последних лет ancient règime Франция в глазах Екатерины II имела двойственный облик: с одной стороны, как страна-наследница блестящего века Людовика XIV, а с другой – как обычная западноевропейская держава, имеющая как свои достоинства, так и недостатки, к числу которых относилась поддержка Речи Посполитой и Османской империи. К началу революции второй образ в сознании Екатерины II почти полностью заслонит собой первый и заставит ее усомниться В самих благах французского Просвещения. Отчуждение императрицы повлияет и на политику ее сына Павла I, и на положение французских эмигрантов в России.

²¹⁹Там же.

²²⁰Там же. С.374.

²²¹ Лиштенан, Ф. Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012. С. 467-476.

²²²Sternhell, Z. Les anti-Lumières. Une tradition du XVIIIe siècle à la guerre froide. Saint-Amand, 2010. P. 542-543.

Франкофилия, проявленная Екатериной II сразу же по приезде в Россию, была характерна и для прусского двора Фридриха II, которому юная принцесса Ангальт-Цербстская была обязана своим выгодным браком. Французский язык употреблялся не только в частной среде прусской аристократии, но даже в официальных бумагах, примером чему может служить название военной награды «Pour le Mérite», учрежденной в 1740 году²²³. Союз Франции и Пруссии немало способствовал профранцузским настроениям как в среде самих пруссаков, так и при дворе Елизаветы Петровны, где великая княгиня пользовалась благосклонностью франкофила Ивана Ивановича Шувалова. Только после «дипломатического переворота» 1756 года, вызванного пересмотром старых союзов, прусский дипломатических двор И партия сторонников Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны постепенно переориентируются на Англию - новую союзницу Фридриха Великого²²⁴. Французская партия оказалась в явном проигрыше, поскольку Франция не являлась ни стратегическим, ни важным экономическим партнером России. Положение Франции в дипломатических делах Российской империи держалось в основном на союзе с Австрией, тогда еще имевшей влияние на германские государства в качестве центра Священной Римской империи. Версалю потребовалось сделать только два небольших шага для того, чтобы стать врагом Петербурга – поддержать давнюю союзницу в лице России Османской империи и навязать экономический протекционизм французских товаров. К несчастью для нее самой, Франция пошла гораздо дальше этих двух губительных для нее шагов.

1. 2. Великая французская революция и кризис просвещенного абсолютизма

Сперва, при получении известия о взятии Бастилии, русская самодержица философски заметила: «Зачем нужен король?», и принялась обсуждать новости о пьянстве Людовика XVI: «Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет, сперва Breteuil, партии королевиной, потом prince Conde et

²²³ Бондаренко, А. Ю. Денис Давыдов. М., 2012. С. 84.

²²⁴Роундинг, В. Указ. соч. С. 143-169.

comte d'Artois, и наконец La Fayette... Все знатные и принцы крови выезжают из Франции, многие уже в Брюсселе»²²⁵. Через месяц, в сентябре, императрица заявила Храповицкому, что «они <парижане> способны повесить своего короля фонарном столбе»²²⁶. Как всегда, она оставалась при своем мнении относительно короля, недостойного потомка Генриха IV и Людовика XIV, о чем с апломбом говорила даже Сегюру. К чести коронованной либертинки, она читала скандальные памфлеты о королевской семье «Vie privée d'Antoinette de France» и «L'histoire de la Bastille» и была отнюдь не восхищена остроумием неизвестных авторов²²⁷. Книга «Жизнь Антуанетты» (или «Частная жизнь Антуанетты Французской»), печатавшаяся с 1781 года под разными названиями, содержала якобы «достоверные» сведения о любовной связи королевы с графом д'Артуа²²⁸, а содержание другого памфлета, «Истории Бастилии», остается неизвестным Самодержица современным историкам. Всероссийская любила читать «Орлеанскую девственницу» Вольтера, содержащую подобные же скабрезности, как и другие произведения «галантного века», но насмешки над августейшими особами ее всегда возмущали. Кроме того, ее явно беспокоил герцог Орлеанский и его связи с Англией, то есть с будущим принцем-регентом (Георгом IV), и колониальной политикой Великобритании 229, что послужило предлогом для официального ноты Петербурга по поводу убийства некоего «нашего маиора Тонуса» в Египте. Несмотря на прагматизм и кажущееся равнодушие к судьбе самих французских монархов, все же Екатерина была потрясена, узнав о казни представителей «христианнейшей монархии» Европы. К 1793 году подозрения императрицы усилились: в январе Храповицкий записывает в дневнике о приезде князя Прозоровского, который «помешал читать газеты. Спросили у меня: знает ли он сам, зачем приехал? Я промолчал. Но он приехал, сиречь, к награде за истребление мартинистов». На пятый день после приезда Прозоровского, 31

²²⁵Дневник А. В. Храповицкого... С. 174.

²²⁶Там же. С. 180.

²²⁷Там же. С. 181.

²²⁸Фрэзер, А. Указ. соч. С. 253.

²²⁹Дневник А. В. Храповицкого... С. 183, 185.

января, пришло известие о казни Людовика XVI: «Наложен траур в шесть недель. Замечательно стечение чисел: 10 генваря 1775 года в Москве казнен Пугачев», парадоксальным образом заметил секретарь государыни²³⁰.

После известия о казни короля Екатерина II действительно слегла в постель, как то и отмечают современники, но в то время ее действительно мучили разнообразные болезни, начиная простудами и заканчивая обмороками. Тем не менее, если судить о том, что 31 января было получено известие о казни короля, а 2 февраля императрице стало лучше, можно заметить, что ее нервное состояние было потрясено в связи с этим известием. Кроме того, Екатерина даже допустила выражения, ей в обычной жизни несвойственные: так, она заявила, что «необходимо стереть само имя французов с лица земли» 231. Однако только в эту пору бывшая «просвещенная монархиня» позволила себе усомниться в авторитете столь любимых ею Вольтера, Дидро и Монтескье, о чем она и поспешила сообщить Гримму²³². Проблемы, навалившиеся в то время на империю, не позволили стареющей государыне всерьез заняться судьбами французской эмиграции, но первые шаги в этом направлении были предприняты уже в феврале 1793 года. Историки по-разному оценивают численность эмигрировавших представителей аристократических семей: «Со времен Дональда Грира, первого исследователя этой проблемы, который склонялся к цифре в один миллион человек, что составляло 0.5 % населения Франции, никто больше не предпринимал таких масштабных подсчетов»²³³. Подсчеты на настоящий момент могут быть совершены только по косвенным данным, включая численность дворянства в разных областях Франции: «Представители третьего сословия составили внушительную массу в 68% от общего числа <эмигрантов>, духовенство – 25%, а дворянство – 17%, причем присутствие в этом списке усугубило восприятие воздействием знаменитых имен только ПОД

²³⁰Там же. С. 246.

²³¹Там же.

²³²Роундинг, В. Указ. соч. С. 619-620.

²³³Figeac, M. Les noblesses en France. Du XVIe au milieu du XIXe siècle. P., 2013. P. 325.

революционного мнения» ²³⁴. То есть непосредственное участие аристократии в эмигрантском процессе, начатом семьей подруги Марии-Антуанетты Иоланды де Полиньяк, а также тетушками короля мадам Аделаидой и мадам Викторией (в октябре 1789 года), было незначительным численно, НО громким политическому смыслу, что позднее создало эмигрантам имидж аристократов и заговорщиков. Впрочем, тогда эмиграция дворянства не воспринималась как нечто зазорное. Так, в 1789 году Робеспьер, защищая восставших крестьян, громящих замки феодальных сеньоров, произнес следующее: «Я отнюдь не питаю абсолютного доверия к официальным сообщениям министров и к этим преувеличенным описаниям восстаний в королевстве. Были поджоги замков в Аженуа; но эти замки принадлежали господам д'Эгийон и Шарлю де Ламет. Достаточно назвать два этих имени, чтобы догадаться, кто ввел народ в заблуждение и направил его факелы против имений его самых горячих защитников. Эти великодушные патриоты умоляют вас не пугаться этих несчастных случаев»²³⁵. Нет нужды говорить, что Арман д'Эгийон, вместе со своими друзьями-фельянами Александром и Шарлем де Ламет, позднее пополнили список эмигрантов.

Впрочем, эти деятели из лагеря конституционных монархистов были эмигрантами скорее поневоле, чем из сочувствия ультрароялистам, поскольку до начала процесса над фельянами в августе 1792 года они надеялись остаться во Франции. Как неоднократно заявлял сам вождь якобинцев: «На Кобленц, говорите вы, на Кобленц! Как будто представители народа могли бы выполнить все свои обязательства, подарив народу войну. Разве опасность в Кобленце?.. Прежде чем броситься на Кобленц, приведите себя по крайней мере в состояние способности вести войну»²³⁶; «Кобленц и деспотов надо победить здесь. Здесь надо подготовить мировую революцию, вместо того, чтобы срывать ее, неся бедствие войны народам, которые на вас отнюдь не напали»²³⁷. Кроме того, сам Робеспьер

²³⁴Ibid.

²³⁵Робеспьер, М. Избранные произведения в трех томах. Т. І. М., 1965. С. 115.

²³⁶Там же. С. 182.

²³⁷Там же. С. 225.

16 декабря 1792 года потребовал изгнания семьи Филиппа Эгалите на том основании, что «они могут найти приют в Лондоне, и страна могла бы достойным образом позаботиться о содержании высланной семьи. Они нисколько не провинились перед отечеством, их удаление отнюдь не наказание, а мера предосторожности, и если членам этой семьи дороги не бриссотинцы, а истинные принципы, они будут гордиться этим изгнанием, ибо служить делу свободы всегда почетно; к тому же изгнание продлится, несомненно, лишь до тех пор, пока отечеству будет грозить опасность, когда же свобода будет укреплена, семья будет возвращена» 238. Не лишним стоит упомянуть, что, если бы данное великодушное предложение Робеспьера действительно было воплощено в жизнь, возможно, Филипп Эгалите стал бы одним из действующих лиц либерального крыла роялистов, вместо того, чтобы быть казненным самим Робеспьером и его соратниками. К тому же, эмиграция как таковая подразделялась на две разные «фракции», объединенные разным решением проблемы восстановления Старого режима.

Кроме тех роялистов-эмигрантов, которые поступили на службу к иностранным монархам или попытались войти в господствующий класс населения Великобритании, России, Германских государств, подобно тому, как якобитские эмигранты получили поддержку в самой Франции²³⁹, помогая последней осуществлять свою колониальную политику – в пику своей бывшей родине, были роялисты другого типа. Они были намного отчаяннее своих предшественников – шотландских якобитов, поскольку, как полагает Е. В. Тарле, основывались на заведомой дезинформации: «Крайние роялисты (с графом д'Артуа во главе) и вообще большинство эмигрантов возлагали главное свое упование на продолжение войны коалиции против Франции. Малле-дю-Пан тщетно старался раскрыть им глаза на невозможность дальше основывать свои надежды на внешней войне; тщетно указывал, что союзников... во Франции «все» ненавидят и что все партии смотрят на иностранцев «не как на врагов революции,

²³⁸Робеспьер, М. Избранные произведения в трех томах. Т. II. М., 1965. С. 151-152.

²³⁹Маклинн, Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009. С. 96-97.

но как на врагов Франции». Именно тогда, когда он пытался все это внушить претенденту, роялисты готовились к своей безумной авантюре – высадке на Кибероне»²⁴⁰. Подобная операция, к слову, была неуспешно проделана французами 14-20 ноября 1759 года, когда флотилия Людовика XVпод руководством маршалов Бель-Иля и Конфлана попыталась высадиться в Шотландии²⁴¹. Общеизвестно, что одолеть Великобританию с моря после Вильгельма Завоевателя (1066) удалось только Изабелле Французской (1326), сражавшейся со своим мужем Эдуардом II при помощи коалиции феодальных владетелей 242. Но то, что не удалось французам периода Старого режима, должно было быть исправлено с помощью французских роялистов, при поддержке английской короны высаживающихся на берегах Нормандии. У дворянства тех лет было всего несколько путей выбора, причем далеко не каждый из них был вполне безопасным: первый путь, грозивший самым страшным для аристократа – отчуждением от своего класса или смертью, предусматривал деятельную «капитуляцию» перед революцией, то есть служение ей²⁴³. Искренне служившие революции Эро де Сешель и Лепелетье де Сен-Фаржо, «первый мученик республики», были убиты или отправлены на гильотину²⁴⁴, другие позже составили разночинную партию «термидорианцев». «Партия» термидорианцев, как она была составлена в Конвенте в 1795 году, не была полностью идентична той гораздо более широкой коалиции, которая требовала и приветствовала падение Робеспьера»²⁴⁵, отмечает П. Левек. Несмотря на то, что в целом заговор 9 термидора возглавляли в основном депутаты «равнины» или «болота», вскоре сформировался триумвират из трех бывших якобинцев, довольно тесно связанных с аристократическими кругами. Это были Тальен, бывший секретарь братьев

²⁴⁰Тарле, Е. В. Жерминаль и прериаль. М., 1951. С. 57.

²⁴¹Маклинн, Ф. Указ. соч. С. 573-593.

²⁴²Уэйр, Э. Французская волчица – королева Англии: Изабелла. М., 2010. С.319-324.

²⁴³См. Приложение 3, с. 254, Илл. 6-7

²⁴⁴Figeac, M. Op. cit. P. 309.

²⁴⁵Lévêque, P. Histoire des forces politiques en France. 1789-1880. T. I. P., 1992. P. 66.

Ламет²⁴⁶, женатый на маркизе де Фонтене, а также Фрерона, покровителя белого террора, и Барраса, аристократа по происхождению²⁴⁷.

Кроме них, существовали дворяне, которые «прошли революцию», оставшись на наследственных землях в довольно бедственном положении, деклассированные элементы, чудом спасшиеся от гильотины, и бойцы Вандеи, пользующиеся помощью и поддержкой Кобленца²⁴⁸. Среди аристократов, выживших во время Террора и прошедших ужасы тюремного заключения, выделяются Тереза Кабаррюс де Фонтене и ее третий муж принц де Шиме²⁴⁹, семья де Кюстин, родители прославленного мемуариста-русофоба²⁵⁰, а также клан Богарне²⁵¹. Семьи могли разделяться и по отношению к революции: часть целого рода могла остаться на территории Франции, а другая часть, состоящая преимущественно из молодых мужчин-офицеров – примкнуть к Армии принцев или предложить свои услуги иностранному монарху. Так, например, произошло с братьями Шарлотты Корде: один из них поступил на службу королю Испании, а два других высадились на полуострове Киберон²⁵². Из трех категорий эмигрантов нас интересуют только две: эмигранты-участники Армии принцев и эмигранты, служившие иностранным правительствам. При этом вторую категорию можно условно поделить на две субкатегории: эмигрантов, оставшихся на новой родине, и «возвращенцев», добивавшихся реституции земельного фонда. Кроме того, существовали отдельные лица, не укладывающиеся в эту классификацию: например, Талейран, чьей целью, согласно его запискам, «было уехать из Франции, где мне казалось бесполезным и даже опасным оставаться, но откуда я хотел уехать только с законным паспортом, чтобы не закрыть себе навсегда пути к возвращению»²⁵³, после принятия живейшего участия в революционных событиях. Кроме того, существовали два столпа интеллектуальной жизни

²⁴⁶Ibid. P. 64.

²⁴⁷Тарле, Е. В. Жерминаль и прериаль. С. 46-50.

²⁴⁸Figeac, M. Op. cit. P. 314-324.

²⁴⁹Blanc, O. La Dernière Lettre. Prisons et condamnés de la Rèvolution. 1793-1794. P., 2013. P.88-89.

²⁵⁰Ibid. P. 182-184.

²⁵¹Бокса, Ж. Жозефина, жена Наполеона. М., 2012. С. 298-301.

²⁵²Морозова, Е. В. Шарлотта Корде. М., 2009. С. 207-208.

²⁵³Талейран. Указ. соч. С. 133-134.

Франции, влияние которых распространилось на всю Европу, но которые не принадлежали ни к одному из вышеуказанных лагерей: мадам де Сталь и Жозеф де Местр. Если говорить о мадам де Сталь, то она была дочерью бывшего министра Неккера, швейцарского банкира и протестанта, ставшего бароном и любимцем простого народа. Кроме того, она была либералкой и патриоткой... скорее Швейцарии, чем Франции, а также – пусть и номинально – женой шведского барона. В эмиграцию она никогда не уезжала: скорее, временно отсиживалась в своем швейцарском имении Коппе. По справедливому замечанию Ф. Важнер, «во Франции этот любознательный, свободный, живой ум всегда подстегивал другие умы, но и был неудобным: г-жа де Сталь выглядела иностранкой, ее ценили как личность, не укладывающуюся ни в какие рамки. <...> Общество, превыше всего ставящее чувство меры и вкус, так никогда и не признало мадемуазель Неккер, а тем более Коринну, неотъемлемой частью самого себя»²⁵⁴. Бенжамен Констан, ее возлюбленный, также швейцарец и яростный республиканец²⁵⁵, так писал о ней: «Из Жермены вышел бы десяток, а то и дюжина выдающихся мужчин» ²⁵⁶. Таким же иностранцем оставался для Франции и философ, дипломат и богослов Ксавье де Местр, посланник сардинского короля. Впрочем, де Местр по своему мироощущению, имея гораздо меньше связей с Францией, был более чем французом по убеждениям.

Жозеф де Местр был рожден в Савойе, следовательно, не был французским подданным, но его родители были французского происхождения и родным языком его также являлся именно французский, а не итальянский. Кроме того, де Местр сочетал не сочетаемое в самой своей персоне: он был ревностным католиком, впоследствии написавшим трактат «О Папе» и выступившим в защиту испанской инквизиции²⁵⁷, а также деятельным масоном. Как масон, например, де Местр присутствовал в 1781 году на Масонском конгрессе в Вильгельмсбаде, где

²⁵⁴Важнер, Ф. Госпожа Рекамье. М., 2004. С. 230.

 $^{^{255}}$ Констан, Б. Моя жизнь.//Констан, Б. Проза о любви. М., 2006. С. 206.

 $^{^{256}}$ Констан, Б. Амелия и Жермена.//Констан, Б. Проза о любви. М., 102.

²⁵⁷Дегтярева, М. И. «Лучше быть якобинцем, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семенович Уваров.//Вопросы истории. 2006. № 7. С. 109-110.

общался с принцем Фридрихом Брауншвейг-Люнебургским²⁵⁸ от имени своего наставника Жан-Батиста Виллермоза, одного из реформаторов масонства, тесно связанного с кружком энциклопедистов²⁵⁹. Кстати, даже Калиостро оказался лишенным чести присутствовать на масонских съездах²⁶⁰, а вот участие де Местра в деятельности мартинистов сомнению не подвергается: он даже не старался это скрыть. С 1802 года Жозеф де Местр был назначен послом в Санкт-Петербург, где представлял короля Виктора-Эммануила, что сделало его желанным гостем в кругу легитимистов. Несмотря на изгнание графа Лилльского по требованию императора Павла I в 1801 году, оставшиеся на русской службе роялисты приняли его как своего: ведь жены обоих принцев, Прованского и Артуа, приходились сардинскому монарху, сестрами что «придавало вящую славу государству»²⁶¹. Таким образом, Жозеф де Местр сделался выразителем идей французской легитимистской эмиграции, хотя нельзя сказать, что у них не имелось и других представителей новых настроений – набожности, преданности монархии и гражданского национализма, находившего себе дорогу еще со времен теории «дворянства расы» графа де Буленвилье²⁶².

Центром притяжения для французской эмиграции Российская империя стала тогда, когда Екатерина II предприняла первые законодательные шаги по укреплению своей новой позиции — защитницы основ государственной власти и престолов Европы. Возможно, первым актом, где было бы сказано о покровительстве российской самодержицей французским роялистам, был сенатский закон 26 ноября 1789 № 16.820 «О приуготовлении из обучающихся в Генеральной Семинарии достойных людей по заступлению вакантных мест по приходам Католическаго закона» Согласно ему, по рапорту архиепископа Могилевского Станислава Сестренцевича, «за неимением во вверенной ему Епархии Священника, знающаго твердо Французский язык, <он> выписывал

-

²⁵⁸Доусон, К. Г. Боги революции. СПб., 2002. С. 273-274.

²⁵⁹Володарская, О. А. Указ. соч. С. 322-323.

²⁶⁰Морозова, Е. В. Калиостро. М., 2011. С. 180-182.

²⁶¹Lever, É. Louis XVIII. Pluriel, 2012. P. 15.

²⁶²Sternhell, Z. Op. cit. P. 450-452.

²⁶³Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 96.

таковаго из Парижа из собрания ксензов Святаго Винцентия де Павло <конгрегации Сен-Венсан-де-Поль>, которому Священнику содержание того собрания Генерал требовал присылки 100 червонных, но Старосты помянутой Московской церкви отказались в посылке тех денег, потому, что яко бы нигде они в учреждениях о той церкви не находят повеления куда либо посылать деньги, кроме что по надобности таковых ксензов могут испрашивать оных от своего Архипастыря»²⁶⁴. Поэтому кюре нового прихода, названного по имени святого XVII века, прославленного своей апостольской жизнью, так и не доехал до России – ибо, как сказано в законодательном акте, «выписывание иностранных патров и возвращение их в отчество должно принимать на счет прихожан» 265 . Однако, как было отмечено, архиепископ должен озаботиться воспитанием собственных католических кадров для замещение вакантных мест в приходах. Очевидно, что нужда в священниках, знающих французский язык, возросла именно с приездом эмигрантов, которым было сравнительно трудно общаться с местным польским духовенством: престиж духовного сословия в Польше был значительно ниже, чем во Франции, где множество младших отпрысков аристократических (и даже принадлежащих к королевскому дому) семей выбрали духовную карьеру. Тем не менее, в церкви было антагонистически настроенных класса – епископы, капелланы и управители крупнейших аббатств, с одной стороны, и мелкое сельское и провинциальное духовенство, с другой. Те, кто принадлежали ко второму классу, обоснованно вызывали беспокойство у власть предержащих, поскольку их положение как «первого сословия государства» вызывало скорее насмешку: лишенные какихлибо привилегий, кроме свободы от уплаты налогов, им приходилось жить на собственные средства, не брезгуя в том числе и крестьянским трудом. Поэтому приезд никому неизвестного аббата из ордена, славящегося своим аскетизмом, не мог не вызывать подозрения у властей. Однако французы на этом не успокоились:

-

²⁶⁴Там же.

²⁶⁵Там же. С. 97.

5 декабря они получили именной рескрипт императрицы о дозволении строительства собственной церкви в Москве²⁶⁶.

Тогда французскую галликанскую церковь сотрясали разного рода нестроения, вызванные как предшествующими событиями, связанными с противостоянием галликан сторонников самоуправления французской католической церкви и ультрамонтан – апологетов неограниченной власти Папы Римского, так и новыми, весьма неожиданными, течениями – янсенистами, квиетистами и многими другими. В связи с началом Великой революции к ним прибавились священники присягнувшие и неприсягнувшие. Как неискренне вспоминал позднее Талейран в своих мемуарах, одним из первых принявший идею о присяге священников Учредительному собранию, «почти все епископы кафедры присягнуть; ИΧ были объявлены отказались вакантными, избирательные собрания назначили им заместителей. Новоизбранные были склонны отказаться от утверждения их римским престолом, но им невозможно было обойтись без посвящения на епископство, которое могло быть совершено лишь теми, кто носил этот сан. Если бы не нашлось никого для посвящения в епископский сан, то следовало бы сильно опасаться даже не упразднения культа, как это случилось несколько лет спустя, а иного. Меня сильнее пугала эта другая опасность, потому что она могла стать более длительной. Учредительное собрание могло при помощи своих доктрин толкнуть страну к пресвитерианству, которое более соответствовало господствовавшим тогда взглядам, и Франция могла отпасть от католичества, иерархия и формы которого гармонируют с монархической системой. Поэтому я воспользовался своим саном для посвящения одного из вновь избранных епископов, который в свою очередь посвятил других»²⁶⁷. Впрочем, после этого Талейран сбросил с себя надоевшее ему звание епископа Отенского, вернувшись к частной жизни – на этот раз жизни эмигранта. Его коллега по духовному званию (а заодно и по службе и Наполеону, и Бурбонам одновременно) Жозеф Фуше, всемогущий министр полиции и герцог Отрантский,

²⁶⁶Там же. С. 99.

²⁶⁷Талейран. Указ. соч. С. 130.

пользуясь своим положением как человека, не давшего духовных обетов и хорошего знакомого Робеспьера, остался во Франции, где истово служил так называемому «Культу Разума». Согласно П. Генифе, «как было невозможно упразднить Республику силами тех, кто нес ответственность за ее крайности – Баррасов, Тальенов и Фуше – так и столь молодая Республика не смогла бы выстоять с такими вождями; и, однако, Республика была без них невозможна <...> их общее «преступление» было порукой тому, что в страну не вернется ни король, ни знать, ни священники» ²⁶⁸. Так что Российская империя получила на свои земли в основном иезуитов и неприсягнувших священников, к которым позже присоединились капелланы Мальтийского ордена.

Если судить по законам, изданным в последние годы царствования Екатерины II, можно заметить, что французское дворянство было не столь интересно ей как класс, в отличие от пленных шведских офицеров и польских инсургентов, ситуация с которыми действительно волновала императрицу как насущная проблема. Недавно закончилась война со Швецией и подавление далекой Франции польского восстания, дела пока производили не непосредственного влияния на дела России. По-прежнему в Россию стремились способа разбогатеть, подобно некоему «иностранцу Доминику искатели Ферранду», желавшему открыть «театр для звериной травли»²⁶⁹, но закон от 19 дворян Ее 1791 года уже упоминает 0 присяге иностранных Императорскому Величеству, что автоматически делало их подданными Российской империи и одновременно русскими дворянами. Причем даже те из них, кто «ни где никакого недвижимого имения не имеют, а Дворянство свое может быть производят, иные от древнейших фамилий, а другие приобрели Дворянское достоинство по службе своей»²⁷⁰, вполне могут влиться в дворянское сословие определенной губернии, но об этом необходимо было доложить Сенату. Позднее иностранные дворянские роды уже не пользовались такими

²⁶⁸Gueniffey, P. Op. cit. P. 452.

 $^{^{269}}$ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 237.

²⁷⁰Там же. С. 239.

привилегиями, разделяясь на дворянство иностранное и потомственное российское²⁷¹. Стоит отметить, что, несмотря на то, что иностранные дворяне пользовались в России правами, аналогичными правам русских дворян, ни одному из французских эмигрантов не удалось получить титул князя, графа или барона Российской империи, хотя существовали маркизы и виконты, а также герцоги (дюк де Ришелье), которые пользовались своим иностранным титулом в России. Единственным исключением (да и то с оговорками) можно считать пожалование титулом графа Александра Федоровича Ланжерона, хотя он и носил титул графа до революции²⁷².

Важным следствием Великой французской революции для внешней Российской империи явилось... официальное политики запрещение государственных чиновников пользованием «пенсионами» от иностранных правительств²⁷³, что во времена еще Елизаветы Петровны казалось вполне естественным. Так, министр иностранных дел Алексей Петрович Бестужев-Рюмин не скрывал своих связей с английским и саксонским дворами, с последним он был связан и через свою супругу, дочь бывшего русского посла в Саксонии 274, причем не гнушался принимать деньги и от Фридриха Великого, на которого тот потратил в общей сложности 200 тысяч экю 275. В официальных документах это называлось «акциденцией», и Российская империя при Екатерине II впервые отказалась от такой практики законодательно, дабы сохранить определенную степень независимости от лиц, которые могут оказаться причастными к революционным настроениям. Впрочем, сама Екатерина II, будучи великой княгиней, имела определенные связи с английским двором и отчасти с прусским, будучи креатурой Фридриха II^{276} . Несмотря на изменение отношения к взяточничеству, определенные прецеденты все равно случались: так, во времена Наполеона этим славился Талейран, которому вечно не хватало денег, несмотря

٦.

²⁷¹ Яблочков, М. Т. История российского дворянства. М., 2007. С. 497-498.

²⁷²Головина, В. Мемуары. М., 2005. С. 28.; Боханов, А. Н. Павел І. М., 2010. С.309-310.

²⁷³Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С. 245-246.

²⁷⁴Лиштенан, Ф. Д. Указ. соч. С. 113-115.

²⁷⁵Там же. С. 177-178.

²⁷⁶Роундинг, В. Указ. соч. М., 2009. С. 143-180.

на огромное состояние 277 . Считается, что даже позднее отставной русский посол С. Р. Воронцов был связан с английским двором, готовившим заговор против Павла I^{278} .

Как бы то ни было, но это решение позволило Екатерине II сохранить свою независимость в отношении одного из самых способных и известных послов Франции в России – Луи-Филиппа де Сегюра (1753-1830), одного из «карманных посланников» императрицы, наряду с австрийским графом Людвигом фон Кобенцлем и британцем Аллейном Фицгербертом²⁷⁹. Из них троих наиболее известно имя Сегюра, оставившего ценные воспоминания о поздних годах царствования Екатерины II. Именно ему чуть было не выпала честь изменить позицию России по отношению к Франции, однако этому помешала как русскотурецкая война 1787-1791 годов, так и революция. Сегюр принадлежал к семье, возвысившейся при Генрихе IV, и быстро делавшей свою карьеру с помощью военной службы. Самому Луи-Филиппу тоже не удалось избежать военной карьеры: так, будучи в ранге полковника Суассонского полка (с 1782 года), он своими Лафайетом и Ноайем решил отправиться вместе со друзьями добровольцем на Войну за независимость Америки²⁸⁰, но уже в 1784 году получил назначение в Петербург. Сегюр был образованным человеком, не лишенным остроумия и изящества слога, как благодаря собственным связям, так и благодаря салону своей матери, ему удалось познакомиться с Мальзербом и д'Аламбером, с молодыми аристократами из семейств Полиньяк, Гинь и Ноай, с мадам Неккер и морганатической супругой герцога Орлеанского мадам де Монтессон²⁸¹. Известно, что отец Луи-Филиппа состоял в «Секрете королевы» вместе с Безенвалем, Адемаром и Водрейлем²⁸². Кроме того, он позднее познакомился с одним из самых популярных светских персонажей XVIII века, бельгийцем и подданным императора Иосифа II принцем де Линем. Как его описывал сам

²⁷⁷Тарле, Е. Талейран.//Талейран. Мемуары. М., 1959. С. 27-31.

²⁷⁸Боханов, А. Н. Указ. соч. С. 293.

²⁷⁹Роундинг, В. Указ. соч. С. 536.

²⁸⁰Ibid. P. 10-13.

²⁸¹Ibid. P. 62-63.

²⁸²Ibid. P. 36-38.

Сегюр, «любимец всех королей, желанный гость при всех дворах, друг всех философов»²⁸³.

За время, проведенное в России, он успел сделать многое: прежде всего, ему было необходимо предотвратить «зловещие симптомы... приближающейся общеевропейской войны, которая грозила опустошить весь остальной мир. Честолюбивые виды императрицы Екатерины и ее нежелание отдавать Крым восстановили против нее турок. Курфюрст Палатинский умер, его завещание, а также австрийские притязания на его наследство взбудоражили при венском и берлинском дворах поползновения к полному разрыву дипломатических отношений»²⁸⁴. И если со вторым вопросом дело обстояло гораздо легче (сама Мария-Антуанетта отказывалась быть посредницей между братом и мужем²⁸⁵), первый вопрос Сегюру решить так и не удалось. Традиция поддержки «христианнейшим королем» Франции халифа правоверных мусульман-суннитов Оттоманской порты возникла давно и справедливо вызывала удивление у современников, что находило отклик у просветителей: «Не раз он <Людовик XIV> говорил, что из всех правительств ему больше всего по нраву турецкое и нашего августейшего султана: так высоко ценит он восточную политику». Так выразился Монтескье устами героя своего романа «Персидские письма» путешествующий персидский вельможа Узбек²⁸⁶. Сам Сегюр в разговорах с императрицей и Потемкиным не мог выразиться яснее: «Все же я не мог до конца согласиться с той странной и аморальной политической системой, которая разбойникам, считается своим долгом помогать варварам, фанатикам, уничтожающим народы и опустошающим огромные территории, целые расположенные между Европой и Азией. Возможно ли представить, что все христианские государи предлагают свою помощь, щедрые дары и, если можно так выразиться, платят дань уважения правительству варварскому, ограниченному и

²⁸³Ségur, Le Comte de. Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes.//Mémoires, souvenirs et anecdotes par m. le Comte de Ségur. Correspondance et pensées de Prince de Ligne. P., 1859. T.I. P. 98.

²⁸⁴Ibid. P. 105.

²⁸⁵Фрэзер, А. Указ. соч. М., 2007. С. 324-326.

²⁸⁶Монтескье, Ш. Л. Персидские письма.//Французский фривольный роман. М., 2007. С. 59.

внушающему отвращение, которое презирает нас, нашу религию, наши законы и обычаи, государей, не уставая наших каждодневно именовать нас «христианскими собаками», унижая и оскорбляя нас?» 287 Однако, даже несмотря на договоренности с Потемкиным, Франции так и не удалось наладить торговые отношения с Российской империей, что скажется как на позднейших отношениях двух стран, так и на судьбе французских эмигрантов. В 1789 году Сегюр был отозван с поста представителя Франции в России, чему немало способствовала смерть его покровителя Верженна, бывшего более пятнадцати лет министром иностранных дел.

Новым министром стал «друг детства короля» Арман Марк, граф де Монморен Сент-Эрем, взамен продвигаемого королевой Сен-При²⁸⁸. Позднее семья Сен-При будет приглашена ко двору Екатериной II, что отразится на судьбе и военной карьере сына ставленника Марии-Антуанетты виконта Эмманюэля де Сен-При. Однако Монморену тоже не удалось долго продержаться на своем посту, как стороннику министерства уволенного Неккера²⁸⁹. На его место был назначен герцог де Ла Вогюйон, сын воспитателя Людовика XVI, а министром финансов и премьер-министром стал Бретейль, которому предназначалось завершить реформы Неккера по погашению государственного долга²⁹⁰. Тем не менее, его министерство продержалось всего три дня, после чего Неккер триумфально возвратил себе прежний пост, опираясь на ярко выраженное недовольство народа консервативными министрами. Все министры двора составляли тесный, почти семейный кружок, принадлежа к высшему свету. Анриетта Роге замечает по поводу маршала де Сегюра и его сына Луи-Филиппа: «С одной стороны, отец именовал «опасными безумствами» разрушение старого порядка, что, в свою очередь, «приводит к еще большему помешательству», а с другой стороны, его сын, как и его друзья Брой, Ноай, Лафайет и Ламеты,

²⁸⁷Ségur, Le Comte de. Mémoires, ou Souvenirs et Anecdotes. T. I. P. 401.

²⁸⁸Фрэзер, А. Указ. соч. С. 324.

²⁸⁹Там же. С. 365.

²⁹⁰Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф». Из истории тайной дипломатии Екатерины Великой. М., 2009. С. 188-189.

является сторонником конституционного строя»²⁹¹. Одновременно с Неккером вернулся и Монморен, как и весь предыдущий кабинет министров.

Именно Бретейлю и Монморену, координировавшим свои усилия во Франции и в эмиграции, королевская семья была во многом обязана планом своего бегства в Варенн и отчасти его неудачным осуществлением. Можно также условно обозначить три силы, так или иначе ответственные за побег: французская, русская и шведская. При этом французы, принимавшие участие в побеге, были как легитимистами, так и сторонниками принцев. Лагерь французовлегитимистов был представлен в то время как самими Бретейлем и Монмореном, пользовавшимися запасным планом покойного Мирабо на непредвиденный случай 292 , так и теми, кого они подыскали для осуществления плана на местах – генерал де Буйе, «человек, прежде привязанный к идее конституционной монархии, но исправивший свою репутацию энергией, с которой он подавил восстание в Нанси в августе 1790 года»²⁹³, граф де Ла Марк, известный конфидент покойного, а также племянник графа де Шуазеля, которому Мария-Антуанетта была обязана своим браком с дофином Франции, Клод-Антуан-Габриэль²⁹⁴, и граф де Дама, командир драгунов, барон де Гогела, исполнявший роль проводника²⁹⁵. У маркиза де Буйе было два сына, также вовлеченных в проект побега – граф (позднее маркиз) Луи-Жозеф-Амур и шевалье Франсуа, причем основное содействие должен был оказать шевалье, командующий полком кантонистов, расположенным вблизи будущего маршрута королевского побега.²⁹⁶ Кроме того, в королевской карете должны были следовать такие лица, как офицеры де Мустье, де Мальден и де Валори²⁹⁷. Несомненным «почетным кареты гостем» королевской ПО требованию Марии-Антуанетты воспитательница «детей Франции» маркиза де Турзель. Луиза-Элизабет де Крои,

²⁹¹Rogué, H. Op. cit. P. 208-209.

²⁹²Де Кастр, Р. Указ. соч. С. 385-387. ²⁹³Ozouf, M. Varennes. La mort de la royauté (21 juin 1791). Barcelone, 2011. P. 111-112.

²⁹⁴Ibid. P. 28.

²⁹⁵Ibid. P. 27.

²⁹⁷Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф»... С. 232.

маркиза де Турзель стала гувернанткой после ухода с этого поста (и отъезда в эмиграцию) Иоланды де Полиньяк. Она была набожной католичкой, ревностной монархисткой, вдовой и матерью четырех детей²⁹⁸. Как сообщает сама Турзель, последней каплей для короля и королевы стал поход женщин на Версаль, состоявшийся 5 октября 1789 года. По ее замечанию, « все торговки имели бледную кожу, хорошие зубы и носили одежду, которую подобные женщины не имеют обыкновения носить»²⁹⁹, что больше походило на заговор, чем на спонтанный взрыв народного недовольства. Кроме того, к побегу подключили мадам Елизавету, сестру короля, которая ни за что не хотела оставлять брата. Придворные дамы Брюнье и де Новиль следовали в другой карете, еще одна из фрейлин, мадам Тибо, следовала иным маршрутом³⁰⁰.

Шведский след и русские агенты императрицы Екатерины II были тесно связаны: паспорт, полученный для маркизы де Турзель (первоначально предназначавшийся самой королеве) был выправлен на имя баронессы Корф, русскоподданной шведского происхождения, бывшей любовницей Акселя фон Ферзена 301 . Другим шведом, участвовавшим в плане побега (и отчасти разработавшим его) был сам Ферзен, фаворит Марии-Антуанетты. Следует заметить - и это особенно важно! - что только некоторые из связанных с Вареннским кризисом лиц спасутся от революционного террора и сентябрьских убийств. Этими счастливцами были все три представителя семьи Буйе, мадам де Турзель с ее дочерью Полиной, а также Бретейль (он уже был эмигрантом) и граф де Ла Марк. Буйе провалили операцию в Варенне с помощью своей неосмотрительности (точнее было бы назвать это историческое событие «операцией Монмеди», поскольку именно в Монмеди предполагалось ехать королевской карете), дамы Турзель были спасены из тюрьмы. Клод-Антуан-Габриэль де Шуазель позднее воевал в армии Конде, Гогела³⁰² и граф де Дама

²⁹⁸Фрэзер, А. Указ. соч. С. 376.

²⁹⁹Mémoires de Madame la Duchesse de Tourzel, gouvernante des enfants de France. T. I. P., 1883. P. 18.

³⁰⁰Фрэзер, А. Указ. соч. М., 2007. С. 422.

³⁰¹Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф»... С. 204.

³⁰²Ozouf, M. Op. cit. P. 438.

обосновались в Кобленце³⁰³. Согласно П. В. Стегнию, Екатерина II знала планы побега королевской семьи из верного источника, то есть от самого генерала де Буйе³⁰⁴. Как можно видеть из источников, и Гримм, и его августейшая корреспондентка знали о существовании планов бегства от других лиц, среди которых упоминаются неизвестные нам Мадлен де Понс и «Катинька» де Бюэй, а также от графа де Дама, хоть он и был посвящен в тайну одним из последних. Тем не менее, к семейству Буйе, «отличившемуся» незнанием местности и неспособностью принимать быстрые решения, императрица была более благосклонна, чем к Ла Марку: так, Буйе всего лишь было отказано в службе Ее Императорскому Величеству, в то время как граф был удостоен личного упоминания в указе.

Согласно именному сенатскому указу, данному 24 марта 1792 года, «княгиня Варвара Шаховская, урожденная Баронесса Строгонова, живущая давно уже в Париже, выдала без ведома Нашего и несогласно с волею Нашею дочь свою замуж за Князя Аремберга, который участвовал в двух бунтах против законной власти, воздвигнутых наглостию и своевольством, одном французском, а другом Нидерландском»³⁰⁵. Так как Екатерина решила благосклонно отнестись к двум женщинам, она позволила им остаться при их владениях, правда, передав их временно под опеку Дворянского банка, добиваясь скорого их возвращения на родину. Князю д'Арембергу въезд был категорически запрещен. Следует отметить, что данный князь, Луи Мари Эжен, был младшим братом упомянутого графа де Ла Марка. Вся контрреволюционная деятельность графа и его брата заключалась в бельгийском сепаратизме, связанном с воссоединением с Нидерландами в рамках автономии и против Оранского дома³⁰⁶, к чему, кстати сказать, обязывало его происхождение от самых древних владетельных семей Фландрии. Варвара Александровна Строганова-Шаховская была дочерью барона

³⁰³Ibid. P. 175.

³⁰⁴Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф»... С. 348-360.

³⁰⁵Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С. 320.

³⁰⁶Де Кастр, Р. Указ. соч. С. 201.

Александра Григорьевича Строганова³⁰⁷, одного из богатейших людей Москвы³⁰⁸, что делало этот брак еще более значительным. Об этой истории позднее писал ставший политическим эмигрантом князь Адам Чарторыйский: «Княгиня Шаховская, обладавшая колоссальным состоянием, выдала свою дочь замуж за герцога д'Аремберга. Случилось это за границей. Екатерина, возмущенная тем, что не испросили ее согласия, велела наложить арест на все имения княгини. Мать и дочь явились к ней и умоляли о милости, но Екатерина расторгла этот брак, считая его недействительным, потому что он был заключен без ее согласия»³⁰⁹. Итак, наряду с Бенджамином Франклином гнев императрицы заслужили все прочие политические партии – от национальных движений за свободу от иностранного влияния, как в Бельгии и Нидерландах, до любых конституционных или реформаторских проектов. Тем не менее, иногда и Екатерина делала исключения.

Так, 11 февраля 1792 года вышел закон «О распределении вступающих в военную службу иностранцов по разным военным командам, находящимся в отдаленности границ» Это был первый закон подобного рода, касающийся всех вообще иностранных подданных, а не только шведов, поляков и турок, принявших православие, как в предыдущих и последующих законах. Этим было положено начало систематического призвания иностранцев на русскую службу, в то время как ранее, при Петре I, подобное призвание осуществлялось в индивидуальном порядке: некоторые наиболее способные иностранные наемники или инженеры шли руководить русскии воинскими частями — как из-за нехватки собственных кадров, так и ради обучения. Отдельным лицам «премудрая Фелица» могла простить прежние «прегрешения» против ее августейшей власти. В частности, восторженная поклонница императрицы Варвара Головина описывала следующую сцену: «Приехала депутация поляков для представления Государыне. Все мы дожидались Императрицу в салоне. Насмешливый и враждебный вид этих

 $^{^{307}\}mbox{\ensuremath{\mbox{K}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{X}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{K}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{K}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensuremath{\mbox{C}}\mbox{\ensurema$

³⁰⁸Там же. С. 25-27.

 $^{^{309}}$ Чарторижский, А. Воспоминания и письма. М., 2010. С. 49.

³¹⁰Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С. 303.

господ меня очень забавлял. Государыня вошла в комнату; мгновенное движение выпрямило их всех. У нее был величественно-снисходительный вид, вызвавший у них глубокий поклон. Она сделала два шага, ей представили этих господ, и каждый из них становился на одно колено, чтобы поцеловать у нее руку. В эту минуту у всех на лицах было выражение покорности. Императрица заговорила с ними. <...> Через четверть часа она удалилась, сделав свой обыкновенный медленный реверанс, который невольно заставлял наклонить голову каждого из присутствующих. Поляки были вне себя от восторга...» 311 И, хотя данная делегация учинила пророссийское восстание в Речи Посполитой против ее Станислава Понятовского, собственного ставленника не придерживалась столь четких позиций. В этом и состоял один из главных узлов противоречия между Россией и Францией, менее устранимый и более стабильный по меркам династических связей XVIII века: Людовик XV, женатый на дочери бывшего выборного польского короля Станислава Лещинского, считал своим естественным делом вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой, Австрия также считала себя вправе вмешиваться во внутренние дела Франции, как родная страна Марии-Антуанетты и пострадавшая от французского своеволия страна. По иронии судьбы, муж Марии-Терезии и отец Марии-Антуанетты, Франц Стефан Лотарингский, должен был уступить Лотарингию лшенному престола Лещинскому в обмен на Тоскану³¹². Но Франция на этом не успокоилась, вовлекая в орбиту французского влияния Савойю, «обменявшись» двумя савойскими принцессами и одной французской путем династических браков. Позднее к ним добавился союз с Королевством Обеих Сицилий, обставленный с той же пышностью и соблюдением тех же ритуалов, что и при свадьбе Людовика XV с Марией Лещинской 313.

Таким образом, усилия соблюсти одновременно и законность притязаний на территорию или на зону политического влияния, с одной стороны, и желание

³¹¹Головина, В. Указ. соч. С. 80.

³¹²Фрэзер, А. Указ. соч. С. 25-26.

³¹³Lever, É. Op. cit. P. 464-465.

закрепить за собой необходимую территорию, наталкивалось на сложное переплетение интересов европейских монархий. Тем более, что некоторые из наиболее мощных политических образований перешагнули границы Западной Европы и заявили свои права на славянские и ближневосточные земли. Выход, Средневековьем, заключался в сложной системе найденный вассальных отношений и христианской (в основном католической) пропаганде. Так, английские короли, владея территориями, подчиненными королю Франции, вынуждены были приносить ему клятву верности³¹⁴. Но в Новое время требовалась иная стратегия, связанная с ростом национального самосознания и секуляризации массового сознания. Екатерина ІІ нашла разумным следовать самому простому заключению из этого правила: следовать современной концепции права, почерпнутой из Беккариа и принимавшей характер объяснения человеческого неравенства путем различия способностей целых классов и сословий 315 – в сфере идеологии, и обычной в то время практике подкупа и перевербовки, что особенно удавалось в Польше. Иногда она, как и большинство последующих Романовых, разыгрывала религиозную карту: если для Николая I и отчасти Александра III и Николая II этой цели служила идея защиты православных верующих, то для Екатерины неизменным поводом была защита веротерпимости³¹⁶. Для того, чтобы служить императрице и быть ею официально принятым, следовало сделаться ее агентом влияния: так было с бывшим английским дипломатом поляком Станиславом Понятовским³¹⁷, так и с главой магнатской оппозиции предыдущему графом Францем Ксаверием Браницким³¹⁸. По замыслу «просвещенной государыни», эта же карта могла победить и во взаимоотношениях с французскими эмигрантами, прибывавшими в Петербург в поисках простой и необременительной службы³¹⁹. С эмигрантами, но не с

³¹⁴Флори, Ж. Ричард Львиное Сердце: Король-рыцарь. СПб., 2008. С. 16-17.

Ravnaud, Ph. La politesse des Lumières. Les lois, les mœurs, les manières. Gallimard, 2013. P. 226.

³¹⁶Ibid. P. 55.

³¹⁷Роундинг, В. Указ. соч. С. 166.

³¹⁸Данилова, А. Ожерелье светлейшего: Племянницы князя Потемкина: биографические хроники. М., 2009. С. 29-34.

³¹⁹Головина, В. Указ. соч. С. 96.

Францией: императрица считала накладным активное участие в делах столь отдаленной страны с неясной политической ситуацией. И те из роялистов, что побывали при ее дворе, поневоле убеждали Екатерину в гибельности их дела. Причиной тому была династическая «многопартийность» среди ультрароялистов и неопределенная позиция их более либеральных соплеменников.

Конечно, более сильная позиция имелась во Франции у герцогов Орлеанских. Глава этого дома, герцог Луи-Филипп-Жозеф, принадлежал к одной из самых неоднозначных ветвей правящего дома Бурбонов. Он мог быть смело назван как предельное воплощение качеств, присущих его предкам, так и социальным реформатором и удачливым предпринимателем. Впрочем, данные качества пришли к нему потом, и были связаны скорее с удачным подбором советников и доверенных лиц. Тем не менее, даже это в условиях царившего фаворитизма представлялось как несомненное достоинство. Несмотря на то, что титул герцогов Орлеанских появился во французской монархии еще со времен династии Валуа, принадлежа старшему брату короля³²⁰, и позднее был унаследован младшим братом Людовика XIII Гастоном³²¹, прочно ассоциируется именно с братом Людовика XIV и его потомками. Филипп Орлеанский, будучи единственным братом Короля-Солнца, пользовался почетом и уважением, впрочем, ни мало им не заслуженным: так, его подозревали в отравлении первой супруги, Генриетты Английской 322, и негодовали по поводу его многочисленных фаворитов. Его сын от второго брака с Елизаветой Пфальцской, Филипп II Орлеанский, унаследовал привлекательную внешность своего отца и незаурядный ум матери: он занимался химией, сочинял оперы, писал картины и отличился на сражений 323. полях Известный своим вольнодумством И чувственными похождениями, он принимает руку внебрачной дочери Людовика XIV Франсуазы-Марии де Блуа от его связи с маркизой де Монтеспан, что усиливает его позиции при дворе... и одновременно ослабляет его преданность короне – брак этот был

-

³²⁰Фрида, Л. Екатерина Медичи. М., 2006. С. 255.

³²¹Птифис, Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008. С. 16.

³²²Там же. С. 112-113.

³²³Там же. С. 259.

навязан Орлеанскому дому и считался унизительным. В ходе процесса ведьмы и отравительницы Монвуазен, с которой была косвенно связана Монтеспан³²⁴, положение мадемуазель де Блуа оставалось двусмысленным. После смерти Людовика XIV регентом при его правнуке Людовике XV (ибо сын короля, Великий Дофин, его наследник герцог Бургундский с супругой умерли при до сих пор невыясненных обстоятельствах) 325 становится ни кто иной, как Филипп II Орлеанский. Луи-Филипп Орлеанский, известный как Филипп-Эгалите, был правнуком регента, и его достоинства, как вспоминает Талейран, заключались в том, что « не многие юноши ездили верхом так хорошо и с такой грацией, как герцог. Он отлично фехтовал, на балах его всегда отмечали. Все, что сохранилось от старинного двора, жалеет о рукоплесканиях, которыми его наделяли за исполнение беарнского танца в костюме Генриха IV или благородных па в праздничном наряде, который носили юноши при дворе Людовика XIV»³²⁶. Описывая круг знакомств герцога Шартрского (такой титул тогда носил Эгалите как старший сын герцога Орлеанского Луи-Филиппа I), обычно упоминают его дурные наклонности и легкомысленный характер.

Однако, будучи не лишенным ума и обаяния, он был другом и покровителем многих талантливых людей своего времени, таких, как писатель и военный инженер Пьер Амбруаз Шодерло де Лакло, автор романа «Опасные связи» 327, автор «Приключений кавалера де Фобласа» Жан-Батист Луве де Кувре, бывший также связующим звеном орлеанистов с жирондистами 328 (хотя его взгляды иногда определяются как республиканские) 229, и писательница мадам де Жанлис. Несмотря на то, что она часто воспринималась окружающими как «красивая словно ангел, умная, талантливая» 330, а ее отношения с Филиппом-Эгалите как отношения преданности и уважения 331, в действительности Стефани-

³²⁴Дюма, А. Людовик XIV. Биография. М., 2006. С. 586-589.

³²⁵Там же. С. 721-729.

³²⁶Талейран. Указ. соч. С. 342.

³²⁷Там же. С. 376.

³²⁸Gueniffey, P. Op. cit. P. 201.

³²⁹Lévêque, P. Op. cit. P. 62.

³³⁰Бокса. Ж. Указ. соч. С. 132.

³³¹Там же. С. 112.

Фелисите Дюкре де Сент-Обен была любовницей герцога и агентом его влияния, наряду со своим братом, который помог герцогу превратить Пале-Рояль в увеселительный павильон. Позднее бывший дворец кардинала Ришелье и резиденция Людовика XV станет известным и популярным в Париже местом торговли, общественного питания и даже нелегальным притоном³³². Кроме того, герцог Орлеанский имел высокое звания Великого Магистра масонской ложи «Великий Восток Франции», что делало его формальным главой таких людей, как Мирабо, Демулен, Кутон, Лафайет, Давид и Руже де Лиль³³³. Кроме того, современники часто называли именно Эгалите основным двигателем событий 1789 года³³⁴. Влиятельные орлеанисты имелись и при дворе Екатерины II.

По воспоминаниям Варвары Головиной, «лето 1794 года, второе проведенное мною в Царском Селе, привлекло еще некоторых новых лиц. Граф Эстергази, агент французских принцев, был очень хорошо принят Императрицей. Его тон, несколько грубоватый, скрывал его корыстолюбивый характер, склонный к интригам. Его считали прямым и откровенным. Но Императрица не долгое время была в заблуждении и терпела его только по доброте. Он заметил это и стал слугою Зубова, который его поддерживал» Почему же роялистка Головина так отзывается об одном из приближенных к семье Людовика XVI? Дело в том, что граф Валентин Ладислас Эстергази, австриец венгерского происхождения, был одновременно связан и с Людовиком XVIII, и со сторонниками герцога Орлеанского обыло несравненно больше шансов стать новым королем Франции, будучи угодным Англии и отчасти самой императрице. Впрочем, Эстергази большинством современников воспринимался как человек продажный и безнравственный, столь ловко льстивший императрице, что сделался помещиком на Волыни, как и его брат Владислав, ставший настоящим

³³²Хасси, Э. Париж: анатомия великого города. М.-СПб., 2010. С. 291-293.

³³³Kupferman, L., Pierrat, E. Op. cit. P. 24-25.

³³⁴Brancourt, J.-P. et. I. Le 14 juillet 1789: spontanéité avec premeditation.//Le livre noire de la Révolution française. P., 2012 P. 36-43

³³⁵Головина, В. Указ. соч. М., 2005. С. 63.

³³⁶Lever, É. Op. cit. P. 178, 226-227.

поляком³³⁷. Союзники прекрасно понимали, что у человека, не связанного с интервентами и известного своими либеральными политическими взглядами, в самой Франции обнаружится большее число сторонников, чем у принцев. Но после цареубийственного голосования 15 января 1793 года число орлеанистов должно было существенно сократиться.

Но не все было так плачевно и в лагере легитимистов, поскольку у них еще оставались такие харизматичные фигуры, как граф Артуа и герцог Энгиенский. Людовик XVIII действовал сообща с братом, поскольку его фигура была не так популярна в народе. Дело в том, что побег принцев крови был несомненно более удачным, благодаря графу Артуа им посчастливилось заручиться поддержкой императора Леопольда II и обзавестись эмиссарами даже в среде сторонников Людовика XVI. Как заявлял граф Артуа: «А что такое король? Сейчас я один – король» 338. Граф Прованский покинул Париж 20 июня, во вторник, как и королевская семья, вместе с депутатом Национального собрания от дворянства графом д'Аваре, через Суассон, присоединившись в Намюре к карете своей жены Марии-Жозефины, вместе с которой он прибыл в Брюссель к наместнице Нидерландов эрцгерцогине Марии-Кристине³³⁹. Кроме того, Мсье и Мадам удалось взять с собой графиню Бальби и мадам де Гурбийон, своих фавориток. Граф Прованский и д'Аваре выдали себя за англичан Мишеля и Дэвида Фостеров, хоть английский д'Аваре оставлял желать лучшего. Граф Артуа вместе с супругой Марией-Терезой уехали еще раньше, в одно время с Полиньяками; первой их остановкой был Турин – столица его тестя, сардинского короля Виктора-Амадея III, но впоследствии он и его семья переехали в Кобленц - город на границе Австрии и Франции, ставший гнездом недовольных контрреволюционеров³⁴⁰. К тому моменту в Кобленце находились пятнадцатилетний сын Артуа Луи Антуан, герцог Ангулемский, его младший брат, тринадцатилетний Шарль Фердинанд, герцог Беррийский, и члены

³³⁷Чарторижский, А. Указ. соч. С. 64.

³³⁸Цит. по: Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф»... С. 215.

³³⁹Lever, É. Op. cit. P. 156-162.

³⁴⁰Фрэзер, А. Указ. соч. С. 369-370.

семейства Конде. Конде считались принцами крови, хоть и были с Бурбонами лишь в отдаленном родстве: так, Луи-Жозеф Конде являлся всего-навсего восьмиюродным дядей (или, по женской линии, двоюродным прадедом) Людовику XVI, но, так получилось, что именно он проявил себя в эмиграции наиболее выдающимся образом. Впрочем, Россия тогда не участвовала в его деятельности по формированию Армии принцев.

Большинство из эмигрантов, осевших в России в этот период, были Прованского, признанными сторонниками графа кроме Полиньяков, симпатизировавших графу Артуа³⁴¹, и Армана Эммануэля Ришелье, бывшего офицером в армии Конде³⁴². Каждый из эмигрантов – даже если не брать в расчет экспатриантов в Россию – имел собственную идею переустройства Франции, не затрагивая королевскую семью и даже Людовика XVII, «второго дофина», который был еще жив и находился на попечении революционного правительства до своей смерти в 1795 году. Позднее эмигранты, и в первую очередь граф Прованский, получили в свою руку еще один козырь, связывавший их с «царственными мучениками»: дочь Людовика XVIII, Мария-Терезия, стала женой своего двоюродного брата герцога Ангулемского, что произошло в 1797 году и Митавы³⁴³. обитательницей «тампльскую сиротку» новой сделало Новоприбывшим эмигрантам стало особенно сложно в начале 1792 года, в связи с укреплением дружественных отношений с Австрией, последовавших после объявления русско-польской войны для защиты прав Республики, «древней Ея <Екатерины II> приятельницы» 344. Союз, как старательно подчеркивала Екатерина, был заключен не для защиты «областей, коими Ея Величество Императрица Всероссийская владеет в Азии» или «областей, коими Его Величество Король Венгерский и Богемский владеет в Италии» ³⁴⁵. Следовательно, данный договор предусматривал военную помощь в случае нападения Франции –

³⁴¹Вайнштейн, О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796). (По материалам Воронцовской библиотеки). Харьков, 1924. С. 48. ³⁴²«К повышению... достоин». Документы РГВИА о службе герцога А. Э. де Ришелье в русской

армии.//Исторический архив. – 2010. - № 6. С. 189.

³⁴³Lever, É. Op. cit. P. 235.

³⁴⁴Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С. 334.

³⁴⁵Там же. С. 349.

или Польши, что было определенным образом связано. Одновременно с этим подозрительным личностям перекрывался путь из папских владений: так, согласно донесению посла князя Голицына, папский нунций сообщил об отделении Авиньона от Папской области, по причине того, «что опасаются нападения от Гишпании» ³⁴⁶. Таким образом, австрийский император готовился сыграть на чувствах верующих католиков, подобно тому, как Екатерина апеллировала к польским диссидентам. Тем не менее, религиозная ситуация в Речи Посполитой имела немало общего с французской, как и связи шляхетских магнатов и их родственников – а позднее и тех из эмигрантов, которые получили конфискованные польские земли.

Союзы с Австрией и Пруссией³⁴⁷ делались при непосредственном участии графа Ивана Андреевича Остермана, тогдашнего вице-канцлера, и Аркадия Ивановича Моркова, имевшего в этом деле личный интерес. В частности, Морков был вознагражден тремя поместьями в Подолии, принадлежавшими Чарторыйским³⁴⁸. Братья Эстергази были не единственными французскими жителями польских территорий; граф Мари-Габриэль-Флоран-Огюст Шуазель-Гуфье получил небольшое поместье в Польше³⁴⁹, правда, уже при Павле I, что не помешало ему позднее вернуться во Францию.

Большинство остальных эмигрантов прибыли во время царствования Павла I, будучи не так искусны в придворных интригах екатерининского двора, как Ланжерон и Шуазель. Существовали и более экзотические случаи: один из них был связан с юной княжной Любомирской. Как писала Головина, «заря ее жизни прошла в тюрьме; она родилась во Франции и осталась там с матерью, которая была одной из жертв революционного варварства; она была лишена жизни после нескольких месяцев заключения»³⁵⁰. Розалия Ходкевич, родившаяся в 1768 году в Чернобыле, вышла замуж за князя Александра Любомирского, но их

³⁴⁶Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 14. Л. 39.

³⁴⁷Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 357.

³⁴⁸Чарторижский, А. Указ. соч. С. 67.

³⁴⁹Головина, В. Указ. соч. С. 96.

³⁵⁰Там же. С. 411.

брак оказался неудачным. Юная княгиня увлекалась искусствами, философией и... революцией – так, после разгрома польских повстанцев в 1792 году, она вместе с сенатором Мостовским, автором проекта польской конституции, уезжает в Париж. Там Розалия знакомится с принцем Фридрихом Зальм-Кирбургским, оказывается связанной с роялистской партией, поддержавшей Людовика XVIII. Обвиненная в связи со шпионами и эмигрантами, она была гильотинирована, оставив пятилетнюю дочь Александру³⁵¹. Пользуясь покровительством опального к тому времени Эро де Сешеля, Александру решили устроить в воспитательный дом, но князь Александр вовремя выручил дочь, привезя ее на родину. Это происшествие отвратило часть демократической польской шляхты от поклонения и копирования Великой французской революции. Позиция польских либералов в отношении возможности террора может быть описана словами Гуго Коллонтая в письме к Людвику Штрассеру: «Думается мне, можно было бы требовать того же, что и дворы, воюющему против Франции, ведь, если бы удалось то дело с французами, король Франции также сделал бы заявление, что действовал по принуждению. Но какова же разница между французами и поляками! У меня есть, правда, предчувствие, что ни Потоцкий не допустит всяких ужасов, ни Москва их не дозволит»³⁵². Следующая волна польских беженцев появится уже после разгрома Наполеона и гибели маршала Франции Юзефа Понятовского, к которым относился и бывший революционер-якобинец, люто ненавидимый патриотами генерал Юзеф Зайончек³⁵³.

Впрочем, к полякам отношение было гораздо более лояльным, поскольку, как считал Чарторыйский, «Екатерина следовала старым, традиционным представлениям о блеске польской аристократии» ³⁵⁴, но французы по многим показателям виделись ей опасными людьми. Особенно это проявилось в области дипломатической: если граф де Буатрон, преемник Сегюра на посту посла Французского королевства, пользовался признанием императрицы как

³⁵¹Blanc, O. La dernière lettre... P. 22-227.

³⁵² Listy Hugona Kollątaja, pisane w emigracyi w r. 1792, 1793 i 1794. Poznań, 1872. Str. 27.

³⁵³Кучерская, М. А. Константин Павлович. М., 2013. С. 132-133.

³⁵⁴ Чарторижский, А. Указ. соч. С. 83.

человек, не являющийся «якобинцем» и принадлежащий по рождению к старой знати, то Эдмон-Шарль Жене, его заменивший, не удостоился такого отношения. Как уже было упомянуто, после Вареннского кризиса произошла замена всех скомпрометировавших себя деятелей старого режима, избавившись в первую очередь от тех, кто содействовал (или мог содействовать) «секрету королевы», в том числе и от Осмонда. Хотя двор еще окончательно не сдал своих позиций, поскольку большинство жирондистов и примыкавших к фельянам лиц толковали о национальном единстве, которое будет разрушено при создании республики³⁵⁵, намекая на возможность войны с общеевропейской коалицией и неспособность нации вести ее без короля. После 17 июля, связанного с расстрелом демонстрации на Марсовом поле, исполненном генералом Лафайетом при поддержке мэра Парижа Байи, положение стало еще более критическим³⁵⁶. Укрепившиеся в союзе с монархией жирондисты, временно оттеснив фельянов, передали полномочия поверенного в делах давно уже служившему при французской миссии Жене. Жене, бывший братом старшей фрейлины Марии-Антуанетты Генриетты Кампан, «одной из немногих умных женщин» в ее окружении, а также двух других фрейлин, Аделаиды Огье и Жюли Руссо³⁵⁸, слыл республиканцем. За это прегрешение он и был отстранен от своего поста, поскольку императрица не хотела иметь с ним никакого дела. Впрочем, как отмечали Линда и Марша Фрей, «французским революционерам так и не удалось разрешить эту проблему» 359 ни в одной европейской стране, где существовали их миссии: Мангури, представитель в Испании, будущий маршал Бернадотт в Вене были отозваны со своих постов по требованию недовольных их поведением монархов. Так же недолго продержался будущий исследователь и путешественник Бартелеми де Лессепс, будучи отозван по причине разрыва отношений с Россией.

³⁵⁵Ozouf, M. Op. cit. P. 307-308.

³⁵⁶ Ibid. P. 357-362.

³⁵⁷Фрэзер, А. Указ. соч. С. 175.

³⁵⁸Там же. С. 176.

³⁵⁹Frey, L. S., Frey M. L. The French Revolution. Westport, 2004. P. 49.

Французам, проживающим в России, особым законом от 8 февраля 1793 года было объявлено «о прекращении сообщения с Франциею, по случаю произшедшаго в оной возмущения и умерщвления Короля Людовика XVI» 360 и о высылке всех французов, которые не примут присягу в том, что они отказываются от идей революции и являются монархистами. При этом императрица упоминала о «700 извергах», которые подписались под смертным приговором королю и «безбожии»³⁶¹, которые вынуждают прекратить всякое общение между двумя странами. При этом русским подданным приказывалось немедленно выехать из Франции. Французы, желающие остаться в России, должны были принять присягу сведения об именах принявших королю; присягу обязательной публикации в газетах³⁶². Те из эмигрантов, которые пожелали бы прибыть в Россию на постоянное место жительство, должны были заручиться свидетельством «обоих братьев покойнаго Короля, письменным Прованскаго и Графа д'Артоа, також Принца Конде и по предварительном чрез ближайших Наших к ним Министров испрошении дозволения Нашего»³⁶³. Таким образом, во-первых, все приезжие французы должны были оказаться роялистами, к тому же связанными с принцами-изгнанниками, то есть принадлежать к высшей аристократии или крупной буржуазии, и, во-вторых, с включением пункта об упразднении русского консульства во Франции, Россия должна была стать вторым пунктом их пребывания – и при том, как сказано в законе, иностранцы должны были вступить в службу Российской империи или приехать туда в художников ремесленников. Таким качестве или образом, количество приехавших французов должно было быть незначительным и социально однородным.

Несмотря на строгий приказ, составленный в самых искусных выражениях уважения к религии и законности, периодически возникали случаи нарушения воли самодержицы. Так, например, существовала вполне легальная и

³⁶⁰Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С. 402.

³⁶¹Там же.

³⁶²Там же С 403

³⁶³Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С. 404.

довольно безопасная возможность приехать в Россию. Согласно указу от 26 апреля 1794 года, данного генерал-губернатору Белоруссии Петру Богдановичу Пассеку: «Французов Репон, Мазот, Ронделе и Адора, хотя бы из них кто либо и Швейцаром именовался, прикажите до будущаго впредь повеления Нашего в границы Наши не впускать»³⁶⁴. Учитывая, что национальные и территориальные границы часто были размыты вплоть до второй четверти XIX века, что позволило многим швейцарцам поучаствовать как в революции, так и в парламентской жизни Франции той поры (включая Жан-Поля Марата и Бенжамена Констана, хотя время от времени их попрекали «чужестранным происхождением») 365. Кроме того, русские подданные и не стремились выезжать за пределы Франции. Так, Павел Александрович Строганов, «русский якобинец», действительно состоявший в клубе по рекомендации своего воспитателя и видного деятеля революции Жильбера Ромма, вернулся в Россию только в 1793 году³⁶⁶, для заключения брака с княжной Софьей Владимировной Голицыной. Что не менее удивительно, грозный закон в этом случае применен не был.

В последние годы своей жизни императрица была обеспокоена двумя важными и не требующими отлагательства проблемами: одной из них была передача престола в руки ее внука великого князя Александра Павловича, а другой – участие в антифранцузских коалициях. Согласно Чарторыйскому, после успешных браков двух старших внуков «победы Бонапарта в Италии и поступки молодого шведского короля скоро должны были наполнить горестью последний год ее жизни»³⁶⁷. Да и брак юной великой княжны Александры и короля Густава IV Адольфа должен был скрепить союзническими узами два государства, которые намеревались вступить в антифранцузскую коалицию. Однако двум этим планам не суждено было сбыться, несмотря на тщательную подготовку: апоплексический удар, случившийся 6 ноября 1796 года, поставил точку в жизни императрицы. Новый виток в судьбе французских эмигрантов пришелся на царствование Павла

³⁶⁴Там же. С. 511.

³⁶⁵Констан, Б. Дневник и письма к г-же Рекамье.//Констан, Б. Проза о любви. М., 2006. С. 235.

³⁶⁶Кузнецов, С. О. Указ. соч. С. 417-418.

³⁶⁷ Чарторижский, А. Указ. соч. С. 77.

I, совпав по времени с началом завоевательных походов Французской республики. Собственно, время породило законченную именно ЭТО как концепцию России. легитимизма, политические теории самой так И новые Подготовительный период, характеризующийся СМУТНЫМИ ожиданиями эмигрантского реванша и восстановления законности, был завершен.

Франция и Россия вступали в век становления новых идеологических систем и первых планов установления монополярного мира. Отныне мечты просветителей приобретали практический характер, а идеологические основы того, что будет потом названо «Старый порядок» пытались очертить сторонники монархически-аристократической формы правления. Особую остроту конфликт получил в Новом Свете, который так и не был успешно поделен между Францией и Англией, а также на территории Российской империи, продолжавшей быть географическим «ключом» колониальной мощи Великобритании. К Неоднородность российской внешней политики, пытавшейся создать систему союзных отношений с Англией и Австрией, незадолго до «Очаковского кризиса» 1791 года 368 наметившаяся линия сближения с Францией и, наконец, смена правящих лиц и идеологических ориентиров делали ситуацию еще более сложной и непредсказуемой. Россия как временное убежище сознательно избиралась теми из эмигрантов, кто не готов был примкнуть ни к лагерю крайних роялистов во главе с графом д'Артуа, ни к отчаянно выжидавшим своего дня с оружием в руках европейским изгнанникам, оседавшим на территориях Священной Римской империи и германских государств. С одной стороны, это были спокойные и умеренные люди, не желавшие окончательно рвать связь с Францией, желавшие блистать при дворе и в петербургском свете или устроиться на выгодную службу. С другой стороны, с приходом к власти Наполеона именно их кажущаяся умеренность сделало противостояние английских и французских интересов еще сложнее и запутаннее.

³⁶⁸Захарова, О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность С. Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений. М., 2013. С. 77-98.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПАВЕЛ І И КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГИТИМИЗМА

2. 1. Россия и Бурбоны. Создание «двора в изгнании» Людовика XVIII

Императрица Всероссийская Екатерина II скончалась в девять часов кадкон 1796 вечера 6 года, оплакиваемая своими придворными государственными сановниками. На престол, согласно общему мнению, должен был взойти ни кто иной, как ее внук великий князь Александр Павлович, который незадолго до этого обвенчался с баденской принцессой Луизой, нареченной в крещении Елизаветой Петровной (как говорила императрица, «сперва его обвенчаю, потом увенчаю»)³⁶⁹. Таким образом, внук самодержицы был уже совершеннолетним и пользовался поддержкой двора, в частности, всесильного фаворита Платона Зубова и его брата 370371, которым это не помешало позднее послать гонца к великому князю Павлу Петровичу в Гатчину с известием о смерти благодетельницы. Поведение Зубовых не встретило удивления или осуждения со стороны петербургского общества: все-таки они являлись временщиками³⁷², пришедшими к фавору только в 1791 году, а вот образ мыслей французской эмиграции породил немало домыслов. Помимо Ришелье и Шуазель-Гуфье с графом Ланжероном, на территории Российской империи обитали Полиньяки, «милостью графов Потоцких, обосновавшиеся в доме около Тульчинского замка»³⁷³, маркиз де Ламбер со своими тремястами душ около Нарвы, Клермон-Тоннер и Шуазель-Дайянкур, родственник вышеупомянутого Шуазель-Гуфье. Правда, последний из них не пользовался никаким влиянием, ибо приехал в Россию уже тяжелобольным 374 и скончался в 1796 году. Из французов, ставших офицерами русской армии, можно назвать Кенсона, участвовавшего в

³⁶⁹Кучерская, М. А. Указ. соч. С. 44.

³⁷⁰ Чарторижский, А. Указ. соч. С. 177.

³⁷¹См. Приложение 1, статья «Зубов».

³⁷²Воспоминания генерала Н. А. Саблукова.//Боханов, А. Н. Павел І. М., 2010. С. 384.

³⁷³Prigaud, L. Op. cit. P. 191.

³⁷⁴Ibid. P. 191-192.

штурме Варшавы 4 ноября 1794 года, и члена семьи де Брой, Виктора-Франсуа, бывшего маршала Франции³⁷⁵, но он прибыл незадолго до смерти Екатерины. Мы уже упоминали графа Роже де Дама и «Катиньку» де Бюэль, через которых самодержица поддерживала связь с Гриммом по осуществлению своего Вареннского проекта.

Однако милость императрицы отличалась гораздо большей избирательностью, чем можно было бы предположить: так, она отвергла услуги маркиза де Буйе и его сыновей, которым не удалось спасти короля, не принимала она и просвещенных дворянских публицистов, вроде Сенака де Мейяна³⁷⁶, продолжавшего существовать за счет пенсии, присылаемой из Гамбурга. Были и такие эмигранты, которым пребывание в России не сулило ничего хорошего. Варвара Головина вспоминала следующее: «Появился новый придворный <в 1795 году – Н. Я.>: шевалье де Сакс, незаконный сын принца Ксавье, дяди Саксонского короля. Императрица приняла его очень хорошо, но его пребывание в столице окончилось печально. Один англичанин по имени Макартней научил его нанести оскорбление князю Щербатову по выходе со спектакля. Он оскорбил его так, что не могло возникнуть никаких сомнений в том, что шевалье де Сакс был не прав, и поэтому был отослан. Князь Щербатов вследствие этого не мог получить удовлетворения, которого требовала его честь; он разыскал его в Германии, вызвал на дуэль и убил. Путешествуя во Франции, я встретила его сестру, Эсклиньяк... После герцогиню смерти шевалье Сакс де она питала непримиримую ненависть к русским»³⁷⁷.

Что особенно странно, никаких санкций против князя Николая Григорьевича Щербатова предпринято не было. Возможно, причиной этого снисхождения был повод к дуэли, рассказанный генералом Николаем Осиповичем Котлубицким со слов А. И. Ханенко: «В последнее время царствования императрицы Екатерины, приезжал из Германии какой-то князь очень красивой

³⁷⁵Ibid. P. 193.

³⁷⁶Prigaud, L. Op. cit. P. 200.

³⁷⁷Головина, В. Указ. соч. С. 85.

наружности... и помещен был во дворце. Цель его приезда была обратить на себя благосклонное внимание императрицы. К нему определен был для показания Петербурга чиновник Министерства Иностранных Дел. Сам ли кн. Зубов или из угождения к нему другие успели искусною интригою повредить приезжему князю; не смотря на то, он по видимому начинал нравиться императрице. В то время в Измайловском полку служил князь Щербатов, молодой человек пылкаго нрава, иногда предававшийся увлечениям и шалостям своих лет. В театре, в первых рядах кресел, сидел Немецкий князь с приставленным к нему чиновником. Рядом с надменным гостем занимает место упомянутый князь Щербатов, в кафтане, с модною тогда суховатою палкою. <...> В антракте Щербатов спросил по французски своего соседа: Как вам нравятся, князь, наши Русские актеры? Но не получив ответа, повторил свой вопрос по немецки. Вместо ответа гордый иностранец, обратившись к своему приставу, сказал ему: «Как дерзки у вас молодые люди! Они так смело навязываются со своими разговорами». – Ах ты, Немецкая свинья. Я сам Русский князь, закричал вспыльчивый Щербатов, и ударил своею палкою по лицу надменнаго Немца»³⁷⁸.

Впрочем, во времена Александра I империю покинуло много французов, обосновавшихся еще при Екатерине II, если они не успели сделать этого после удаления графа Прованского из Митавы: например, Роже де Дама³⁷⁹. Этим и проявилась разница между французами-монархистами (как легитимистами, верными Бурбонам, так и теми, кто желал служить Наполеону) и обрусевшими офицерами и чиновниками на русской службе.

Павел I был искренним сторонником монархической идеи: он никогда не задумывался ни о «просвещенном абсолютизме» в духе его матери, ни о республиканской риторике, принятой на вооружение его старшим сыном. Согласно Саблукову, вкусы императора можно охарактеризовать как «высокоаристократические» 380, которые якобы привило ему пребывание при

³⁷⁸Рассказы генерала Кутлубицкаго о временах Павла I [Излож. А. И. Ханенко]// Русский архив, 1912. – Кн. 2. – Вып. 8. С. 518-519

³⁷⁹Булгаковы, братья. Письма. М., 2010. Т. І. Письма 1802-1820 гг. С. 65.

³⁸⁰Ивченко, Л. Л. Кутузов. М., 2012. С. 188.

венском и берлинском дворах, но еще более, судя по всему, характер императора Павла проявил себя во время пребывания во Франции. Екатерина провозгласила основной целью поездки великих князя и княгини развлечение и ознакомление с памятниками культуры и искусства. Как писала она Гримму, «проследуем же теперь за графом и графиней Северными по Риму и позавидуем им: архитектура, живопись и римские развалины, мастерские, покупки, фейерверки и т. д.»³⁸¹. Однако от внимания императрицы не ускользало ничего: ни долгое пребывание наследника в Вене³⁸², ни желание посетить Берлин³⁸³. Особое волнение вызвало пребывание Павла в Париже, которое прошло на редкость успешно. Как доверительно сообщал сам Павел матери в письме от 10/21 мая 1782 года, «король провел меня в свой кабинет в очень дружелюбной манере, хоть он и несколько неуклюж фигурой. <...> Мне понравилась вся королевская семья, в особенности королева, а также граф Артуа, единственный из всего семейства имеет вид кроткий и говорит рассудительно, без малейшей примеси развязности» 384. В отличие от короля, графу Артуа удалось обсудить с наследником текущие политические проблемы, в том числе и те, которые были связаны с Испанией. Павел честно признается Екатерине: «Прошу Вас извинить меня, матушка, если я сегодня наскучил Вам своей болтовне, обвиняйте, если хотите, тот мотив, который был сообщен мне Вами и которым я руководствовался» 385. Кроме того, обращает на себя внимание то, что Павел, подробно упомянув имена королевской свиты (да и своей собственной, состоявшей как из его личных друзей, так и из дипломатического корпуса), постоянно упоминает имя неких «русских дам», с которыми великокняжеская чета вращается в обществе короля и его придворных. «Русские дамы» мелькают повсюду; так, ИХ приглашают устраиваемый в Шантийи, «дабы избежать сложностей этикета» (наследник сообщает, что он не помнит ни их имен, ни физиономий, а потому «матушка»

³⁸¹Сборник Императорского русского исторического общества. Т. XXIII. С. 241.

³⁸²Боханов, А. Н. Указ. соч. С. 116-117.

³⁸³Роундинг, В. Указ. соч. С. 488.

³⁸⁴РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 226. Л. 11.

³⁸⁵Там же. Л. 12.

может не интересоваться подробностями: память у него плохая) 386 . Довольно странная подробность: для того, чтобы попасть в королевскую резиденцию, не следовало даже представляться королю 387 , а представиться царствующей фамилии могли далеко не все: как говорили в начале XIX века, лишь «выдающиеся иностранцы» 388 .

Впрочем, неизвестно, произвела ли великокняжеская чета впечатление на самих Бурбонов. Важно отметить, что Иосиф II, брат Марии-Антуанетты, сыграл важную роль в теплом приеме «графа и графини дю Норд», на чье содействие он рассчитывал³⁸⁹. Для самой королевской четы время поиска союзников еще не наступило, хотя это и не помешало великому князю внимательно присмотреться к придворному окружению как Франции, так и других посещенных им стран. Тогда же он побывал при сардинском дворе и в Риме, где впервые лично завязал контакты с мальтийским рыцарством. Покровительство Мальте было вызвано как личными пристрастиями императора, так и желанием закрепиться на берегах Средиземного моря, хотя эту идею вскоре пришлось оставить как ввиду ее невозможности, так и из-за начавшегося сближения с Францией. Хотя первый консул Наполеон Бонапарт восстановил свои отношения с папским престолом и обещал вернуть Мальту рыцарям 390, этого так и не случилось за все время его правления. Возможно даже, что моральная польза, которую Павел I извлекал из своего мальтийского «проекта» имела для него большую важность, чем эфемерная практическая значимость владений островом. Начав с поддержки роялистов и изгнанных Бурбонов, российский самодержец вскоре разочаровался Бурбонах и попытался создать собственную идеологическую систему, основанную на дисциплине, рыцарском духе и идее универсальной христианской церкви. В этом ему должны были помочь иоанниты.

³⁸⁶Там же. Л. 11.

³⁸⁷Фрэзер, А. Указ. соч. С. 107-109.

³⁸⁸Булгаковы, братья. Указ. соч. С. 38.

³⁸⁹Фрэзер, А. Указ. соч. С. 255-257.

³⁹⁰Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2012. С. 118-119.

Согласно Яну Потоцкому, бывшему командиру мальтийских галер в «допавловскую» эпоху, «это был цвет европейской молодежи. Тогда во Франции как раз начали давать войску форменные мундиры, что дотоле не было в обычае... Мы носили пурпурный кафтан, черные латы с мальтийским крестом на груди, брыжи и испанскую шляпу. Этот необыкновенно красивый наряд был нам очень к лицу. Куда мы только ни прибывали, женщины словно прилипали к окнам, дуэньи же бегали с любовными записочками, которые нередко по ошибке отдавали кому-нибудь другому»³⁹¹. Даже если принять во внимание, что указанный отрывок вложен автором в уста его героя, испанца по национальности, нельзя проигнорировать и то, что уже в то время рыцарская эскадра не только не занималась делами католической церкви, но даже не смогла бы защитить саму себя: «Мы крейсировали по морю четыре месяца подряд, не нанеся особого урона берберийским корсарам, которые на легких своих суденышках шутя ускользали от нас»³⁹².

Ко всему прочему следует добавить и то, что сближение Павла I с папой Пием VI (Джованни Анджело граф Браски, 1775-1799), а позднее и с его преемником Пием VII (Барнаба граф Кьярамонти, 1800-1823) произошло не в последнюю очередь из-за потеплевшего отношения Рима к православию. Папы поддержали присоединение части польских территорий к России, что не могло не улучшить их взаимоотношений с Российской империей. Хотя орден иезуитов считался распущенным и более не существовавшим, в России он до сих пор имел приходы и учебные заведения; неофициально же иезуит патер Грубер служил в качестве посредника между Римом и Петербургом³⁹³. Мальтийские рыцари, возможно, также имели значение неформального канала связи между Павлом I и католического духовенства И консервативного дворянства. He частью ограничиваясь ролью «защитников веры» и «галантных кавалеров», иоанниты имели и другие источники влияния, заставляющие вспомнить их бывших

20

³⁹¹Потоцкий, Я. Рукопись, найденная в Сарагосе. СПб., 2011. С. 589.

³⁹²Там же. С. 588.

³⁹³Боханов, А. Н. Указ. соч. С. 121.

соперников-тамплиеров. В частности, сам гроссмейстер ордена Пинто да Фонсека был покровителем алхимика, масона и авантюриста Калиостро, а возможно, даже внушил ему идею «египетского масонства»³⁹⁴. Жозеф де Местр также являлся масоном и истовым католиком, притом не скрывая своей принадлежности к «вольным каменщикам». Поэтому вывод о том, что Павел I не мог быть масоном из-за своих консервативных убеждений или же прекратил свою деятельность как великого магистра из-за политических и религиозных убеждений, может считаться несостоятельным. Его репутацию как консерватора и защитника монархической идеи поколебало только одно важное обстоятельство: союз с Наполеоном и изгнание Бурбонов. И не в последнюю очередь жизнь французской эмиграции и падение ее политического влияния на отношения с наполеоновской Францией были вызваны противодействием роялистов новой идеологической программе царствования Павла I.

Как уже упоминалось, бегство графа Прованского и отъезд графа Артуа с семьями удались безо всяких осложнений, чего не скажешь о семье их старшего брата. Их с почетом приняла старшая сестра королевы, эрцгерцогиня Мария-Кристина, наместница Нидерландов, в столице своей провинции – Брюсселе. Однако, как отмечает Эвелин Леве, «ее учтивость не могла скрыть некоторой холодности. Она предоставила к услугам принцев целый павильон, она разрешила им посещать свои апартаменты, но при этом она следила за соблюдением дистанции между ней и ее гостями, что не могло ускользнуть от принцев»³⁹⁵. В семье Габсбургов эрцгерцогиня пользовалась особым положением, что вытекало из семейной истории. Будучи любимой дочерью Марии-Терезии, «Мими <так звали в семье Марию-Кристину> удалось добиться того, что крайне редко случается при браках принцесс – брака по любви. <...> Поскольку Альберт <принц Саксонский> был небогат, Мария Терезия решила исправить положение. За Марию Кристину дали богатое приданое, а Альберт получил герцогство Тешенское, которое для него приобрела Мария Терезия. Паре пообещали

³⁹⁴Морозова, Е. В. Калиостро. М., 2011. С. 37-41.

³⁹⁵Lever, É. Op. cit. P. 162.

пересмотреть управление австрийскими Нидерландами после смерти Карла Лотарингского, родственника Марии Терезии по мужу. А пока Альберт стал губернатором Прессбурга в Венгрии и получил большой замок на Дунае» 396. В 1780 году Мария-Кристина стала правительницей Нидерландов, и, хотя у нее не было детей, за исключением дочери, умершей сразу после рождения, она попрежнему оставалась в фаворе у матери. Хотя отношения двух сестер эрцгерцогини и королевы Франции – были сложными и полными разногласий, но двое принцев слишком явно показывали свою радость от независимого положения единственных оказавшихся на свободе Бурбонов. С ними было решено расстаться: Прованский и Артуа избрали путь в Кобленц, по дороге заехав в Экс-ан-Прованс к своему другу королю Густаву III Шведскому. Этот монарх, «суверен с героическим воображением... и полным отсутствием желания соизмеряться с реальностью, выдумывал одну химеру за другой»³⁹⁷, что отлично знала воевавшая со Швецией в 1788-1790 годах Екатерина II, высмеявшая воинственного Густава в комедии «Сказ о горе-богатыре Косометовиче». К несчастью, ни шведский монарх, ни курфюрст Саксонский не смогли помочь претенденту и его брату: первый – из-за своего убийства в 1792 году, второй – изза шокирующей «распущенности» французского двора в изгнании, при котором властвовали фаворитки обоих принцев графиня Бальби и мадам Поластрон, родственница Иоланды де Полиньяк 398. Родственники, в числе которых главным был Леопольд II Австрийский, также не спешили предоставлять «отрасли дома Бурбонов» более комфортное проживание в своих государствах, хотя к принцам постоянно присоединялись новые сотрудники, в том числе злосчастный шевалье де Сакс и лучший консервативный публицист того времени Малле дю Пан. Позднее, с некоторыми сбережениями и офицерами армии Конде, принцы обосновались в Сардинии, откуда им также пришлось бежать из-за успехов республиканских сил³⁹⁹. Какое-то время роялистам удалось даже создать некое

³⁹⁶Фрэзер, А. Указ. соч. С. 51.

³⁹⁷Lever, É. Op. cit. P. 165.

³⁹⁸Ibid. P. 169-170.

³⁹⁹Ibid. P. 217.

государственное образование в Бланкенберге, что, однако, явилось не результатом их личных усилий, а измены и подкупа.

Как писал в своих «Очерках» Полиньяк: «Мы с горечью видим доблестную армию, возглавляемую тремя Конде, малых числом, но великих делами, разочаровавшимися в своих идеалах и пытавшимися безуспешно отстоять свою политическую идею. Братья их короля не посчитали нужным взять на себя честь борьбы за его жизнь, а потому кровь солдат проливалась за их частные политические интересы, в остальном же они оставались пассивными и безучастными жертвами своей судьбы, когда они, израненные и взятые в плен, расстреливались республиканскими армиями под именем перебежчиков» 400. Многие же из высокопоставленных перебежчиков оказали значительные услуги принцам, хотя и сейчас можно сомневаться в их искреннем монархизме. По поводу Бурбонов газета «Монитёр» изощрялась в остроумии: «Германия. Из Вены. Принцы, которые более чем обожают философию, и даже привечают идеи, которые хоть сколько-нибудь отдают философией, должны бы счесть за лучшее вернуться обратно, принимая во внимания прогресс просвещения во Франции за последнее время. Теперь же принцы должны принять во внимание, что их главные враги – это священники; они, вероятно, уже почувствовали, что для их же блага им надо воспротивиться или даже восстать против этой клики, которая постоянно пытается ограничить их могущество. Но вместо этого они неожиданно предпочли состоять под надзором священников, которых они теперь признают своими сообщниками. Леопольд II полностью пересмотрел все сделанное Иосифом II, он ретроград. Нет больше речи об упразднении монастырей; некоторые из них даже восстановлены, среди них кармелитское аббатство в Праге. Отныне всем капитулам и нескольким обителям разрешено принимать послушников. Свобода печати более не существует в том виде, в каком ее знали во времена Иосифа II. Этот император упразднил Терезианум, образовательное учреждение для знати, а Леопольд его восстановил, при этом отбросив все

⁴⁰⁰Polignac, J.-A.-A. Op. cit. P. 99-100.

преимущества аристократии. Теперь он провозгласил, что отныне туда могут принимать простолюдинов» ⁴⁰¹. По иронии судьбы, предсказание неизвестного журналиста оказалось правдивым: от неминуемого плена и гибели их спас именно революционный генерал-простолюдин, вошедший в соглашение с Леопольдом II, сумевшим отказать в поддержке даже родной сестре ⁴⁰².

После измены Дюмурье в 1793 году французская республиканская армия потеряла другого видного военачальника, предводителя Северной армии Жан-Шарля Пишегрю, известного как «настоящий республиканец» 403. Возможно, что Пишегрю и был республиканцем, ведь его измена относится уже к тому времени, когда Робеспьер и его сторонники были казнены, уступив место деятелям Термидора. При капитуляции Венеции в 1797 году был захвачен в плен граф д'Антрег с бумагами, свидетельствовавшими об измене Пишегрю, вступившему в связь с партией принцев; ранее, весной того же года, армией Моро были найдены подобные же документы в австрийском обозе. Они проливают свет на контакты графа Прованского, который не только поддерживал связь со «старыми знакомыми» вроде Квентина Кроуфорда, друга и соперника в любви графа Ферзена к Элеоноре Салливан 404, но и оставался на незанятой французскими войсками территории 405.

Однако графу Прованскому оставаться и дальше в Бланкенберге не представлялось возможным как вследствие неудачи заговора в Париже и высадки роялистов на Кибероне, так и из-за успехов внешней политики Наполеона Бонапарта, подписавшего мир в Кампо-Формио 18 октября 1797 года, что делало пребывание главы заговорщиков на австрийской территории нежелательным и даже опасным. Родственник Российского императорского дома, Гогенцоллернов и Ганноверской династии герцог Карл Вильгельм Фердинанд Брауншвейгский вынужден был сообщить столь печальную новость людям, за которых он

⁴⁰¹Gazette nationale, ou le Moniteur universel. № 2. Lundi 2 janvier 1792. Troisième Année de la Liberté. P. 1.

⁴⁰²Фрэзер, А. Указ. соч. С. 417.

⁴⁰³Зотов, А. В. Главный соперник Наполеона. Великий генерал Моро. М., 2012. С. 37.

⁴⁰⁴Фрэзер, А. Указ. соч. С. 402.

⁴⁰⁵3отов, А. В. Указ. соч. С. 47-52.

совершенно искренне собирался воевать вплоть до полного истребления Парижа⁴⁰⁶. Очевидцы вспоминают явное нежелание претендента ехать в Курляндию: «Господин де Гильерми был в числе тех людей, которые составляли малый двор Людовика XVIII; недружелюбный к одним, равнодушный к другим, находившийся в хороших отношениях лишь с немногими, можно сказать, только с одним лишь графом д'Аваре, несмотря на постоянные и оживленные с ним споры (чему служил причиной средиземноморский характер), во время отъезда в Митаву он предпочитал держаться в стороне. Потому для него и не нашлось ничего лучше, кроме как пуститься по ледяным дорогам Курляндии, которая находилась в пятидесяти днях пути от всего цивилизованного мира... Пребывая в Кенигсберге, он вновь соединился с Людовиком XVIII, и некоторое время оставался в его резиденции. Он желал показать себя в изменившихся обстоятельствах, сделаться заметной фигурой среди прочих придворных, так что ему удалось вернуть былое влияние, пока Его Величество находился в этом городе... Он говорил о себе: «Мои надежды на лучшее крайне слабы: если мне когда и предстоит вернуться, то лишь тогда, когда общественное мнение само пожелает этого; но, насколько я полагаю, до этого еще очень далеко» 407. Кроме того, граф Артуа пожелал поселиться в Великобритании, пользуясь гораздо большей популярностью, чем его старший брат по причине своей энергии в деле поддержки Вандеи, будучи более здоровым физически в отличие от графа Прованского, страдавшего от варикозного расширения вен. Мария-Жозефина также отказалась последовать за супругом, но все же вынуждена была подчиниться требованиям этикета, будучи формально королевой Франции 408. Собственных наследников у графа Прованского не было, в отличие от младшего брата, отца двоих выживших к тому времени детей. Граф Артуа проявил практическую смекалку в том числе и в финансовых вопросах, распределяя полученные авансом от Екатерины II деньги: их не настолько не хватало, что

⁴⁰⁶Lever, É. Op. cit. P. 235.

⁴⁰⁷Papiers d'un émigré 1789-1829. Lettres et notes extradites du portefeuille du baron de Guilhermy. Paris, 1886. P. 78-79. ⁴⁰⁸Lever, É. Op. cit. P. 244-246.

командующий десантом на Кибероне барон д'Овиль вынужден был покинуть свою армию под предлогом нехватки средств⁴⁰⁹. Курляндия и в частности бывший герцогский дворец были выбраны Павлом I не только потому, что, согласно официальной версии, особе королевской крови было бы предпочтительнее жить и держать двор именно в специально предназначенном для этого месте (здесь можно вспомнить жизнь изгнанного короля Польши «по версии Франции» Станислава Лещинского в Лотарингии, которую его зять Людовик XV выменял у герцога Франца Стефана, будущего Франца I Австрийского, в 1737 году). Помимо этого, Курляндия как место жительства смогла бы обеспечить ее высокородным жителям сравнительную независимость, безопасность (близость к владениям дружественного претенденту шведского короля Густава III также играла свою роль), и... отсутствие Бурбонов и их приближенных при дворе Павла I. К несчастью для графа Прованского, ему скоро предоставился случай убедиться в этом.

Жизнь двора в Курляндии не представляла особенного блеска и разнообразия, хотя Людовик XVIII старался держаться установленного в Версале протокола, включая в том числе и совещания с «министрами», которые управляли ни чем иным, как внутренними делами небольшой городской усадьбы принца и связью с французскими роялистами 410. Относительно своей жизни в Митаве принц был не лучшего мнения, ибо, подобно многим своим соратникам, он надеялся быть принятым в Петербурге. Так, 22 января 1801 года генералгубернатор Курляндии Николай Иванович Арсеньев докладывал правительству, что в Митаву «прибывает множество французов... непонятного занятия, не относящихся непосредственно К Королевской гвардии, которой Ваше Императорское Величество изволили разрешить пребывание на территории империи; поскольку при этих лицах не было обнаружено паспорта на русском языке, я счел за лучшее препоручить их непосредственно королевской свите, и Гвардия <Gardes du Corps – имеется в виду непосредственно гвардия Людовика

 ⁴⁰⁹ Vitrolles, Baron de. Souvenirs autobiographiques d'un émigré. Paris, M.CM.XXIV P. 66-67.
 410 Lever, É. Op. cit. P. 248-249.

XVIII – Н. Я. > меня уверила в том, что каждый из них будет препровожден в Поланген, что на большой дороге в Митаву, где каждую персону подвергнут рассмотрению королевского и частного правосудия, для того, чтобы определить судьбу каждого из них» 411 . Впрочем, в безопасности для Митавы и ее окрестностей такого количества беспаспортных французов ни король, ни маркиз де Жокур, который имел честь быть капитаном гвардии и заместителем военного министра маршала де Кастра, нимало не сомневались. Часть французов было решено поместить в гвардию, а остальных употребить для нужд придворной службы⁴¹². Согласно рапорту, всего французских дворян насчитывалось 106 человек, из коих два состояли в чине генерала, и два – генерал-майора⁴¹³. 14 января 1801 года граф Пален, генерал-губернатор Курляндии, объявил о том, что « поскольку остановившемуся в Митаве со своей свитой королю Франции отныне не велено предоставлять в сем городе никакого убежища, то магистрат Митавы вынужден повиноваться приказам и посему, согласно команде, обеспечить выполнение Высочайшей воли, препроводить короля из города на сколь более отдаленное расстояние...» ⁴¹⁴. Таким образом, состав королевского двора на момент окончания первого пребывания Людовика XVIII в Митаве состоял в общей сложности из 106 человек, большинство из которых не представляло интереса в военном и государственном плане (если учесть, к тому же, что маркиз де Жокур был серьезно болен, также, как и маршал де Кастр)⁴¹⁵, а некоторые из ранее приехавших с претендентом лиц были удалены от двора (в том числе мадам де Гурбийон), некоторые состояли в должности «послов» Людовика XVIII к иностранным державам (граф де Сен-При), некоторые умерли на своей службе (барон де Флашланден), то картина представляется гораздо более сложной. Если Людовик XVIII не имел какого-либо значения в военной сфере, то, несомненно, он имел определенный вес в сфере идеологии.

⁴¹¹Latvijas Valsts vestures arhivs (LVVA). 412 f., 2 apr., 28. 1., 2 lp.

⁴¹² Ibid.

⁴¹³LVVA, 412 f., 2 apr., 28. 1 l., 3 lp.

⁴¹⁴LVVA, 412 f., 2 apr., 28. 1 l., 16.lp.

⁴¹⁵Lever, É. Op. cit. P. 238.

Начать следует хотя бы с того, что в Митаве претендент не пользовался титулом графа де л'Иль (comte de l'Īle), прозрачно намекавшим на его происхождение (владетеля Иль-де-Франса по салическому закону), который большинство русских чиновников писали как «граф Лилльский». Первым, кто предложил изгнанному королю официально именоваться подобным образом, был посол Королевства Обеих Сицилий герцог Серра-Каприола (хотя впервые титул встречается в подорожной претендента во время поездки в Варшаву – как временная мера), также представлявший интересы родственника своего суверена, коему Людовик XVIII приходился дальним кузеном 416. Контакты Людовика XVIII императорским двором и родственниками в Испании и Италии не прекращались, и шли в основном по линии Бурбонов; при многих дворах он имел представителей, среди которых были упомянутые Серра-Каприола, Эстергази, Сен-При, а также виконт де Караман (с декабря 1800 года); позднее к ним присоединились граф Клод-Луи де Ла Шатр и интриган с неясными политическими убеждениями граф д'Антрэг, Луи Александр Лоне, родственник коменданта Бастилии, а также Жан Габриэль Морис Рок де Монгайяр, позже ставшие агентами на службе Наполеона. Как сообщалось в анонимном памфлете той поры, «нет таких известных писателей, которые были бы людьми с честью и принципами; ваш <граф д'Антрэг был известен как публицист и переводчик Полибия – Н. Я. > пример это доказывает» 417 . Правда, Монгайяр был более роялистом, так же, как и менее аристократом (титулом «графа де Монгайяра» семья провинциальных дворян Рок не владела, хотя сам шпион неоднократно упоминал о родстве домом де Фуа)⁴¹⁸. Именно из этих источников – важных, но ненадежных – Людовик XVIII узнал о поражении заговора Пишегрю 419 , а также о смерти «Луи Капета», номинального короля

⁴¹⁶Ibid. P. 272-273.

⁴¹⁷Un plebeian, a M. le Comte d'Antraigues, sur son apostasie, sur le schism de la Noblesse, & sur son arrété inconstitutionel, du 28 mai 1789. [s. l.], 1789. P. 1.

⁴¹⁸Mémoires secrets, de J.-G.-M. de Montgaillard, pendant les années de son émigration, contenant de nouvelles informations sur le caractére des Princes français, et sur les intrigues des Agen[t]s de l'Angleterre. A Paris, an XII. P. 6. ⁴¹⁹Crowdy, T. The Enemy Within: A History of Spies, Spymasters and Espionage. Oxford, 2011. P. 116-118.

Франции Людовика XVII⁴²⁰. Согласно Фош-Борелю, ближайшему сподвижнику Пишегрю, Монгайяр был также ответственен за передачу сведений, касающихся австрийской армии, Наполеону Бонапарту накануне битвы при Риволи 421. Кроме того, согласно последним сведениям, он даже был нанят Робеспьером для улаживания дел по поводу предполагавшегося союза Австрии и Англии перед термидорианским переворотом 422! Как бы то ни было, после Термидора роялисты пользовались немалой популярностью в самом Париже. Кроме так называемой молодежи» «золотой или «мюскаденов», отпрысков новой разбогатевшей на скупках эмигрантских земель, существовала категория рабочих, преданных монархическим идеям. В монографии Е. В. Тарле «Жерминаль и прериаль» упоминается речь Луи Жюллиана, посвященная некоей заключенной Карле-Мигелли, «явно не вполне нормальной», «неуравновешенной женщины», с помощью которой депутат и мюскаден собирался подточить позиции роялистов в Париже и окрестностях, создав всеобщую панику⁴²³. Но, во-первых, подобная эксцентричность (безграмотные патетические записки, множество ложной информации и так далее) была свойственна самой революционной эпохе, а вовторых, угроза «справа», как признается сам академик Тарле, была значительно более опасной, чем возврат к якобинским настроениям или агитации «бешеных».

Другое дело – священство, создающее благоприятную репутацию самому претенденту, «отцу Франции», верному памяти своего невинно убиенного брата. Одним из служителей покойного Людовика XVI был аббат Эджворт де Фирмон, который принял его последнюю исповедь перед казнью; назначение Эджворта было последним желанием приговоренного. Именно Эджворт сопроводил короля на эшафот следующими словами: «Сын святого Людовика, гряди на небеса!» Хотя большинству из присутствовавших при дворе претендента были известны как сложные отношения братьев, так и личные взаимоотношения «Прованса» с

⁴²⁰Lever, É. Op. cit. P. 216.

⁴²¹Ibid. P. 118.

⁴²²Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн./Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского, М., 2012, С. 49.

⁴²³Тарле, Е. В. Жерминаль и прериаль. С. 239-243.

⁴²⁴LVVA, 640 f., 3 apr., 710 l., 2 lpp.; Beausoleil, H. La mort de Louis XVI.//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P.121-127.

религией (к которой он относился с нескрываемым скептицизмом, о чем упоминал упомянутый выше номер «Монитёра» от 2 января 1792 года)⁴²⁵, шанс привлечь на свою сторону духовенство упускать было нельзя. Так, помимо упомянутого аббата Эджворта, который значится как домашний (domestique) священник графа Лилльского (именно так; документ подписан Юэ, генеральным комиссаром двора графа Лилльского, что указывает на сезон 1803/04 годов в Митаве), претендента сопровождал архиепископ Реймский 426, аббаты Флёре и де Турнель 427. Стоит отметить, что аббат де Турнель принадлежал к свите графини Лилльской, то есть Марии-Жозефины Савойской, жены претендента, а вовсе не набожной герцогини Ангулемской, у которой своего духовника и вовсе не было 428. Связано ли это было с тем, что у племянницы были хорошие отношения с дядей-претендентом, в отличие от Марии-Жозефины, у которой с супругом семейной жизни почти не было. Вдобавок, положение первой несуществующего Французского королевства осложнилось одним важным обстоятельством: отсутствием при дворе горячо любимой фрейлины Гурбийон, которую Павел I подозревал в шпионаже.

Говоря о шпионаже в ту эпоху, стоит отметить, что, помимо признанных гласно или негласно шпионами людей (возможно, ими даже не являвшимися), были персонажи, чья политическая роль до сих пор остается тайной. К таким личностям царствования Павла I относятся три молодых женщины, так или иначе приближенные ко двору — певица мадам Шевалье, «графиня» Луиза де Боннейль и княгиня Гагарина, фаворитка самого императора. Если современники и говорили что-либо о неоднозначном влиянии этих дам на политику и общественное умонастроение, то официально в шпионаже их никто не обвинял. Иное дело — Жанна-Маргерит Галлуа, мадам де Гурбийон, само существование которой значительно испортило репутацию как претендента, так и его жены, а

⁴²⁵Gazette nationale, ou Le Moniteur Universel... P. 1.

⁴²⁶См. Приложение 1, ст. «Талейран-Перигор».

⁴²⁷LVVA, 472 f., apr. 7, 3181 l., 22-34 lp. Сведения сообщены г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца-музея.

⁴²⁸Ibid.

также навлекло на них гнев Павла І. 4 мая 1799 года Мария-Жозефина выехала из Вены в Митаву для того, чтобы занять положение «королевы де-юре», но въезд фрейлины был запрещен. Постарался сам претендент, обратив на ситуацию внимание Павла I, посему «мадам де Гурбийон... была взята под арест и с помощью военной силы препровождена от границ Курляндии» 429. Графиня Прованская испытала сильнейшее нервное потрясение, в первый раз за всю эмиграцию разлучившись с Гурбийон, но ей было велено остаться для украшения двора и соблюдения видимости приличий, хотя, как писал о юной тогда еще савойской принцессе Мерси д'Аржанто, «у нее нет грации, ее фигура нехороша, ее стан немногим лучше; говорит она мало и дурно» 430. Всю свою оставшуюся жизнь супруга претендента проведет в разлуке с Гурбийон, с которой до самой своей смерти в 1810 году в замке Хартвелл. Сама фрейлина, впрочем, также не думала успокаиваться и покидать пределы Российской империи: как видно из письма д'Аварэ, направленному виленскому гражданскому губернатору Фризелю фон Нейему, «согласно письму Его Превосходительства господина де Ласи, где он мне <д'Аварэ. – Н. Я.> спрашивает, зачем маркиза дез Эссар и аббат де Гольц прибыли в Вильну вместе с мадам де Гурбийон и просит объяснить это Вашему Превосходительству, то посему я имею честь доложить Вам, сударь, что так велел король» 431. В зачеркнутой фразе значилось: «Таково было приказание Его Величества Императора» 432. Кроме того, д'Аварэ счел нужным сообщить, что данным персонам «велено следовать [зачеркнуто, сверху надписано: быть подле] данного города для их успокоения» 433. В этом был весь Павел I: с одной стороны, ему откровенно наскучили дела Бурбонов, а с другой – он тщательно следил за тем, чтобы претендент и его семейство не доставали ему лишних проблем. В частности, сохранились отчет о выполнении инструкций, данных Павлом I своему агенту (видимо, из ближайшего окружения принца), где он заверяет, что отчет

⁴²⁹Paucis, F. Lointaine et mysterieuse Courlande. Vol I. P. 167. [рукопись]. ⁴³⁰Ibid. P. 166.

⁴³¹LVVA, 412 f., 1 apr., 22. (16) l., 19 lp.

⁴³² Ibid.

⁴³³ Ibid.

«служит к тому, чтобы показать, сколь чувствительно я оскорблен был тем, как дурно была истолкована моя преданность к Павлу I, Императору Всероссийскому, и к тому, дабы показать с чувством выполненного долга и всевозможной искренностью мою верность данному мною слову» 434.

Согласно признанию анонимного агента, Людовик XVIII (в документе его имя обозначено полностью - «Его Величество Людовик XVIII» 435, а не «король», как называли претендента приближенные) дал ему письма для Марии-Жозефины и господина де Вирье⁴³⁶, «который сопровождал ее во время путешествия» 437. Пообщаться с графиней Прованской агенту не удалось, поскольку она предпочитала вести переговоры через маркиза. Только прибыв в Тирасполь, супруга претендента изъявила желание пообщаться с посланцем: при этом она выразила неудовольствие самим фактом проживания двора в Митаве. Если уж на то пошло, она хотела бы обеспечить будущее господина де Вирье; под «будущим» она, очевидно, понимала службу при императорском дворе, пенсию или вожделенное многими эмигрантами «староство» в Польше. На это агент заявил ей, что «император справедлив, но суров, от него не ускользает ничто, имеющее место быть в его империи, и если он ошибется, или позволит себя обмануть, он станет первым, кто возместит ущерб» 438. Неизвестно, была ли удовлетворена этими туманными обещаниями Мария-Жозефина, но дальнейшее и не потребовалось: маркиз де Вирье успел «любопытным образом запятнать свою миссию (sic!) в Тирасполе» 439. (Очевидно, что бывшая принцесса Савойская избрала другой путь, нежели претендент, поскольку морским путем было удобнее всего добираться из Сардинии, минуя войска Французской республики, довольно неумелые и ограниченные в средствах на море). Маркиз также попросил агента написать письмо «в том же стиле и с теми же выражениями, какие он обычно

⁴³⁴LVVA, 412 f., 1 apr., 22. (16) l., 30 lp.

⁴³⁶Личность не установлена. См. Приложение 1, статья «Вирьё».

⁴³⁸LVVA, 412 f., 1 арг., 22. (16) l., 30 lp. (об.)

⁴³⁹LVVA, 412 f., 1 арг., 22. (16) 1., 30 lp. (об.)

использует» 440 (видимо, под его диктовку, но анонимный агент весьма осторожен в выражениях) непосредственно Людовику XVIII. В этом письме агент уверяет последнего, что Гурбийон не представляет никакой опасности, что «императору просто не представился случай узнать характер мадам де Гурбийон»⁴⁴¹. Более того, узнать этот самый характер можно, только если пригласить ее в Петербург, «император судит по рапортам, которые ему подаются, и, если бы император не пренебрег посещением Митавы собственной персоной, он был бы более благосклонен к королю» 442. В письме агент также выражал сожаление из-за того, что Гурбийон не дают как-то скрасить и оживить пребывание королевской семьи «в замке». Агент посоветовал Марии-Жозефине остановиться на постоялом дворе недалеко от Митавы, симулируя болезнь, а сам в это время поехал к королю с жалобой на ее состояние здоровья, дабы дать претенденту еще один повод обратиться к Павлу I⁴⁴³. Тем не менее, от Людовика XVIII был получен отказ, который раздосадовал «сию принцессу». Как мы уже видели, первоначально отказ исходил от императора, и претендент должен был ему подчиниться, чтобы не создавать себе лишних хлопот, которых и без Гурбийон было предостаточно. Тем не менее, чтобы соблюсти статус-кво либо просто лишний раз не провоцировать Павла I, было решение приписать подобный принято резкий приказ непосредственно Людовику XVIII. Как писал агент, причиной его осуждения императором стало то, «что он слишком переусердствовал в выполнении воли своего суверена», ибо «нет настолько преданного Его Величеству Императору Всероссийскому человека, чем я, в глазах всех наших французов, если я осмелюсь так выразиться» 444. Ибо «император делает все возможное, чтобы принять и разместить французов на всем пространстве своей империи, где каждая нация может жить, руководствуясь духом своего народа и национальным характером, посему я и не могу жаловаться на формы, присущие местному государственному

⁴⁴⁰ Ibid.

⁴⁴¹LVVA, 412 f., 1 apr., 22. (16) l., 31 lp.

⁴⁴²Ibid

⁴⁴³ Ibid.

⁴⁴⁴LVVA, 412 f., 1 арг., 22. (16) l., 31 lp. (об.)

управлению» ⁴⁴⁵. К сожалению, это признание не может являться частью стройной идеологической системы: автор руководствуется личными эмоциями, поскольку он получил помощь от императора, «который оказал ему многочисленные знаки внимания еще во Франции (sic!), начиная с того времени, как умер мой сын Эманюэль <так в тексте. – Н. Я.>» ⁴⁴⁶. Как бы странно это ни звучало, но сам император Павел I был заинтересован в привлечении ко двору французских эмигрантов, даже в их спасении от террора, но никоим образом не в Бурбонах и их свите. Для этого он не побрезговал использовать одних против других, посеяв клубок недоверия и подозрительности в рядах роялистов.

Причины такого поведения, без сомнения, следует искать как в поведении претендента, не желавшего оставаться в Митаве, которую он считал «варварским краем». (Позднее, когда ему будет предложено переехать в Киев, он отказался, поскольку, как сочувственно объясняет Эвелин Леве, «он не мог себе вообразить более варварского места, чем эта древняя столица средней полосы России, которая когда-то принадлежала татарам и крымскому хану»)⁴⁴⁷. Самым приятным местом Российской империи для Людовика XVIII, несомненно, была Варшава, где он проживал с семьей, в которую входили исключительно Мария-Жозефина и герцогиня Ангулемская, в период с 22 февраля 1801 по 14 сентября 1803 года. Следует отметить, что племянники претендента вели более активный образ жизни, включая тайные визиты во Францию, матримониальные поездки в Испанию и многое другое. Сам претендент оставался на месте, в окружении своей стареющей свиты, ограничиваясь написанием манифестов и писем первому консулу Наполеону Бонапарту, также безуспешной дипломатической a деятельностью и услугами двойных, а то и тройных, агентов. При Павле I он получал приличное содержание, но был удален от «цивилизованной жизни» и ограничен в связях с внешним миром. При Александре I содержание выплачивалось нерегулярно, часто возникала опасность того, что ему придется

445 Ibid.

 $^{^{446}} LVVA,\,412$ f., 1 apr., 22. (16) l., 31 lp. (
oб.)

⁴⁴⁷Lever, É. Op. cit. P. 285.

отречься от престола или быть высланным во Францию, но зато он опять начал пользоваться признанием и уважением – среди оппозиционной польской знати. Нельзя сказать, что русское правительство не обращало на манифесты внимания: к несчастью для претендента, они были написаны слишком хорошим языком, чтобы на их существование можно было закрыть глаза. Кроме того, были и другие способы разрушить дипломатические отношения России с «якобинцами», которыми Людовик XVIII не преминул воспользоваться. И способы эти назывались «воссоединением с семьей».

Одним из таких случаев, и самым показательным из них, является приезд «тампльской сироты» Марии-Терезии-Шарлотты, дочери казненного Людовика XVI в Митаву 4 июня 1799 года, чтобы выйти замуж за своего кузена Луи-Антуана, герцога Ангулемского. «Madame Royale», старшая из четырех детей Людовика XVI и Марии-Антуанетты (двое из них, Луи-Жозеф, первый дофин, и мадам София, умерли при жизни родителей), родилась 19 декабря 1778 года и была на два года младше своего предполагаемого жениха. До появления на свет Луи-Жозефа 22 октября 1781 года Луи-Антуан считался четвертым в списке престолонаследия, что было определенным ударом для королевы, которую слухи обвиняли в бесплодии и легкомысленном образе жизни⁴⁴⁸. Кроме того, рождение ребенка у графа д'Артуа ставило на кон ее влияние как единственной принцессы в королевской семье, происходящей из дома Габсбургов – обе супруги братьев короля происходили из Савойской династии, политически конкурентной Австрийскому дому. После рождения дочери слухи затихли, но потом резко сменили направление: так, биологическое отцовство дофина стало предметом споров и спекуляций не только среди придворных, но и среди памфлетистов 449.

Рождение принцессы не являлось поводом для распространения сплетен и домыслов из-за действовавшего во Франции салического закона. Согласно принятому среди детей Марии-Терезии обычаю, она, как и другие внучки императрицы Австрийской, была названа в честь бабки – и своего крестного,

⁴⁴⁸Фрэзер, А. Указ. соч. С. 186-187.

⁴⁴⁹Там же. С. 150-154.

испанского короля Карла III⁴⁵⁰. Таким образом, принцесса будет вдвойне связана с Габсбургами – император Франц II будет ее кузеном по матери и одновременно ее крестным родственником. Принцы королевской крови Франции, которые обычно бывали крестными в подобных случаях, были заменены родственниками королевы (за исключением Людовика XVII, крестника претендента). К моменту начала революции принцессе было десять лет, невольной наблюдательницей которой она была. С 10 августа 1792 по 18 декабря 1795 года принцесса находилась в заключении, без какой-либо надежды на освобождение. Она претерпела серьезные испытания: сначала, 3 июля 1793 года, она была разлучена с братом, которого ее мать объявила королем Франции 451, потом, 2 августа того же года и 9 мая 1794 года, она лишилась матери и тетки мадам Елизаветы, о судьбе которых долгое время не знали ни она 452 , ни Людовик XVII 453 . Уже во время пребывания в тюрьме начал формироваться характер будущей герцогини Ангулемской. Так, говоря о своей тетке, она замечала: «Сколько я ее знаю, с 89 года, она была вся преисполнена религии, большой любви к Богу, боязнью греха, смирением, благонравием, смелостью, храбростью и огромной привязанностью к своей семье, которой она отдала свою жизнь, никогда не желая даже подумать о том, чтобы покинуть короля, моего отца. Всё это сделало принцессу достойной той крови, что текла в ее жилах. <...> Мы были с ней одного характера и во всем походили друг на друга. Если бы я смогла разделить также и ее добродетели, то в один прекрасный день я бы смогла предстать перед Богом, где я бы вновь встретила ее, вознагражденную сполна за свою достойную жизнь и не менее достойную смерть» 454.

После смерти брата встал вопрос о том, что же именно можно предпринять в отношении Марии-Терезии, которой исполнилось тогда шестнадцать лет. Было бы странным предполагать, что особу королевской крови

⁴⁵⁰Там же. С. 217.

⁴⁵¹Charles-Roux, J. Passion et calvaire d'un enfant Roi de France.//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 163.

⁴⁵²URL: http://penelope.uchicago.edu/angouleme/angouleme_3.xhtml (дата обращения: 07.07.2014)

⁴⁵³Charles-Roux, J. Op. cit. P. 178.

⁴⁵⁴URL: http://penelope.uchicago.edu/angouleme/angouleme 3.xhtml

можно было бы выпустить на свободу безо всяких на то условий. Возможно, она бы и дальше оставалась пленницей, если бы не арест посла республики в Неаполе Юга Маре, будущего герцога Бассано, и его спутника Семонвилля, следующего с особой миссией в Константинополь, 22 июня 1793 года⁴⁵⁵. До этого за освобождение Марии-Терезии ратовали жители Орлеана, вполне резонно своей петиции в Париж: «Соединимся же около одного заявившие в милосердного закона, составим же фалангу милосердия сострадательных французов; для вас <парижан. – Н. Я.> же это особенно необходимо, поскольку вы и так получили значительные привилегии от этой несчастной семьи» 456. Как ни странно, лично от революции жители Орлеана и всего департамента Луаре пострадали мало: исключение составили волнения в феврале-апреля 1793 года, которые повлекли Робеспьера к ужесточению мер по содержанию королевской семьи 457. Однако, сразу же после измены Дюмурье, Франция обменять принцессу согласилась на перебежчика, двух вышеупомянутых дипломатов и взятых в плен генералом Дюмурье депутатов Конвента, прославившихся в основном своими подписями под смертным приговором отцу Марии-Терезии 458.

Интерес австрийских родственников к «тампльской сироте» был понятен: как представительница семьи Бурбонов и дочь казненного короля, она представляла собой интерес и в качестве подходящей династической партии, и как предлог для вмешательства во внутренние дела Франции. Габсбурги требовали за нее приданое в виде Бургундии, Бретани, Лотарингии, Эльзаса и Франш-Конте⁴⁵⁹, хотя со времен Средневековья традиция передачи земель в качестве приданого невесты правящего или владетельного дома была забыта и являлась более чем анахронизмом по отношению к несуществующему трону. Ранее Madame Royale, вернее, ее родителям, уже делались матримониальные

⁴⁵⁵Romer, Mrs. Filia dolorosa. Memoirs of Marie Thérèse Charlotte, Duchess of Angoulème, the Last of the Dauphines. L., 1853. By Mrs. Romer, Author of 'A Pilgrimage to the Temples And Tombs of Egypt', etc. P. 259-260.
⁴⁵⁶Ibid. P. 250.

⁴⁵⁷Робеспьер, М. Избранные произведения в трех томах. Т. II. С. 269-272.

⁴⁵⁸Romer, Mrs. Op. cit. P. 259.

⁴⁵⁹Ibid. P. 262-263.

предложения: от шведского короля Густава III относительно его сына и наследника Густава IV, от неаполитанской родни, а также герцога вариант брачного Орлеанского. Был рассмотрен И союза герцогом Ангулемским⁴⁶⁰. Людовику XVIII надо было только напомнить племяннице о ее долге перед Францией и о якобы существовавшей привязанности между ее отцом и претендентом. Планы барона Тугута, главы столь памятного по итальянской кампании Суворова Гофкригсрата, провалились: попытка брачного союза с эрцгерцогом Карлом, будущим архиепископом Эстергома, нимало не затронула ни сердце, ни помыслы принцессы-патриотки 461.

С самого своего приезда в Митаву Людовика XVIII сопровождали два его племянника, Луи-Антуан, герцог Ангулемский, и Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский, что соответствовало намерению претендента основать в Курляндии настоящий королевский двор со всеми полагающимися атрибутами. Их отец, тем не менее, отказался сопровождать своего старшего брата, предпочтя проживание в Англии со своей фавориткой графиней де Поластрон, невесткой знаменитой Иоланды де Полиньяк. Принцы не всегда вели жизнь митавских затворников: так, оба из них служили в армии Конде и участвовали в вандейских событиях, сохранив связь со знаменитым кузеном 462 и занимаясь роялистской агитацией. Позднее, во время проживания претендента в Хартвелле, оба брата сопровождали коалиционные армии 463, а во время пребывания двора короля в Генте во время Ста дней также оставались при армии 464. Известий о пребывании принцев в Митаве сравнительно мало, поскольку они, в отличие от Прованса и его жены, не были замешаны ни в каких любовных и политических скандалах. Тем не менее, следует уточнить, что именно через них осуществлялась связь с Англией, в чем им непосредственно помогал Антуан Бальтазар Жоашен барон д'Андре (называемый в русский документах «бароном Дандером»)⁴⁶⁵. Его сын, Антуан Жозеф Морис,

⁴⁶⁰Фрэзер, А. Указ. соч. С. 277.

⁴⁶¹Romer, Mrs. Op. cit. P. 261-262.

⁴⁶²LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 45 lp.

⁴⁶³Lever, É. Op. cit. P. 318-321.

⁴⁶⁴Ibid. P. 372.

⁴⁶⁵LVVA, 412 f., 1 apr., 22. (16) lieta, 14 lp.

позднее будет вынужден просить прощения у короля за свою службу Наполеону, поступить на которую ему разрешил отец.

Говоря о втором изгнании Людовика XVIII, в Генте, приходится сознаться, что исторического материала за этот период накопилось гораздо больше, и сам этот материал гораздо известнее: все это подробно и красочно было Шатобрианом в «Замогильных записках» 466, одном из произведений, написанных самим émigré про саму эмиграцию. Про первый период изгнания «Людовика Желанного» (такое прозвище король получит во время Реставрации от преданных легитимистов) известно не так уж много. Как было написано в рапорте курляндского гражданского губернатора и генералмайора Матвея Ивановича Ламздорфа (в тексте он назван «Ламбздорфом») от 28 декабря 1797 года старого стиля, король французский прибыл с «малолюдною свитою» 467. Свита включала в себя нескольких важных людей из духовенства, связанных с казненным братом претендента, а с приездом герцогини Ангулемской обогатилась верным слугой королевской семьи Клери, камердинером 10^{368} и другими людьми, о которых будет рассказано ниже. Но ни одного громкого имени среди людей из мира литературы и политики: в изгнание с Марией-Терезией собиралась поехать герцогиня де Дюрас, автор романтического романа «Урика», но та отказалась от ее услуг, ибо отец писательницы, граф де Керсен, состоял в Национальном Конвенте 469.

Император Павел I указом от 19 (29) декабря 1797 года предписывал Ламздорфу «исправить в здешнем дворце, как в верхнем, так и в среднем, все потребные службы» ⁴⁷⁰. В ответном рапорте генералу (от 31 декабря того же года – видимо, по новому стилю) было сообщено о найденной для короля «порядком расшатанной комнаты», обозначенной на плане как «комната «№ 7», достаточно подходящая для короля на первое время (однако «мебели там не хватает») ⁴⁷¹.

⁴⁶⁶Важнер, Ф. Указ. соч. С. 217.

⁴⁶⁷LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 1 lp.

⁴⁶⁸LVVA, 472 f., apr. 7, 1. 3181.

⁴⁶⁹Важнер, Ф. Указ. соч. С. 236-237.

⁴⁷⁰LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 1 lp.

⁴⁷¹LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 2 lp.

Впрочем, последнее замечание вполне понятно: например, последний герцог Курляндии Петр Бирон и по совместительству последний владелец дворца, обладал неслыханной щедростью: так, после смерти своей бывшей жены Евдокии Борисовны, урожденной княжны Юсуповой, «герцог прислал шурину <князю Николаю Борисовичу Юсупову. – Н. Я. кресла и стулья из ее спальни – серебрёного дерева, резные, обитые лазоревым шёлком. Мебель поставили в Архангельском, в зале с белыми мраморными колоннами и голубыми стенами. Залу назвали Серебряной комнатой» 472 Хотя современные исследования позволяют усомниться в принадлежности мебели из так называемой «Парадной спальни герцогини Курляндской» самой герцогине⁴⁷³, в данном случае подобная легенда хорошо демонстрирует отношение современников к хозяйственной деятельности последнего герцога Курляндии. Так, в 1779 году во дворце Биронов проживал Калиостро с супругой: «Трехсот, а может и более, комнат великолепного барочного дворца вполне хватало и герцогу, и его придворным, и высоким гостям...Пока же приезжий маг устроил в одной из отведенных ему комнат небольшую алхимическую лабораторию, а так как по дороге кое-что из его личного оборудования разбилось и пришло в негодность, местные алхимики охотно предоставили магистру собственное оснащение...» 474. Сам герцог подписал отречение от престола в 1795 году, и дворец с этого времени пустовал, хотя Петр Бирон умер только в 1800 году в силезском замке Гелленау (ныне Еленёв, Польша). Но шедевром Растрелли и датского архитектора Йенсена дело не ограничилось: местность, где предстояло поселиться Людовику XVIII, имела свои слабые стороны. И, в первую очередь, климат.

Весь 1798 год охватывает дело «О разсуждении приготовление <так в тексте. – Н. Я.> тулупов и проч.: и отвода строений для екипажа по приезду Его Величества Короля Французскаго» Упомянутых тулупов нужно было не так уж много: согласно рапорту барона Ферзена от 1 (11) февраля 1798 года, теплая

 $^{^{472}}$ Юсупов, Ф. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887-1919. В изгнании. М., 2004. С. 15.

⁴⁷³Буторов, А. В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М., 2012. С. 53.

⁴⁷⁴Морозова, Е. В. Калиостро. С. 109.

⁴⁷⁵LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 13 lp.

одежда требовалась «на четырнадцать часовых, и ичиги <?; нрзб. – Н. Я. >», «а для караула исправить на 150 ружей сошни» 476477. Следует отметить, что граф Иван Евстафьевич Ферзен проявлял наибольшую заботу о состоянии дел претендента и его семейства, хотя, в противоположность тому, что говорит о нем Эвелин Леве, «кузеном Акселя Ферзена» ⁴⁷⁸ он не был. Касаемо ружей приказание было выполнено В точности, но относительно ТУЛУПОВ существовали непредвиденные затруднения: как гласит зачеркнутая строчка в рапорте, «к постройке того артикулом недозволяет» 479. Правила, введенные Павлом I для русской гвардии, должны были распространиться также и на французских «гарде-коров». В частности, согласно закону от 17 ноября 1796 года, «гвардии унтерофицеров из Дворян ... когда усмотрятся во фраках одетыми и делать шалости по городу, то будут выписаны в солдаты в полевые полки» 480. Как вспоминают сами гвардейцы – не французские, а русские – правило соблюдалось неукоснительно: всем дворянам отныне предписывалось ходить по улицам исключительно в мундире – военном, статском или так называемом «дворянском» ⁴⁸¹. Тем не менее, к 8 февраля 1798 года тулупы «гар-де-корам» были выданы⁴⁸².

Постепенно королевский двор в изгнании стал предметом широкого обсуждения в Санкт-Петербурге из-за прибывавших к нему людей – не всегда французов и не всегда аристократов. Согласно воспоминаниям графини Анны Потоцкой, урожденной графини Тышкевич, «в конце прошлого столетия Польша была переполнена французскими эмигрантами, которые, охотно пользуясь оказываемым им гостеприимством, большей частью держали себя с таким высокомерием, как будто этим они оказывали кому-то большую милость. У краковской кастелянши нашла убежище целая семья Бассомпьеров. Сначала явился один из них, потом двое и, наконец, вся семья со всеми чадами и

⁴⁷⁶LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 17 lp.

 $^{^{477}}$ Другая деталь внешнего облика гвардейца — См. Приложение 3, с. 253, Илл. 4.

⁴⁷⁸Lever, É. Louis XVIII. Pluriel, 2012. P. 237.

⁴⁷⁹LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 13 lp.

⁴⁸⁰Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIV. СПб., 1830. С. 7.

 $^{^{481}}$ Головкин, Φ . Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 138.

⁴⁸²LVVA, 472 f., 13 apr., 35 lieta, 14 lp.

домочадцами» 483. Стоит отметить, что каштелян краковский – одна из перейших фигур Речи Посполитой; должность эта была аналогична коменданту крепости, а Краков был вторым по значимости городом и бывшей столицей государства (до 1610 года). 484 Однако при посещении Людовика XVIII Белостока, оказалось, что «король их (Бассомпьеров – Н. Я.) совсем не знал... Он обощелся весьма небрежно с «опорой трона», он никогда даже не видел их... Граф Аварэ, пораженный важным видом наших Бассомпьеров, счел своим долгом сообщить о них все, что знал. Оказалось, что фамилия этих господ действительно Бассомпьеры, но это бедная и выродившаяся ветвь знаменитых Бассомпьеров, унаследовавшая от своих знатных предков лишь спесь и воспоминания... И только теперь, благодаря революции, они разбогатели: им никогда в жизни и не снилась подобная роскошная жизнь, которую им предоставила щедрая и великодушная кастелянша» 485. Семейство кастеляна простило Бассомпьерам, но российское правительство было не готово прощать самозванцам подозрительным личностям, приезжавшим к Бурбонам в Митаву.

Так, уже 15 (26) марта 1798 года, согласно собственноручному письму императора Павла I генералу Ламздорфу, к претенденту имел место приехать неожиданный гость: «Господин Тайный Советник Ламбздорф. Во время путешествия Короля Французскаго пристал было к нему противу воли Его Величества некто себя называющим Бердяевым и российским подданным, коего генерал адъютант мой Граф Шувалов умел отдалить, но как Тайный Советник Граф Панин доносит мне, что помянутый Бердяев чаятельно направил путь свой в Митаву, то и предписано вам иметь наблюдение за его приездом и как скоро он попадется, арестовав, отправить немедленно к Генералу Прокурору, который иметь будет дальнейшие мои повеления» 486. Уже 22 апреля (3 мая) 1798 года Ламздорф рапортует о том, что получил указ императора о недопущении в

⁴⁸³Потоцкая, А. Мемуары графини Потоцкой, 1794 – 1820. М., Жуковский, 2005. С. 17.

⁴⁸⁴О каштеляне Кракова и его родственных связях – см. Приложение 1, статья «Яблоновский».

⁴⁸⁵Потоцкая, А. Указ. соч. С. 21.

⁴⁸⁶LVVA, 412 f., 1 apr., 22(16) lieta, 33 lp.

Митаву каких-либо вновь прибывших французов⁴⁸⁷. 16 (27) мая 1798 в рижский порт прибыл «дацкий гальон», на котором находился француз «Клауд Фезус», которого почли за лучшее арестовать и допросить⁴⁸⁸. Дело в том, что у француза был датский паспорт, а шлюп «Анна-Мария», на котором он приехал, являлся коммерческим судном. И если с Бердяевым было велено поступить по всей строгости закона, то Фезуса было велено всего-навсего препроводить обратно в Копенгаген вместе со шкипером Иенсом Иозефом Ербосом⁴⁸⁹. В отношении Фезуса и Бердяева позиция российского правительства понятна, поскольку такие люди могли только побеспокоить претендента и его свиту. Но, кроме них, существовали и другие лица, имевшие полное право состоять при «малолюдной» свите Людовика XVIII.

Согласно анонимному рапорту князю Александру Борисовичу Куракину, члену совета при императоре и – пока еще – влиятельному вельможе, в российском законодательстве существовало с 1798 года два типа иностранцев: «французы, принадлежавшие к свите Его В<еличества> короля Французскаго» и «иностранцы... в подозрении» ⁴⁹⁰. Так, под подозрение подпал господин де Малиньи, «занимающийся, сколько возможно, вербовкой на Вандею» ⁴⁹¹. А 21 мая (1 июня) 1798 года упомянутый «при республике Женевской королевскофранцузской министр де Малиньи», проездом из Штутгарта и Берлина, «в добром поведении коего» был уверен король, ехал в Митаву, в то время как министр короля, «граф Сент-Приест», умолял впустить его в Санкт-Петербург ⁴⁹². Как видно из вышесказанного, Людовик XVIII принялся составлять собственный кабинет и укреплять международные связи и свое политическое реноме. Вопрос в том, нравилось ли это Павлу І. Так как шпионаж в прямом смысле этого слова, равно как и идеологические диверсии, будет рассмотрен позже, мы остановимся

⁴⁸⁷LVVA, 412 f., 1 apr., 22(16) lieta, 3 lp.

⁴⁸⁸LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 83 lp.

⁴⁸⁹LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 84 lp.; LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 85 lp.; LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 86 lp.

⁴⁹⁰LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 82 lp.

⁴⁹¹LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 5 lp.

⁴⁹²LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 7 lp.

на этом моменте, чтобы показать условия пребывания Бурбонов в Российской империи и, если так можно выразиться, петербургско-митавские отношения.

Подробностей, связанных с господином де Малиньи, сравнительно немного, в источниках позже XVII века какие-либо дворяне с этой фамилией не упоминаются⁴⁹³. Неизвестно, правда, был ли Малиньи таким же «графом», как Монгайяр, или он действительно имел право на титул. Возможно, его фамилия была «облагорожена» в агентурных или литературных целях, подобно фамилии публициста и консеватора Антуана де Ривароля⁴⁹⁴. В ведомости «о проехавших чрез город Митаву... иностранцах с попечением кто, откуда, когда, с каким видом «французский проехали» значится, ЧТО уроженец Вовилиер, Санктпетербургской академии» <Академии художеств. – Н. Я.> и просто «французский уроженец де Малиньи» «с пашпортом графа Панина» 495. Приехал Малиньи 21 мая (1 июня) 1798 года и, в отличие от профессора, держал путь не в Петербург, а в Митаву. Как позже докладывал Ламздорф, «упомянутый де Малиньи, бывший королевский министр в Женевской республике, решивший искать убежища из-за своих несчастий, прибыл сегодня, без затруднений < non interrompu – буквально «не будучи прерванным»; фразу можно интерпретировать как «не находясь под слежкой» или «без остановок». – Н. Я. > в сии края, сочтя за лучшее умереть подле своего суверена, покровителя и благодетеля – то есть короля» 496. Как многие иностранцы до него, он счел за лучшее также попросить покровительства у императрицы Марии Федоровны, адресуясь к ее братьям, герцогу Фридриху I и принцу Вильгельму Вюртембергским. Несмотря на горячее желание увидеть своего суверена, господин де Малиньи попросил у императрицы разрешения «проследовать ДО Санкт-Петербурга. «Его Христианнейшее Величество король Людовик XVIII» присоединился к просьбе Малиньи, «припомнив его верную службу покойному королю, его брату» 497, о чем он дал

⁴⁹³См. Приложение 1, статья «Малиньи».

⁴⁹⁴Odier, A. Rivarol, «le Tacite de la Révolution».//Le livre noir de la Révolution française. P. 451-453.

⁴⁹⁵LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 20 lp.

⁴⁹⁶LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 6 lp.

⁴⁹⁷Ibid.

поручение сообщить Сен-При. Мария Федоровна, по расчетам Малиньи, не должна была остаться равнодушной к просьбе своего брата: ведь ее отношения с Фридрихом были омрачены интригами Екатерины II, настроившей против него его собственную жену Августу, умершую в 1788 году в замке Лоде в Эстонии, будучи фактически пленницей императрицы⁴⁹⁸. Если господину де Малиньи удалось проехать в Митаву через Петербург, то все прочие эмигранты были не столь счастливы.

Уже 29 мая (9 июня) 1798 года граф Никита Петрович Панин сообщает Ламздорфу, что «Его Величество Император велел ограничить количество паспортов для иностранцев, желающих въехать в Россию» ⁴⁹⁹. Предпочтение отныне должно было делаться «известным персонам, по рождению ли или по высокому положению», например, таким, как кардинал де Монморанси, которого лично Панин просил назначить на пост главного исповедника ⁵⁰⁰. Именно Луи-Жозеф де Монморанси-Лаваль и стал тем человеком, что обвенчал герцога и герцогиню Ангулемских. Сама церемония венчания сделалась из-за присутствия главного исповедника вполне соответствующей королевскому статусу будущих супругов, «но это был семейный праздник, и все присутствовавшие французы состояли между собой в родстве» ⁵⁰¹.

Однако французы продолжили прибывать ⁵⁰²: так, ведомость от 2 (22) июня 1798 года целиком состоит из французских имен: «Мария Бертье, супруга г-на Перронета, находящагося при свите Короля Французскаго», «шевалье Боасель, г-н Фенест и стряпчий Шутер», «Г-н Курвоазье», «камердинер Его Величества Короля Французскаго Монтиньи», «секретарь военного департамента Генрион, аббат Каиере, Еммер и конюхи Фреми, Лафранс и Ламберт» ⁵⁰³. Так как запись о Марии Бертье была сделана 28 мая, а остальные, под ней – 1 мая, имеет смысл предположить, что переписчик ошибся, имея в виду 1 июня старого стиля, что

⁴⁹⁸Йена, Д. Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2008. С. 20-26, 31-34.

⁴⁹⁹LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 37 lp.

⁵⁰⁰Ibid.

⁵⁰¹Romer, Mrs. Op. cit. P. 274.

⁵⁰²См. Приложение 2, с. 242-245, 249, Рисунок 1 и 3.

⁵⁰³LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 14 lp.

соответствует 11 июня по новому стилю: таким образом, король продолжал выдавать паспорта незначительным людям, вопреки настойчивым просьбам Панина 504 . Письмо от 15 июня показывает, что граф и Павел I, очевидно, не выдержали, приказав выслать за границу всех «незначащихся в списке иностранцов, кроме Гард-дю-коров Графа де Медави»⁵⁰⁵. Отныне французам было воспрещено проезжать через Санкт-Петербург в Митаву. В ведомости от 28 июня (9 июля) 1798 года (дата зачеркнута)⁵⁰⁶, упоминания о подобном маршруте были также вычеркнуты. Очевидно, генерал-фельдмаршалу принца Конде де Брольи и камердинеру Сиеру не удалось воссоединиться со «своим благодетелем и сувереном». Причина для этого была вполне уважительной: к Марии Федоровне приехал ее младший брат Фердинанд, фельдмаршал Австрийской империи 507. В дальнейшем французы продолжали ехать, иногда со всем семейством: графиня де Коссе с личным аббатом и слугами, «генерал маиор шевалье де Монтеспиан < Монтеспан или Монт-Эстиан, то есть Mont-E(s)tienne? – Н. Я.>» 508 с графом де ла Мортье, а также люди, которых претендент успел нанять во время своего пребывания на немецких землях: некий «подпорутчик Циглер и порутчик Оймер»⁵⁰⁹. Вопреки высочайшему повелению, не все эти люди состояли в «гар-декорах», список которых был учрежден 16 (26) июня 1798 года.

Что же представлял собой корпус королевской охраны? Согласно документу, это «благородная кавалерия, сформированная на Волыни (?) и по поручению господина генерала Горчакова с тем, чтобы сформировать отдельный полк»⁵¹⁰. Под предводительством Курселя⁵¹¹ и других командиров данное воинское соединение прибыло в Митаву для охраны и... «связи короля с его величеством императором, в любых случаях, которые будут угодны его

⁵⁰⁴См. Приложение 2, с. 246-248, Рисунок 2.

⁵⁰⁵LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 2 lp.

⁵⁰⁶LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 13 lp.

⁵⁰⁷ Ibid.

⁵⁰⁸LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 17 lp.

⁵⁰⁹LVVA, 412 f., 7 apr., 341lieta, 16 lp.

⁵¹⁰LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 40 lp.

⁵¹¹См. Приложение 1, ст. «Курсель».

величеству императору»⁵¹². Таким образом, и сами «гар-де-коры», и врачи, прикрепленные к полку (в том числе Ваналь, «королевский аптекарь и доктор медицины») 513 , являлись ставленниками Павла I и обязаны были подчиняться его приказам в первую очередь. Неизвестно, имели ли эти люди столь же веские причины служить русскому императору, как спасенный из рук Комитета общественного спасения отец несчастного Эмманюэля, шпионивший за Марией-Жозефиной, но факт остается несомненным: Известно только то, что они в составе 7 тысяч человек войска Конде проживали на территории Волынской и Подольской губерниях 514 , но отличались от этой армии по одному небольшому, но существенному признаку: они не были креатурами французского королевского дома и отбирались лично российской властью. Бурбонам не было на кого положиться, кроме самих себя, узкой свиты приближенных вроде д'Аварэ, Сен-При и Гильерми, а также сомнительных агентов вроде д'Антрэга и Монгайяра. Многие из этих людей позднее были наняты лично императором, но уже не в качестве гвардейцев изгнанного королевского семейства. Так, одного из них позже отправили в Нарву, откуда он писал Палену: «Я ожидал данного разрешения [остановиться в Нарве] с большим нетерпением, поскольку меня мучила неизвестность по поводу того, следует ли мне принять это предложение или же отвергнуть, что поставило меня в неловкую и опасную ситуацию в Россию». 515 которые привели меня относительно тех дел, неизвестного корреспондента Палена, очевидно, были связаны с его клятвой верности Людовику XVIII.

Бурбоны, зная или догадываясь о той роли, которую исполняли многие их подчиненные (если не большее количество придворных), умели ценить искренне преданных им людей, взятых обычно из третьего сословия. Так, министр и друг короля Антуан Луи Франсуа де Безиад стал герцогом д'Аварэ в эмиграции, получив титул от своего суверена-претендента в 1799 году, что

⁵¹² Ibid.

⁵¹³LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 40 lp.

⁵¹⁴ Иванов, А. Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне. М., 2006. С. 44.

⁵¹⁵LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 42 lp.

вызвало зависть и неизбежные сплетни⁵¹⁶, претендент обещал титул «его королевского высочества» (или герцога)⁵¹⁷ даже Наполеону Бонапарту⁵¹⁸, если он возведет Бурбонов на престол! Однако подлинно близкими людьми для короля и его семьи смогли стать слуги: Юэ, Клери и Тюржи. Последнего привезла с собой герцогиня Ангулемская, не переставая заботиться о нем и его семье и в дни эмиграции. История Луи-Франсуа де Тюржи представляет несомненный интерес, поскольку он был связан с королевской семьей на протяжении всей своей жизни, не отлучаясь от импровизированного двора даже на день. Дело в том, что Тюржи начал свою карьеру еще при Марии-Антуанетте в 1789 году, при уже упомянутом главном камердинере короля Франсуа Юэ, предложившего семейству бежать в Рамбуйе во время событий 5-6 октября⁵¹⁹. После свержения монархии он добровольно последовал за «гражданином Капетом» в Тампль, где исполнял обязанности повара⁵²⁰. Рядом с Юэ и Тюржи служил Ане Клери, камердинер и парикмахер короля⁵²¹. После того, как Людовика XVIII и Марию-Антуанетту казнили, слуги остались при Марии-Терезии и ее тете мадам Елизавете, последовав за ней до Митавы. Семьи верных приближенных приехали позже, но даже им приходилось отчитываться перед правительством: так, жена Тюржи Мари Форестье, была вынуждена ждать разрешения на проезд в Митаву, пока оно не было дано лично Павлом I по отношению, направленному на его имя самой герцогиней Ангулемской 27 января 1799 (7 января 1800) года⁵²². Подобная же ситуация повторилась с Вильгельминой фон Лудольф, женой графа Сен-При, для лично пришлось беспокоить фактического руководителя Коллегии иностранных дел Федора Васильевича Ростопчина, писавшего об этом случае губернатору Дризену: «Я направляю к вам, согласно предписанному Его Императорским Величеством закону, госпожу графиню де Сен-При... Ваше

⁵¹⁶Lever, É. Op. cit. P. 302-304.

⁵¹⁷Мемуары госпожи Ремюза. М., 2011. С. 131.

⁵¹⁸Lever, É. Op. cit. P. 259.

⁵¹⁹Фрэзер, А. Указ. соч. С. 379.

⁵²⁰Там же. С. 493.

⁵²¹Там же. С. 495.

⁵²²LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 16 lp.; LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 15 lp.

превосходительство можете обвинять меня в том, что я принял вышеуказанную особу, но принять во внимание мои соображения на сей счет» ⁵²³. После чего оба супруга поблагодарили императора за оказанную им честь ⁵²⁴. Причиной такого странного поведения властей является как изменение политики, произошедшее в период за 31 июля по 9 августа 1799 года — времени бюрократической волокиты по делу супругов Сен-При и налаживании отношений с первым консулом Бонапартом.

Нельзя сказать, что эмигранты отныне не приветствовались Петербурге: напротив, они были нужны Павлу I там, и только там – а не в Митаве. Те из них, кто оставались при дворе Бурбонов по собственному желанию, являлись свитой претендента, и ход в столицу для них был в основном закрыт. Это контрастировало с предыдущим поведением правительства, стремившегося выслать роялистов в Курляндию, составив там своего рода замкнутый мирок из преданных осколков монархии и агентов русского правительства. Отныне для французов было выгоднее и предпочтительнее оставаться в столице, поступив – или даже не поступив, проживая на скудную ренту – на русскую службу. Все это не замедлило сказаться на молодом поколении, сопровождавшем родителей в их служении Людовику XVIII. Им, потомственным аристократам, не нужно было доказывать свою преданность короне, в отличие от наполеоновского дворянина барона Луи, сопровождавшего - теперь уже законного - монарха в Гент. Для них двор в изгнании тоже был местом скучным и бесперспективным, но у них было больше возможностей изменить ситуацию в свою пользу.

Рассмотрим три примера роялистской молодежи в Митаве – роялистской иногда не по убеждению, а по семейственной связи, благодаря которой они очутились «вдалеке от всей Европы» 525, как заявлял Людовик XVIII о судьбе своей племянницы герцогини Ангулемской. Она тоже относилась к молодежи, но молодежи безусловно преданной двору в изгнании, оставаясь преданной

⁵²³LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 22 lp.

⁵²⁴LVVA, 412 f., 1 apr., 22 (16) lieta, 23 lp.

⁵²⁵Lever, É. Op. cit. P. 264.

компаньонкой своего дяди-претендента – возможно, в силу своей религиозности и резко консервативных взглядов, или же в силу неудачного брака, который она считала своим крестом, который ей было поручено нести как дочери царственных мучеников. Претендент не жалел сил, для того, чтобы по мере возможности приблизить свою жизнь к Версалю: так, летом 1798 года ему в пользование была предоставлена «резиденция» в Вирцау, замок в котором давно не видел посетителей и нуждался в ремонте 526. Замок в Вирцау, очевидно, предназначался для молодой четы герцогов Ангулемских, о чем и было сообщено в Вену племяннику претендента Луи-Антуану⁵²⁷. Это стоило претенденту значительных трудов, включая переписку с Ламздорфом и с канцлером Александром Андреевичем Безбородко, которая велась неутомимым графом Сен-При⁵²⁸, а также периодические визиты Христофора Андреевича Ливена⁵²⁹позволившему идее создания «настоящего» двора избежать бюрократических препон. Простым дворянам на королевской службе было очень сложно как выехать за границу для посещения знакомых (в числе которых, например, мог быть знаменитый Фридрих-Мельхиор Гримм, из-за которого некоего «писаря короля Французского Ламберта» велено было выслать за границу)⁵³⁰, так и в пределы Российской империи – для заработка. Такое разрешение пришлось получать некоему Делону, вынужденному оставить больную жену в Виндау, а самому уехать в Ревель для обучения местных дворян верховой езде, фехтованию и французскому языку⁵³¹. Как бы ни трудилось французское правительство в изгнании уверить российскую власть в том, чтобы та не проверяла паспорта, выдаваемые ею эмигрантам и верила на слово, что «сии паспорта не содержат ни малейшей ошибки»⁵³², Петербург все равно настаивал на необходимости собственного контроля над ситуацией – иногда довольно тягостного. В некоторых случаях подобная волокита

⁵²⁶LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 38 lp.; LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 8 lp.

⁵²⁷LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 13 lp.

⁵²⁸LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 43 lp.; LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 44 lp.

⁵²⁹LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 12 lp.

⁵³⁰LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 159 lp.

⁵³¹LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 17 lp.

⁵³²LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 20 lp.

была похожа на издевательство. 1 декабря 1799 года граф Ростопчин радостно сообщал губернатору Курляндской губернии Дризену — с передачей сведений претенденту, - что он «имеет честь сообщить вашему превосходительству, что Е. И. В. Император с превеликим удовлетворением одобрил то, что вы доставили паспорт господину графу де Коссе» 533534. Версальский этикет, столь долго ожидаемый Людовиком XVIII для себя и своей семьи, стал своего рода упражнением в вежливости для петербургского двора, подобно скандалам, устраиваемым при Старом режиме за право первым вручить королеве нижнее белье 535.

Одним из первых представителей младшего поколения эмиграции, кого стоит упомянуть, был герцог де Флери, Андре Эркюль Мари Луи де Россе де Рокозель, которому к моменту поселения в Митаве был тридцать один год. Герцог, будучи первым камердинером короля, не был сколько-нибудь яркой личностью, хотя его имя и судьба заслуживают упоминания в контексте французской литературы в целом и мифологии Террора в частности. Дело в том, что его женой была известная Эме де Куаньи, которой Андре Шенье посвятил поэму «La jeune captive» («Юная узница», 1794), написанную им в тюрьме незадолго до казни. Эта любовная история получила свое отражение - в большинстве своем мифологизированное – от оперы Умберто Джордано 1896 года, где Эме погибает вместе с влюбленным в нее поэтом, до совсем уж невероятной драмы Эдуара Вакена («Андре Шенье», 1844), где отвергнутым поклонником Эме является никто иной, как сам Сен-Жюст⁵³⁶. Сама Эме, однако, спаслась и пережила своего – к моменту заключения – уже бывшего мужа: развод супруги получили к моменту начала эпохи Террора, а в тюрьме Сен-Лазар «другу Талейрана Монтрону, не имевшему привычки тратить время на написание стихов, повезло больше. Он преуспел как в завоевании сердца своей прекрасной подруги

⁵³³LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 28 lp.

⁵³⁴См. Приложение 1, ст. «Коссе».

⁵³⁵Фрэзер, А. Указ. соч. С. 110.

⁵³⁶Baquès, M.-C. Le double mythe de Saint-Just à travers ses mises en scène. //Mémoires et miroirs de la Révolution française. Cahiers du Centre d'histoire «Espaces et cultures ». № 23. Université Blaise-Pascal/Clermont-Ferrand II, 2006.

по несчастью, так и в возможно более долгой отсрочке своей и ее казни, пользуясь алчностью склонных к подкупу тюремщиков. Так продолжалось вплоть до падения Робеспьера, после чего благодарная Эме вышла за него замуж»⁵³⁷. К несчастью для Казимира де Монтрона, семейной жизни у них так и не получилось.

Тем временем герцог де Флери поступил на службу к претенденту в Вероне, а в Митаве стал его доверенным лицом и первым камердинером, прославившись за время своего изгнания необыкновенной щедростью, подписывая кредитные билеты своим друзьям, что в итоге привело его к банкротству⁵³⁸. Согласно справочнику «Сенаторы времен Консулата и Империи», герцог де Флери умер в Париже в 1815 году, став пэром Франции годом ранее, бездетным; его вдова, Жанна-Виктуар-Аделаида Герберт, была англичанкой ⁵³⁹. В отличие от некоторых историков, упоминающих удаление Флери от двора и его смерть в 1810 году ⁵⁴⁰, маркиз де Бомбель указывает на то, что в 1796 году герцог с успехом исполнял свою роль церемониймейстера ⁵⁴¹.

Другой представитель двора в изгнании, Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф де Ла Ферроне, прибыл в Митаву в возрасте 21 года, и был земляком Шатобриана, родившись, как и он, в Сен-Мало. В отличие от большинства его сверстников-эмигрантов, ему необычайно повезло в глазах русской публики. Дело в том, что он не был служителем Людовика XVIII как таковым: сначала он воевал в армии Конде, а потом присоединился к герцогу Беррийскому. Некоторое время этот человек пробыл в Санкт-Петербурге (с 1797 по 1801 годы), пока вместе со своим покровителем не отбыл в Лондон. После возвращения во Францию Ла Ферроне делает дипломатическую карьеру: в частности, в 1819 году вновь возвращается в Россию, где прослужит до 1828 года. Будучи доверенным лицом Николая I, он свободно общается с самодержцем всероссийским на тему французского

⁵³⁷Cooper, D. Talleyrand. L., 2001. P. 209.

⁵³⁸Lever, É. Op. cit. P. 273.

⁵³⁹Brotonne, L. de. Les sénateurs du Consulat et de l'Empire. Tableau historique des pairs de France (1789 – 1814 – 1848). Les sénateurs du Second Empire. Genève, 1974. P. 76.

⁵⁴⁰Dratwicki, B. Antoine Dauvergne (1713-1797). Une carrière tourmentée dans la France musicale des Lumières. Wavre, 2011. P. 81, 472.

⁵⁴¹Bombelles, Marquis de. Journal. T. V. 1795-1800. Genève, 2002. P. 82.

разделяет⁵⁴². консервативного правительства, взгляды которого не вспоминала Александра Осиповна Смирнова-Россет, «государь сожалел об отъезде Ла-Фероне; он охотно беседовал с ним; после Мортемара он был наиболее симпатичным. <...> Великий князь рассказывал мне, что Коленкур пользуется большим успехом у женщин. Мортемар и Ла-Фероне были менее блестящи, совсем в другом роде, это были люди хорошего тона, очень искренние, чего нельзя сказать о Коленкуре» 543. Таким же путем, как и Ла Ферроне, следовали многие другие молодые приближенные Людовика XVIII, такие, как граф де Блакас. Ибо, как сообщал сам граф, в изгнании «у нас не было другого поля битвы, кроме наших ссор и мелких стычек из-за места за обеденным или игорным столом короля 544 .

Иная судьба была у женщин. Герцог де Грамон и де Гиш, Антуан-Луи-Мари, «дворянин в услужении» у Людовика XVIII (должность хоть и почетная, но с довольно неопределенными обязанностями), а также зять самой Иоланды де Полиньяк, муж ее дочери Аглаи, которую по мужу звали «Гишеттой» 545, хороший знакомый портретистки Виже-Лебрен, протеже Полиньяков 546, был отцом троих детей. Старшая, Коризанда, стала женой английского лорда Танкервилля, сын и наследник, Эраклиюс, был адъютантом претендента во второй митавский период, а средняя дочь, Аглая, оставила свой след в русской культуре. В конце 1804 547 она вышла замуж за кавалергардского полковника Александра Львовича Давыдова, участника войны 1812 года, который более известен был своим сибаритским образом жизни, женой и гурманством 548. Как именно состоялся этот брак, неизвестно за малым количеством письменных источников, но то, что для Аглаи этот брак был одним из немногих возможностей вырваться из круга двора в изгнании, который к тому же страдал от ограниченного бюджета. В таком

⁵⁴²Мильчина, В. Николай I и французская внутренняя политика эпохи Реставрации: два эпизода./Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 122-125.

⁵⁴³Смирнова-Россет, А. О. Записки. М., 2003. С. 47.

⁵⁴⁴Lever, É. Op. cit. P. 301.

⁵⁴⁵Фрэзер, А. Указ. соч. С. 237.

⁵⁴⁶Sheriff, M. D. The Exeptional Woman: Elisabeth Vigée-Lebrun and the Cultural Politics of Art. Chicago, 1997. P. 283.

⁵⁴⁷Данилова, А. Указ. соч. С. 556.

⁵⁴⁸Бондаренко, А. Ю. Указ. соч. С. 42.

положении изгнанников виновен был заговор Пишегрю и Кадудаля, вызвавший волну репрессий во французском обществе и укрепление личной власти Наполеона⁵⁴⁹. Собственно, Давыдов остался в памяти историков как кузен поэтапартизана Дениса Васильевича Давыдова и близкий знакомый Пушкина. О его семейной жизни современники вспоминали, что «Пушкина и Давыдова, помимо литературных интересов, связывали также общие воспоминания о пребывании в Каменке (Киевской губернии), имении Александра Львовича Давыдова, к жене которого, Аглае Антоновне, оба они были неравнодушны и оба же посвящали ей свои восторженные стихотворения» ⁵⁵⁰. Существуют, правда, опровержения этой версии: как полагают, включение Давыдовой-Грамон (в русской традиции обычно Давыдова-Граммон, но роды Грамон⁵⁵¹ и Граммон⁵⁵² не состояли в родстве) в «донжуанский список» Пушкина и последующие стихи вроде «Кокетке», «Иной имел мою Аглаю» и франкоязычный «A son amant Eglé sans résistance» имели причиной «напускной цинизм» 553. Как бы то ни было, уже в 1820-е годы Аглая уезжает границу, где после смерти Давыдова становится женой наполеоновского генерала корсиканца Себастиани.

Документы личного происхождения и делопроизводственные бумаги, а также законодательные акты, касающиеся двора в Митаве, показывают, что жизнь и деятельность Людовика XVIII была далека от стереотипного представления о правителе, «который ничего не забыл и ничему не научился», а сами эмигранты — от пользующихся российским пансионом надменных сеньоров былых времен. Возможно, они бы и смогли проявить бурную политическую и агитационную деятельность, как это было, например, в Англии, где граф Артуа пользовался поддержкой короля и парламента. К несчастью для верных Бурбонам легитимистов — и к определенному благу для России — Павлу I были нужны не

⁵⁴⁹Зотов, А. В. Указ. соч. С. 225-226.

⁵⁵⁰Жерве, В. В. Поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности 1784-1839 гг. СПб., 1913. Цит. по: Бондаренко, А. Ю. Указ. соч. С. 240.

⁵⁵¹Dictionnaire universel et classique d'histoire et de geographie... T. II. Bruxelles, 1853. P. 479-480.

⁵⁵²Madden, R. R., M. R. I. A. The Literary Life and Correspondence of The Countess of Blessington. By R. R. Madden, M. R. I. A. Author of "Travels in the East", "Infirmities of Genius", "The Musulman", "Shrines and Sepulchres", "The Life of Savonarola", etc. 2nd ed. Vol. I. L., 1855. P. 346-350.

⁵⁵³ Гофман, М. Драма Пушкина. Из наследия пушкиниста-эмигранта. М., 2007. С. 91.

Бурбоны, а сами эмигранты, и не в Митаве, а на его службе. Пресловутый «рыцарский дух» императора простирался на область своих национальных интересов, для которых приобщение французских роялистов (служивших скорее идее монархии, чем конкретному правителю), должно было стать актом как образования в нужном духе русского общества, так и пропагандой своего образа правления и решения внешнеполитических задач. Ошибка императора состояла в том, что данный план держался только на его личной политической системе, в которую были посвящены лишь немногие русские и французы. И эти последние, самые деятельные и образованные среди своих соотечественников, слишком хорошо знавшие самодержца, зачастую не были сторонниками ни Бурбонов, ни Романовых, а Наполеона, что не могло не быть известным как Людовику XVIII, действовавшему на собственный страх и риск, так и ставленнику Англии графу д'Артуа.

2. 2. Социально-политический состав эмиграции в условиях государственного контроля

Как уже было упомянуто, Людовик XVIII, в отличие от обоих своих братьев, обладал литературным и несомненным полемическим даром. Возможно, именно инспирированным им и Артуа манифестом герцога Брауншвейгского Людовик XVI обязан потерей своего трона и самой жизни⁵⁵⁴. С тех пор многое изменилось: покойного брата больше не было, равно как и его сына, рядом с претендентом находились «тампльская сирота» и аббат Эджворт, которые морально «легитимизировали» его права на трон. Находящийся в Англии граф д'Артуа был в более выигрышном положении: во-первых, он был относительно свободен и пользовался поддержкой двора, во-вторых, чисто внешне он выигрывал, поскольку был здоров, энергичен и не страдал подагрой, мешавшей ему сидеть в седле. Как ни странно это звучит, но такие незначительные факторы

⁵⁵⁴Decherf, D. Jacques Bainville: la Révolution française n'a pas eu lieu.//Le livre noire de la Révolution française. P., 2008. P. 695.

усиливали популярность младшего брата среди тех, кто не знал графа Прованского.

В июле 1799 года Людовик XVIII написал свое первое письмо генералу Бонапарту. Согласно воспоминаниям графини дю Кайла, фаворитки Людовика XVIII во время Второй реставрации, король неоднократно говорил своему секретарю Бурьенну, бывшему когда-то секретарем Первого консула, что он знает о том, что именно Бурьенн правил письма Наполеона. На что Бурьенн подобострастно ответил, что «Наполеон действительно давал мне такую работу, поскольку он вообще не знал орфографии <...> Да, сир, его голова была из самых невосприимчивых к правилам грамматики, что отразилось в его туманном и обтекаемом стиле, а также в любви к напыщенным фразам и стихам Оссиана»⁵⁵⁵. Приходится признать, что тут король в изгнании затмил будущего императора, ибо письмо от 20 февраля 1800 года (по новому стилю) гласило: «Победитель при Лоди, Кастильоне и Арколе, завоеватель Италии и Египта не может предпочесть славе дешевую популярность... Генерал, Европа смотрит на вас, слава вас ожидает, и я горю от нетерпения восстановить мир в моей стране»⁵⁵⁶. Это проникновенное послание было отослано к третьему консулу Лебрену, что позволило пока что избежать огласки.

Наполеон Бонапарт ответил 7 сентября 1800 года, поблагодарив претендента за «множество лестных слов», которыми тот его удостоил, прибавив: «Вы бы не захотели возвращаться во Францию, поскольку ваше приезд стоил бы ей около 100 000 трупов» 557. Впрочем, само существование данного письма подвергается сомнению; несомненным является то, что Наполеон написал претенденту в 1803 году, когда тот уже был в Варшаве 558. Согласно воспоминаниям самого Бурьенна, существовало еще письмо короля от 20 февраля 1800 года, где говорилось примерно следующее (секретарь не отвечает за точное воспроизведение): «Спасите Францию от насилий, которые она над собой

⁵⁵⁵Mémoires d'une femme de qualité sur Louis XVIII, sa Cour et son regne. T. IV. P., 1830. P. 400-401.

⁵⁵⁶Lever, É. Op. cit. P. 254.

⁵⁵⁷A Selection from the Letters and Despatches of the First Napoleon. Cambridge University Press, 2010. P. 323. ⁵⁵⁸Ibid

учинила, и вы исполните первое мое желание... Дайте ей короля, и будущие поколения благословят вашу память. Вы навсегда останетесь важнейшим человеком в государстве, и я и моя семья будем вечно перед вами в долгу» Согласно тому же Бурьенну, первое процитированное нами письмо (со словами о «победителе при Лоди, Кастильоне и Арколе» и «генерал, Европа смотрит на вас») было вторым, и написано оно было уже значительно позднее – именно на него Наполеон соблаговолил ответить упоминанием о «ста тысячах трупов» Как вспоминал сам Бурьенн, Наполеон всегда спрашивал у него совета по поводу грамматических правил, но стиль его, в отличие от верноподданного отчета королю и его фаворитке не был ни патетическим, ни туманным – он был оскорбительным.

Согласно Бурьенну, в первом варианте ответа, написанном лично первым консулом, содержалось следующее: «Я сочувствую несчастью вашей семьи и буду рад узнать, что именно я послужил причиной вашей мирной жизни в изгнании». Наполеон, будучи неуверенным в своих способностях (что весьма сомнительно для человека, занимавшегося литературой и писавшего отчеты о своем пребывании в Египте для французских газет, которые во многом обеспечили его популярность по возвращении 561, что заставляет вспомнить опыт столь любимого им Цезаря) обратился к верному секретарю за советом. Старый приятель Наполеона по Бриеннской военной школе, прошедший к тому времени дипломатическую выучку в Штутгарте, не растерялся. Он предложил повелителю написать более грамотно; когда письмо было отослано Бурбонам, оно содержало следующие слова: «Я сочувствую несчастьям вашей семьи, и мне радостно было узнать, что ныне вы окружены всем потребным для мирного пребывания в изгнании» Неизвестно, что сказал бы об этом письме фальсификатор «Песен Оссиана» Джеймс Макферсон, но сам тон и стиль

⁵⁵⁹Fauvelet de Bourrienne, L. A. Memoirs of Napoleon Bonaparte. Wildside Press LLC, 2010. P. 375.

⁵⁶⁰Ibid. P. 376.

⁵⁶¹Иванов, А. Ю. Указ. соч. С. 33.

⁵⁶²Голдсуорси, А. Юлий Цезарь. М., 2007. С. 227-232.

⁵⁶³Fauvelet de Bourrienne, L. A. Op. cit. P. 376.

исправленной версии более туманен и услужлив, чем прямолинейный оригинал, напоминая скорее осторожные выражения аристократов Старого режима вроде Талейрана, с которым Людовику XVIII тоже пришлось переписываться. К несчастью лично для Людовика — и к новым приключениям для королевской семьи — претендент не думал удовольствоваться столь вежливым ответом. Отныне его невольным корреспондентом должен был стать сам Павел I.

Дело в том, что до претендента дошли слухи о возможной коронации Наполеона Бонапарта как выборного короля Польши, что его крайне возмутило. Неизвестно, как обстояли дела с приглашением первого консула на царство в 1801 году: Павел I был его союзником и не допускал мысли о дележе Польши (хотя и сочувствовал польским патриотам, например, Костюшко, которого он освободил из-под домашнего ареста в некоем дворце⁵⁶⁴, который обычно идентифицируют как Мраморный)⁵⁶⁵, но определенные настроения на этот счет существовали. Так, польский офицер армии Наполеона Ян Якуб (Джон Джейкоб) Лехмановский, эмигрировавший в Америку, писал, что Наполеон «любил Польшу, и, если бы во время своей второй борьбы за власть он возглавил войска моей столь преданной ему родины, то, можно не сомневаться, Варшава была бы взята. Нет, куда там Варшава! И Москва бы тоже не устояла, сполна вкусив заслуженного ею отмицения»⁵⁶⁶.

Но дело было не только в том, что Наполеон был узурпатором – хотя к тому моменту он еще не успел стать императором – дело было в том, что Людовик XVIII был правнуком Станислава Лещинского, что автоматически делало его правомочным вмешиваться в дела своих «наследственных земель». Претендент выражал свое недовольство прямым и недвусмысленным образом ⁵⁶⁷, особенно после того, как император велел передать графу де Караману, что претенденту лучше оставаться в Митаве как частному лицу. Тем не менее,

⁵⁶⁴ Чарторижский, А. Указ. соч. С. 108-110.

⁵⁶⁵Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2005. С. 158.

⁵⁶⁶Lehmanowsky, J. J. History of Napoleon, Emperor of the French, King of Italy, &c. &c. By J. J. Lehmanowski, Formerly Commander of a Regiment of Polish Lancers in the Body Guard of Napoleon, and Member of the Legion of Honour, &c., &c., &c. Washington, 1832. P. 10.

⁵⁶⁷Lever, É. Op. cit. P. 261.

Людовик XVIII выразил желание направить в Петербург какое-либо другое лицо, если Павел I подозревает Карамана в связях с Пруссией (одно время граф проживал там)⁵⁶⁸, возможно, даже упомянутого выше Огюста де Ла Ферроне, который мог бы договориться... о браке великой княжны Анны Павловны с герцогом Беррийским⁵⁶⁹. Все это, естественно, не могло понравиться императору, так что вопрос о перемене места жительства Бурбонов фактически оставался делом решенным: уже 14 января 1801 года претенденту было предложено уехать, а 22 числа того же месяца местом пребывания была выбрана столь любимая Людовиком XVIII Польша.

Можно сказать, что именно горячность претендента и нежелание мириться с существующим положением вещей сделали свое дело в изгнании Бурбонов из Курляндии на время столь короткого союза Павла I и Наполеона Бонапарта. Но был ли сам Наполеон заинтересован в удалении Людовика XVIII, и мог ли Павел I хоть как-то повлиять на ситуацию? До 1802 года активность роялистов была относительно низкой, если не считать «адской машины» на улице Сен-Никез, которую официально было предписано считать следствием заговора якобинцев, поскольку, по мнению большинства историков, в то время Наполеону, стремившемуся к умеренности⁵⁷⁰, было выгодней начать с самого радикального из своих противников 571. С роялистами было вполне возможно договориться: хотя заговорщики и шуаны, по словам министра полиции Фуше, «открыто проявляют себя в департаментах, обещают уничтожить республику, и крайне привержены Людовику XVIII»⁵⁷², они не принимали прямых указаний от претендента. Они даже были согласны на содействие наиболее значимых лиц из республиканской Mopo⁵⁷³. армии, являвшихся монархистами, как, например, генерал Неопределенность собственной позиции, а также победоносная

⁵⁶⁸Daudet, E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. T. III. Du dix-huit brumaire a la Restauration. P., 1907. P. 151.

⁵⁶⁹Ibid. P. 508.

⁵⁷⁰Gueniffey, P. Op. cit. P. 469-472; Тюлар, Ж. Указ. соч. С. 105-107; Тарле, Е. В. Наполеон. М., 2010. С. 99-103.

⁵⁷¹Englund, S. Napoleon: A Political Biography. N. Y., 2004. P. 212.

⁵⁷²M<artel>, M. A. de. Étude sur l'Affaire de la machine infernale du 5 nivose an IX. P., 1870. P. 32.

⁵⁷³Ibid. P. 151.

готовность идти на уступки по отношению к собственности «бывших» были бы для первого консула более чем выигрышной мерой. И только настойчивые личные письма и недвусмысленно высказываемые требования графа Лилльского стали неожиданной проблемой для «Генерала Брюмера». Для самого Наполеона Бурбоны являлись нежелательным элементом, который мог бы прийти к власти исключительно из-за иностранного вмешательства⁵⁷⁴, а мадам де Сталь прямо заявил, что он не Людовик XVI и терпеть ее не намерен⁵⁷⁵. Однако Наполеон понимал, что именно заставляет претендента писать свои послания, воззвания и прокламации: популярность у него была несравненно ниже, чем у того же графа д'Артуа или у молодого герцога Энгиенского; именно этой популярностью и харизмой молодого и не запятнавшего себя никакими проступками человека последний и был обязан своей гибели. Характер эпохи выражался в том, что даже роялистам было свойственно испытывать колебания в законности прямого порядка престолонаследия, что было связано с кризисом идеи и революционным идеалом героизма.

Именно с этого времени Наполеоном постепенно овладела идея «легитимизации» собственной власти, заключавшаяся как создании собственного подобия Версаля, но ориентированного на героические идеалы античности 576, а также собственного корпуса дворянства, нового и старого, справедливо наделенного землями за пределами Франции 577. Первым символом возвращения к Старому режиму, как вспоминает Ремюза, был траур по умершему 2 ноября 1802 года от лихорадки генералу Шарлю Леклерку⁵⁷⁸, который был не только сослуживцем Наполеона и одним из лучших генералов Республики, но и мужем Полины Бонапарт. Несмотря на то, что двор первого консула фактически получил свое начало в 1802 году, уже после смерти Павла I, и был создан с пропагандистскими целями, связанными \mathbf{c} созданием марионеточного

⁵⁷⁴The Napoleon Anecdotes: Illustrating the Mental Energies of the Late Emperor of France, And the Characters and Actions of His Contemporary Statesmen and Warriors. Vol. III. L., 1823. P. 9.

⁵⁷⁵Тарле, Е. В. Наполеон. С. 99. ⁵⁷⁶См. Приложение 3, с. 255, илл. 7-8. Ср. с иконографией монет при Людовике XVIII (Вторая реставрация). – илл.

⁵⁷⁷Придворная принадлежность наполеоновского дворянства. См. Приложение 3, с. 253, Илл. 1-3. ⁵⁷⁸Мемуары госпожи Ремюза. С. 95.

Королевства Этрурия⁵⁷⁹, находившегося под властью Бурбон-Пармской династии, определенные шаги в этом направлении были положены гораздо раньше. Сначала были вызваны такие люди, как тайная жена герцога Орлеанского мадам де Жанлис, не только учительница этикета для Полины Бонапарт⁵⁸⁰, но и шпионка⁵⁸¹, мадам Кампан, воспитательница всех сестер Наполеона и его брата Жерома⁵⁸², а также Талейран. Со своей стороны, у Павла I тоже был собственный проект преобразования двора и общества, вступивший в силу на других основаниях и по другому поводу.

18 ноября 1799 года граф Ростопчин известил губернатора Дризена о том, что к нему с той же эстафетой должен прийти «пакет, адресованный Е. В. Королю Французскому, содержащий верховный указ, подписанный Е. И. В. Императором, который дарует Королю степень Большого Креста Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, вместе со знаками сей степени» 583. Кроме того, Ростопчин велел Дризену самому вручить награду и сообщить о реакции Людовика XVIII. Дризен сообщил, что получил пакет уже 24 ноября и «не замедлил вручить сей пакет Его Величеству, который изъявил горячую радость при его виде и орошил слезами знаки сего достоинства [или же «выразил радость при узнавании», «penetré de joie de reconnaissance»] Само пожалование претенденту состоялась из Гатчины - месте пребывания приора Мальтийского ордена принца Конде, который, тем не менее, там никогда не был. Как свидетельствует дневник воспитателя цесаревича Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина, с малых лет император увлекался игрой в мальтийских рыцарей вместе с Куракиным 585; впрочем, он проявлял также живой интерес и к

⁵⁷⁹Thiers, A. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. II. Lauzanne : A Haubenreuser, 1845. P. 90-92.

⁵⁸⁰Craveri, B. Mme de Genlis et la transmission d'un savoir-vivre.//Madame de Genlis. Littérature et éducation. Universités de Rouen et du Havre, 2008. P. 127.

⁵⁸¹Талейран. Указ. соч. С. 171.

⁵⁸²The Private Journal of Madame Campan, Comprising Original Anecdotes of the French Court; Selections from Her Correspondence, Thoughts On Education, &c., &c. L., 1825. P. 9-10.

⁵⁸³LVVA, 412 f., 1 apr., 22. (16) lieta, 25 lp.

⁵⁸⁴LVVA, 412 f., 1 apr., 22. (16) lieta, 26 lp.

⁵⁸⁵Боханов, А. Н. Указ. соч. С. 265-266.

самой католической церкви и ее внутренним делам⁵⁸⁶. Позднее сам император говорил неаполитанскому послу герцогу ди Серракаприола, что считает себя католиком большим, нежели сам папа⁵⁸⁷. Тем самым он показывал, что сама организация Российского приората основана на более строгих началах, чем во время подчинения папскому престолу. Какую же роль в этом новом учреждении играли французские эмигранты?

Как пишет любимый автор юного цесаревича, аббат Верто, в своей «Истории мальтийских рыцарей», тесное сотрудничество Ордена святого Иоанна Иерусалимского с французской короной началось после процесса тамплиеров⁵⁸⁸, в качестве своеобразной замены, к тому же большинство великих магистров были французами, включая основателей ордена Жерара Тена и Раймона де Пюи. К XVIII веку облик мальтийских рыцарей как защитников веры несколько потускнел: так, Ян Потоцкий, сам бывший иоаннит, посвятил несколько сатирических страниц «Рукописи, найденной в Сарагосе» повседневной жизни рыцарей, проводящими жизнь как обыкновенные аристократические либертины, в «галантных» приключениях и дуэлях⁵⁸⁹. Но на совести мальтийцев были и другие грехи: например, занятия алхимией у гроссмейстера Мануэля Пинто да Фонсека (1741-1773), а также покровительство розенкрейцерам⁵⁹⁰. Все это не могло не привести к потере популярности рыцарей среди дворов Европы, сделавшихся чем-то вроде светских аббатов – людей, учившихся в семинарии и принявших духовный сан, но никогда непосредственно не бывших священниками. По справедливому замечанию Наполеона, Мальтийский орден был «учреждением праздности младших отпрысков ДЛЯ поддержания нескольких привилегированных семейств»⁵⁹¹. В свое время сам император узнал о проблемах Ордена от поселившегося в 1784 году в Полоцке иезуита Габриэля Грубера, «одно

⁵⁸⁶Семена Порошина записки, служащия к истории Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 55.

⁵⁸⁷Винтер, Э. Папство и царизм. М., 1964. С. 203.

⁵⁸⁸Vertot, abbé de. Histoire de l'ordre des chevaliers de Malte. T. II. A Paris, M D CCC XIX. P. 117-118.

⁵⁸⁹Потоцкий, Я. Указ. соч. С. 563-567.

⁵⁹⁰ Морозова, Е. В. Калиостро. С. 37-41.

⁵⁹¹Цит. по: Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. М., 2012. С. 92.

из первых агентов по воссоединению с Францией» ⁵⁹², который стал инициаторов первых российских пансионов «святых отцов» в Вильне, Орше и других городах. С ним же была связана организация монастыря визитадинок в Вильне, аббатисой которого была дочь Конде Луиза-Аделаида, известная в России как сестра Мари-Жан⁵⁹³. То, что в результате сам Луи-Жозеф стал приором Мальтийского ордена, доказывает его тесную связь как с иезуитами, так и с многочисленными новыми католическими течениями – салезианцами и траппистами, стремившихся к духовному просветлению на мистических основах. Неизвестно, когда Павел I задумался о привлечении собственно рыцарей на свою службу: возможно, первый контакт с иоаннитами состоялся в Острожском майорате 594. Возможно, первый разговор великого князя относительно судьбы мальтийцев состоялся во время путешествия графа и графини Северных по Европе в 1782 году, в частности, посещение в мае этого года папы Пия VI, о чем позднее он поведал герцогу Серракаприола, исполнявшему также миссии папского двора 595. Тем не менее, начало было положено в октябре 1795 года, еще при жизни Екатерины II, когда в Петербург приехал посол Ордена Джулио Ренато Литта⁵⁹⁶. Первый шаг был закономерно сделан итальянцами, поскольку французы – не все, но определенная часть – были готовы перейти под знамя Французской республики.

Наполеон, имевший в среде иоаннитов своих сторонников, наладил связи и с масонской ложей, существовавшей на острове с 1750 года, в результате чего гроссмейстер фон Гомпеш вынужден был сдать остров противнику — возможно, он был устрашен превосходящей силой, но даже это не смогло спасти его от обвинений в продажности ⁵⁹⁷. Официальным поводом для упразднения Мальтийского ордена, по воспоминаниям Наполеона, было то обстоятельство, что «из семи «языков», составляющих орден святого Иоанна Иерусалимского, три были французскими. Не имея возможности признать существование в своих

⁵⁹²Prigaud, L. Op. cit. P. 225.

⁵⁹³Ibid. P. 226.

⁵⁹⁴См. Приложение 1, статья «Острожские».

⁵⁹⁵Зубов, В. П. Павел І. СПб., 2007. С. 39-41.

⁵⁹⁶ Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. С. 110.

⁵⁹⁷Захаров, В. А. Император Всероссийский Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. СПб., 2007. С. 97-98.

владениях ордена, основанного на преимуществах, даваемых происхождением, республика его упразднила, присоединила его владения к владениям других духовных орденов, а рыцарей зачислила на пенсию»⁵⁹⁸. То есть фактически рыцари были переведены на положение отказавшихся от своих убеждений священников времен диктатуры якобинцев; правда, в отличие от них, мальтийцы не имели ни места проживания, ни собственного хозяйства в самой Франции, как у мелких деревенских кюре, их имущество было общим и подлежало секвестру⁵⁹⁹. То, что рыцари обратились за помощью именно к Павлу I, было вполне разумной и законной мерой – фактически орден являлся самостоятельным государством, который мог лишиться своих владений во Франции, так же, как папский престол лишился Авиньона. Даже Робеспьер призывал отменить уголовное преследование виновников октябрьской резни 1791 года на бывшей папской территории, как не подлежащее французской юрисдикции 600, и рыцари, таким образом, тоже могли быть причислены к иностранным гражданам. Далее Наполеон пишет, что «решающим для судьбы ордена явилось то, что он отдался под покровительство императора Павла - врага Франции. Был создан православный приорат, что оскорбляло римско-католическую религию и клир... Ища покровительства на севере, орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга» 601. Однако к моменту захвата Мальты Наполеоном дела обстояли гораздо сложнее.

Первый из серии указов, посвященных Мальтийскому ордену, от 8/16 января 1797 года, говорит только о том, что «Его Величество Император Всероссийский... признает за благо, подтверждает и ратифицирует за себя и Преемников Своих в вечныя времена, во всем пространстве и торжественнейшим

⁵⁹⁸Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2012. С. 14.

⁵⁹⁹L'apostasie trainee à la barre de la Convention nationale. (Séance du 17 brumaire an II (7 novembre 1793) //Moniteur du 20 brumaire an II (30 novembre 1793).//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 831-836.

⁶⁰⁰Робеспьер, М. Соображения об одной из главных причин наших бедствий.//Робеспьер, М. Избранные произведения в 3 тт. Т. І. М., 1965. С. 270-271.

⁶⁰¹Наполеон Бонапарт. Указ. соч. С. 15.

образом заведение помянутаго Ордена в Своих владениях»⁶⁰², а также деньги, выдаваемые на его содержание и установления Великого приорства Российского – пока только для «Римско-Католического Дворянства Российской Империи» 603. Дополнительные статья от 17 (28) ноября 1797 года предписывает создание трех командорств для «Конвентуальных Капелянов»: «по примеру того, что заведено в других Великих Приорствах, был и в Великом Российском Приорстве Конвентуальный Капелян родом Мальты, котораго ИЗ знаменитейших фамилий, оказавших услуги Ордену» 604. И только после взятия Мальты Наполеоном 10-12 (21-23) июня на пути в Египет, Павел I решился на тот шаг, который «оскорбил» католическую церковь: он принял манифест «О установлении в пользу Российского дворянства ордена Святого Иоанна Иерусалимского» от 29 ноября (10 декабря) 1798 года, где прямо указывалось «новое заведение ордена Святаго Иоанна Иерусалимскаго в пользу благороднаго дворянства Империи Всероссийской» 605. Чуть позднее, 21 декабря 1798 года, Павел I стал не только покровителем Ордена, но и великим магистром. Кроме того, Мальта де юре была объявлена провинцией Российской империи 606, а ее комендантом, который вскоре должен был восстановить рыцарей на их назначен генерал-майор Михайлович территории, был князь Дмитрий Волконский 607. Стоит отметить, что великим приором Российско-католического приората был назначен Конде, который даже получил постоянную резиденцию – «дом у Синего моста, бывший графа Чернышева, и на коем написано было: Hôtel $Cond\acute{e}$ » Самому же Людовику XVIII, так и не увидевшему самодержца всероссийского, пришлось просить о пожаловании ему мальтийского креста, а для

⁶⁰²Конвенция, заключенная с Державным Орденом Мальтийским и Его Преимуществом Гроссмейстером, - об установлении сего Ордена в России.//Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXIV. СПб., 1830. С. 262.

⁶⁰³Там же. С. 265.

⁶⁰⁴Прибавочная статья Конвенции, заключенной Полномочными Его Величества Императора Всероссийскаго и Полномочным Державнаго Мальтийскаго Ордена и Его Преимущества Грос-Мейстера в С. Петербурге Генваря 4/16 дня 1797 года.//Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXV. СПб., 1830. С. 802.

⁶⁰⁵Манифест. – О установлении в пользу Российскаго дворянства ордена Святаго Иоанна Иерусалимскаго.// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXV. СПб., 1830. С. 455.

⁶⁰⁶Выскочков, Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 163.

⁶⁰⁷Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. С. 208.

⁶⁰⁸Комаровский, Е. Ф. Записки.//Державный сфинкс. М., 1999. С. 52.

герцога Беррийского — Великого приорства Французского⁶⁰⁹. Потом состоялся и обмен орденами первого класса, так как претендент являлся великим магистром объединенных орденов Богоматери горы Кармелитской и Святого Лазаря Иерусалимского⁶¹⁰, который являлся французским династическим отличием⁶¹¹.

Все эти и многие другие сведения Наполеон получал от своих агентов, связанных с мальтийскими рыцарями. Сам император не состоял в масонской ложе и считал деятельность масонов скорее вредной, но - на территории Французской империи, что не помешало ему в свое время организовать 18 марта 1808 года церемонию восстановления Ордена Храма в парижском храме Святого Павла⁶¹². В других государствах, в частности, на Мальте им использовались местные масоны, в основном французы по происхождению. В частности, французские исследователи считают, что Наполеон был «великим покровителем масонства», что якобы доказывают его установления о разводе в гражданском кодексе, создание всеобщей воинской повинности и восхищение, которое к его памяти питали многие известные масоны⁶¹³. Одним из его масонских соратников обычно называют ученого-экономиста Жана-Батиста-Этьена Пуссьельга (1764-1845). А. В. Захаров недвусмысленно пишет о нем: «Наполеон действительно отправил в декабре 1797 г. на Мальту под видом ученого Этьена Пуссьельга известного масона. На Мальте Пуссьельг получил от командора Доломье список недовольных рыцарей, в основном из французского ланга, являвшихся членами масонской ложи, возникшей в орденской среде еще в 1750 r. 614 .

Тем не менее, Этьен Пуссьельг действительно был ученым, автором книги «О финансах Франции в 1817 году, о распределении земельного налога и о кадастре». На титульном листе этого труда указан полный титул автора: «Кавалер

⁶⁰⁹Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. С. 197.

⁶¹⁰ Захаров, В. А. Император Всероссийский Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. С. 123.

⁶¹¹Акунов, В. В. История военно-монашеских орденов Европы. М., 2012. С. 304-305.

⁶¹²Там же. С. 221-224.

⁶¹³Kupferman, L., Pierrat, E. Op. cit. P. 115, 136, 168-170.

⁶¹⁴Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. С. 203; Захаров, В. А. Император Всероссийский Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского. С. 97.

королевского ордена Почетного легиона, генеральный инспектор финансов, бывший генеральный администратор финансов и член Института Египта». Кроме того, автор книги пользовался покровительством герцога Орлеанского и принца Конде 615 . В 1801 году он был известен как автор книги «О природе налогов» и личный финансовый советник Наполеона; как сообщает виконт де Конни, «секретарь французского посольства в Генуе, человек умелый, обладающий обширными знаниями в области коммерции, финансов и политики, а также лично связанный с генералом Бонапартом» 616. Сам Пуссьельг имел родственников на острове, в том числе Антуана Пуссьельга, коменданта порта Ла-Валлетты⁶¹⁷. Командор Доломье, к которому приехал Пуссьельг, также был ученым: если судить по номеру «Меркюр де Франс» от 4 октября 1783 года, он занимался климатологией и был членом-корреспондентом Академии наук⁶¹⁸. Как утверждает Захаров, послу Ордена Джулио Рене (Ренато) Литте, более известному в России как граф Юлий Помпеевич Литта, мужу Екатерины Васильевны Скавронской с 1798 года и отчиму Екатерины Павловны Багратион, богатейшему российскому вельможе⁶¹⁹, не удалось раскрыть масонский след в деле о сдаче Мальты⁶²⁰. Согласно тому же автору, «масоны убили Павла I и оклеветали его память» 621, о чем Захаров писал далее, приводя сведения из книги В. Ф. Иванова «Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней», которая вышла первым изданием в Харбине еще в 1934 г.» 622. Но нельзя отрицать того, что рыцари французского происхождения служили императору именно как гроссмейстеру Мальтийского ордена, что отвечало его стремлению укрепить международную

⁶¹⁵Poussielgue, J.-B.-E. Des finances de la France en 1817, des répartitions de la contribution foncière, et du cadastre. P., 1817, P. I-II.

⁶¹⁶Notice sur l'occupation de Malte en 1798, par l'armée française. Réponse à une assertion avancée par M. de Conny dans son Histoire de la Révolution Française. P., 1843. P. 20.

⁶¹⁷Ibid P 20-21

⁶¹⁸Voyage aux Isles de Lipari fait en 1781, ou Notices sur les Iles Æoliennes, pour servir à l'Histoire des Volcans; sivi d'un Memoire sur une espèce de volcan d'air, & d'un autre sur la température du climat de Malte, & sur la difference de la chaleur reelle & chaleur sensible.//Mercure de France. Samedi 4 Octobre 1783. P. 127-134.

⁶¹⁹Данилова, А. Указ. соч. С. 237-250.

⁶²⁰Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. С. 203.

⁶²¹Там же. С. 118.

⁶²²Там же.

репутацию Российской империи в мире и заявить свои права на территории Средиземноморья.

Если не вдаваться в дискуссии о том, был ли сам Павел масоном в бытность свою цесаревичем⁶²³, а также о принадлежности к масонскому движению его убийц, в слежке за императором Всероссийским Наполеон сделал ставку не на масонов и не на мальтийцев, а на светских дам, как личностей, менее всего вызывающих подозрение. Из числа этих женщин наибольшей известностью пользуются две: певица мадам Шевалье и женщина неопределенных занятий Каролина де Боннейль. Относительно биографии первой нам известно гораздо больше, хотя сведения эти отличаются запутанностью и противоречивостью; вторая больше известна своей миссией в России, относительно конкретных данных ее жизни до и после шпионажа историки расходятся во мнениях. Тем не менее, у них было много общего: обе были агентами Наполеона и соперницами на этом поприще. Сама идея женской агентуры не была чем-то новым: достаточно вспомнить, что одну из фавориток Карла II Стюарта, Луизу де Керуаль (1649-1734), считали шпионкой на службе Людовика XIV, это обстоятельство породило не только целую волну пьес, памфлетов и сатирических поэм, так и недовольство французами в английском обществе 624. Утверждают, что агенты на службе Франции набирались преимущественно министром полиции Жозефом Фуше⁶²⁵, а Наполеон не занимался непосредственной вербовкой, что не является истиной в отношении известных фигуранток внешнеполитических дел. Как заявляли фальшивые мемуары императора, опубликованные в Лондоне в 1815 году, «министерство полиции имело также и другие сети, которых было трудно избежать, поскольку ни один человек, даже самый осторожный, не смог бы даже заметить их. Это касалось, например, клуба лиц обоего пола, который Буонапарте шутливо называл «Отряд Цитереи»; все, что могли произвести молодость,

⁶²³Вернадский, Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 38-42; Пыпин, А. Русское масонство в XVIII-м веке.//Вестник Европы. Второй год. – Том IV. Декабрь. СПб., 1867. Ч. VII. С. 2.; Буторов, А. В. Указ. соч. С. 89-93.

⁶²⁴Pincus, S. The English debate over universal monarchy.// A Union for Empire: Political Thought and the British Union of 1707. New York, Cambridge University Press, 2006. P. 46-47.
⁶²⁵Иванов, А. Ю. Указ. соч. С. 205.

красота, манеры и светские таланты среди наиболее соблазнительных образцов каждого пола, состояло в этом обществе. Красивые мужчины, ангельские женщины, значительная часть которых потеряла свое благосостояние, известные щеголи – или же просто одержимые жаждой денег, они соглашались, не краснея, на ужасные махинации этого деспота, который также трепетал от страха в окружении своих жертв» 626. Относительно мадам Шевалье автор, должно быть, ошибся, поскольку неизвестно, были ли у данной женщины какие-либо законные претензии на большое состояние и была ли она действительно одержима жаждой денег.

30 августа (10 сентября) 1798 года на имя Александра Андреевича Безбородко пришел рапорт о том, что «27 сего месяца в С. Петербург французские актеры с пашпортом от российского министра Гримма в Гамбурге, принятые по Высочайшему повелению <нрзб.> для придворного театра, Гн. Шевалье и его жена Поирийней были весьма революционных мыслей. Многие господа служители Его Величества Короля Французскаго, также многие из знатнейших Гарде дю Коров мне удостоверили, что Гн Шевалье во время осады Лиона был тот, который назначивал тех персон для расстрелянья, кои при сем случае отечество свое ревностно защищали, и что мадам Шевалье в означательство с подобными пагубными мнениями при случившемся там торжестве играла публично ролю богини разума» 627.

То есть супруги Шевалье были среди тех главных участников «чистки» Лиона в октябре-ноябре 1793 года, проводимой Фуше и бывшим актером Жан-Мари Колло д'Эрбуа в память об убитом 15 июля того же года санкюлоте Жозефе Шалье⁶²⁸. После казней «контрреволюционеров» и «агентов Кобленца», поскольку, как писали сами представители, «мы были убеждены в том, что в этом отвратительном городе не было ни одного невинного, который бы не был

⁶²⁶Secret Memoirs of Napoleon Buonaparte, precided by an historical survey of the character of this extraordinary personage, pounded on his own words and actions, by One who never quitted him for fifteen years, Second Edition, to which is added an account of the Regency at Blois, and the Itinerary of Buonaparte, from the period of his residence at Fontainebleau, to his establishment of the island of Elba. L., 1815. P. 248-249.

⁶²⁷LVVA, 412 f., 1 apr., 22.(16) lieta, 4 lp.

⁶²⁸Lettres de représentants de la Convention Nationale sur leurs missions à Lyon et Toulon.//Le livre noir de la Révolution française. P., 2012. P. 794.

убийцами народа» 629, было притесняем или зарезан решено устроить театрализованное представление, в котором предположительно должна была бы участвовать мадам Шевалье. Сам Колло, однако, описывает праздник по-другому: «Тень Шалье удовлетворена; все те, кто велел зверски прервать существование, были молниеносно уничтожены. Его драгоценные останки были с благоговением собраны республиканцами, которые триумфально пронесли их по всем улицам Освобожденной Коммуны, вплоть до того места, где этот бесстрашный мученик был принесен в жертву необузданной ярости своих палачей и где его прах был выставлен на обозрение для народного почитания и религии патриотизма. Чувства глубокие и сильные завладели всеми душами и вызвали в них самые трогательные выражения; слезы пролились изо всех глаз при виде голубки, которая была с ним и утешала его в мрачной темнице, которая, казалось, застонала, увидев его статую! все сердца затрепетали, и скорбная тишина взорвалась тысячами криков: мести! мести!» 630. Неизвестно, участвовала ли там хоть одна актриса, представлявшая Богиню Разума, но, учитывая театральное прошлое комиссара Колло и эпизод с голубкой, это вполне вероятно.

Говорить о том, что мадам Шевалье была революционеркой, близкой к якобинству, нельзя. Начать стоит хотя бы с того, что нам неизвестно ни ее личное имя, ни дата рождения и смерти, фамилия при рождении, так же, как и фамилия мужа, покрыты тайной. Все, что пишут о ней источники, можно заключить двумя словами: эффектная внешность и влияние на окружающих. Так, будущая придворная дама Жозефины Жоржетта Бокса во время эмиграции наблюдала ее в Гамбурге: «Госпожа Швелаье, актриса «Театр-Франсе», радовала в то время своим искусством добрых жителей Гамбурга. Ее очаровательное лицо, приятный голос, скромная и грациозная манера игры обеспечили ей оглушительный успех: она получила из Петербурга столь выгодное предложение, что приняла его. Я присутствовала на ее прощальном представлении; она была столь торжественно комична, что я запомнила все, хотя мне и было тогда только шесть лет. Зал был

⁶²⁹Ibid. P. 794.

⁶³⁰Ibid.

полон. В финале последней пьесы госпожа Шевалье подошла к краю сцены и попыталась спеть несколько соответствующих случаю куплетов, но от избытка чувств не смогла допеть их до конца, так что мужу ее пришлось прервать ее аплодисментами. Ее доброта снискала ей множество друзей. Иногда она была резка до грубости, но быстро возвращалась к своему обычному тону и никогда никому не отказывала в помощи. Она собирала вокруг себя бедных соотечественников, помогая им забыть, что у них больше нет семьи, и окружая самой преданной заботой. В Париже она продолжала вести тот же образ жизни: защищала и поощряла искусства, спасала и утешала друзей. Все, что она делала и продолжает делать, доказывает, что она достойна имени, которое теперь носит – Монморанси» 631. Как уточняет другое издание этой книги, новым мужем Шевалье стал принц де Водемон из Алтоны, потомок линии Монморанси-Нивелль 632. Сама Бокса не упоминает о том, что Пуаро-Шевалье была известна Наполеону, так же как и рапорт, поданный Безбородко, однако для современников миссия Шевалье – бывшая реальностью или продуктом слухов и непроверенной информации – была очевидна: певица выполняла поручения первого консула.

Влияние мадам Шевалье началось с того времени, как ее приметил ни кто иной, как директор императорскими театрами князь Николай Борисович Юсупов, покровитель комической оперы в России. Как пишет А. В. Буторов, предпочтения вельможи объяснялись тем, что «в конце блистательного века Екатерины актерское сословие вкупе с драматургами стало весьма активно «наседать на власть»... Монархист Юсупов сделал все, дабы оградить русскую императрицу и Российскую империю от подобного рода театральной политики. Юсупов в Англии дружил с Бомарше, во Франции знавал Дидро и Вольтера, но нужды в «русских Бомарше и Вольтерах» не видел, как не видел в России и людей, равных им по талантам» ⁶³³. После восшествия на престол Павла I ему, наоборот, пришлось отстаивать само существование Французской труппы,

⁶³¹Бокса, Ж. Указ. соч. С. 41-42.

⁶³²Memoirs of the Empress Josephine with Anecdotes of the Courts of Navarre and Malmaison. Vol. I. L., 1828. P. 11-12. ⁶³³Буторов, А. В. Указ. соч. М., 2012. С. 199.

которую князь составлял с учетом рекомендаций Бомарше. Ему даже пришлось временно распустить антрепризу при вступлении императора на престол, но через год он смог восстановить и пополнить ee^{634} . Именно в эту обновленную труппу и попала Шевалье с мужем и братом Огюстом Пуаро. Донос, посланный на имя Безбородко, не имел какого-либо влияния: к тому времени сам канцлер был серьезно болен, а очаровательная француженка познакомилась с императором всероссийским.

Как писал современный событиям английский исследователь Карр, «господа Отто, Сиейс и Талейран, составлявшие в это время дипломатическое трио, или, скорее, шпионское, наблюдая за петербургским двором, со всем своим французской хитростью, управляли выдающимся талантом И здешними беспорядками к выгоде собственной страны, что и привело к свержению императора помимо их воли и несмотря на все их расчеты. Под их руководством во Французский театр в Петербурге была представлена французская актриса, которую постарались поместить в такие ситуации, где бы на нее обратил взгляд сам император. Утрата им семейного счастья увенчала успехом ожидания сих политиков. Французская актриса должна была создать пропасть императором и его семьей, а также произвести резкие и страшные изменения в европейской политике. Облик мадам Шевалье, хоть и не обладал правильностью черт, был гораздо более милым, выразительным и пленительным, чем самая правильная и строгая классическая красота. Личность ее не была значительна, но скорее деликатна, и даже en bon point [с изюминкой (фр.) – H. Я.]: ее манеры были превосходны и очаровывали всех, кто ее видел. Император обожал музыку: мадам Шевалье замечательно играла на арфе и пела под ее аккомпанемент очаровательные и искусно составленные стихи, сочиненные одним из трех ее высоких покровителей, которые она сама положила на музыку; эти песни были посвящены военному мастерству, храбрости и великодушию императора. Ей не пришлось долго и напрасно источать свое очарование, ибо уже в тот же день была

⁶³⁴Там же. С. 204.

вознаграждена как музыкальным вкусом, так и страстью императора» ⁶³⁵. Как вспоминала Головина, выступление мадам Шевалье было назначено на праздник, устроенный Марией Федоровной по случаю возвращения Павла I с московского смотра войск, после того, как было принято решение об отмене поддержки правительства армии Конде и проекта создания французской колонии ⁶³⁶. Примерно в это же самое время в Петербург приезжают британский посланник Чарльз Уитворт, а также Луиза-Эмманюэль де Шатийон, более известная как принцесса де Тарант, подруга Марии-Антуанетты и жертва шпионских подозрений императора.

Как сказано в официальной биографии Чарльза Уитворта, 1-го графа Уитворта (тогда еще просто сэра Чарльза), кавалера Ордена Бани, члена Высокопочтенного Тайного совета Его Величества, «граф Уитворт учился в Танбриджской школе у поэта мистера Которна и мистера Тауэрса, переводчика Цезаря и других латинских классиков. Среди его школьных приятелей были полковник Джеймс из Тайтем Лодж (графство Кент); Кристофер Халл, эсквайр, из Сидкапа; а также покойный лорд Эрдли. Второй позже стал его начальником, а третий, что не лишним будет заметить, сделался баронетом еще в школе, что позволило проводить каникулы в его доме, и т. д. Вскоре после окончания Академии он поступил в гвардию. Успешный пример его предка лорда Уитворта по части дипломатии убедил его в том, что именно эта стезя приятнее всего ведет к известности и влиянию; он твердо решил посвятить себя этой карьере, которая в результате привела его к славе и почестям» 637. Первым его назначением, что вполне логично, стала Польша времен Понятовского, в 1786 году, где полномочный министр Уитворт был обязан «как можно дольше откладывать окончательное раздробление и уничтожение этого несчастного государства, и, что важнее всего, не допустить аннексию Данцига Бранденбургским домом» 638. Как

⁶³⁵Carr's *Northern Summer.*//The Anti-Jacobin Review and Magazine, or, Monthly Political and Literary Censor from September to December (Inclusive). -1806- With An Appendix, Containing An Ample Review of Foreign Literature. L., 1806. Vol. XXII. P. 138.

⁶³⁶Головина, В. Указ. соч. С. 190-193.

⁶³⁷The Annual Biography and Obituary for the Year 1826. Vol. X. L., 1826. P. 98.

⁶³⁸ Ibid. P. 99.

заявляет «Ежегодная биография», польские князья были принуждены смотреть на русских как «на татарскую орду»⁶³⁹. Уитворт им сочувствовал, хотя это и не помешало ему в сентябре 1788 года принять назначение в Петербург, где до этого подвизался на дипломатическом поприще его двоюродный дед Чарльз Уитворт, 1-й барон Уитворт, автор книги «Описание России в 1710 году»⁶⁴⁰. Самому Уитворту в то время было двадцать шесть лет, когда он прибыл в Россию и сорок восемь, когда он ее покинул: за это время ему удалось поставить вопрос о подписании мира между Россией и Османской империей в 1791 году⁶⁴¹ и заключить договор с Россией 7/18 февраля 1795 года⁶⁴². Но после смерти Екатерины II Уитворт впал в немилость у нового императора, отчасти из-за его пресловутой «нелюбви к матери», отчасти из-за нежелания продолжать ее завоевательную политику, о чем сам Павел неоднократно говорил, в том числе и английскому посланнику⁶⁴³. Тогда Уитворт решил действовать несколько иначе.

Лора Жюно, герцогиня д'Абрантес, жена генерала Жана-Андоша Жюно и давняя знакомая семьи Бонапарт, писала о лорде Уитворте, что он был «высоким, хорошо сложенным И красивым, c породистым лицом аристократическими манерами. Я не знаю другого такого человека, который смог бы лучше представить собою нацию великую, дерзкую и процветающую; он был всегда замечательно одет, даже при дворе первого консула, и вполне можно представить, как он мог бы выглядеть при дворе Екатерины II, где восточная роскошь представляла собой нечто волшебное» 644. Как писал искусствовед Уильям Джердан, «Его Милость... был очень красив, высок и надменен, с истинно аристократичным и благородным видом, которому его манеры добавляли

⁶³⁹Ibid.

⁶⁴⁰Whitworth, Charles Lord. An Account of Russia as it was In the Year 1710. Strawberry-Hill, M DCC LVIII.

⁶⁴¹Захарова, О. Ю. Указ. соч. С. 82-83.

⁶⁴²Союзный и оборонительный договор, заключенный в Санктпетербурге между Ея Величеством Императрицею Всероссийскою и Его Величеством Королем Великобританским.// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXIV. СПб., 1830. С. 647-652.

⁶⁴³История войны России с Франциею в царствование Императора Павла I в 1799 году. Том I. СПб., 1852. С. 23-26. ⁶⁴⁴D'Abrantes, the Duchess (Madame Junot). Memoirs of Napoleon, His Court and Family. In Two Volumes. Vol. I. L., 1836. P. 450.

энергию и учтивость» 645. Внешность лорда Чарльза была настолько популярна среди его современников, что нынешние ученые предприняли попытку разгадать секрет его популярности: как оказалось после эксгумации его могилы, «он... мог позволить себе самый высокий уровень стоматологической ухода, какой был известен в его время 646 . Все это сохраняло зубы Уитворта в прекрасном состоянии даже до глубокой старости (он умер в неполных семьдесят три года). Относительно моральных качеств дипломата существует много разных мнений, которые, однако, сводятся к его непорядочности и двойным стандартам: Наполеон на острове Святой Елены, например, говорил Лас-Казу, «английские министры... не говорят от имени одной нации по отношению к другой, но всегда от своего имени по отношению к собственному народу. Для них важно обращаться к публике как к своим избирателям, у них всегда имеются так называемые дипломатические агенты, и все, что они хотели бы сказать, обыкновенно передается через этих агентов, все, что говорится, носит публичный характер, а дипломатические агенты публикуют рапорты от имени своих нанимателей. Так было и тогда... когда английские министры однажды опубликовали длинную беседу со мной, Наполеоном, и лордом Уитвортом, подписанную его именем, но бывшую совершенной фальшивкой» 647. Как вспоминал Наполеон, эта беседа кардинально изменила его отношение к дипломатическим переговорам: лорд Уитворт упрекнул его в том, что император французов благоволит одним посланникам, имея с ними личные разговоры с глазу на глаз, и избегает других. С этих пор Бонапарт избегал личных переговоров и передоверил их ведение министрам (в том числе Талейрану), хотя лично он считал, что «абсолютная власть не должна оправдываться», и сами представители английского кабинета ведут себя подобным образом, спекулируя на своем «беспристрастии» 648.

⁶⁴⁵Jerdan, W. National Portrait Gallery of Illustrious And Eminent Personages of the Nineteenth Century; With Memoirs. Vol. II. L., 1831. P. 46.

⁶⁴⁶Franklin, J. What Science Knows: And How It Knows It. N. Y., 2009. P. 1.

⁶⁴⁷Las Cases, Le Comte de. Journal de la vie privée et des conversations de l'Empereur Napoléon, à Sainte Hélène. T. II. Quatrième partie. L., 1823. P. 164.

⁶⁴⁸Ibid. P. 165-166.

Все это обаяние, равно как и мелочная придирчивость к словам и действиям собеседника, на которые так негодовал Наполеон (и которые были свойственны также Талейрану, умело применившему их на Венском конгрессе против держав-союзниц) 649 , помогли Уитворту как в пропагандистской работе, так и в вербовке женщин-агентов. Наиболее известной среди них, конечно же, являлась Ольга Александровна Жеребцова, сестра последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Можно предположить, что сам посол знал ее еще с «временщика», стремительной карьеры предпринятой высокими покровителями молодого гвардейского капитана, среди которых называют Львовну Нарышкину и фрейлину Анну генерала Николая Ивановича Салтыкова⁶⁵⁰, для отвлечения императрицы от огорчений по поводу свадьбы фаворита Дмитриева-Мамонова. Возможно, предыдущего познакомился со своей конфиденткой как раз у Зубова, что было вполне обычным явлением в екатерининское время – так, Сегюр искал покровительства Потемкина⁶⁵¹, подобным же образом поступали и другие дипломаты и сановники. Так, даже всемогущий Зубов на заре своей карьеры временщика просил о покровительстве Сегюра⁶⁵². Позднее Уитворт ответит Зубовым услугой на услугу, фактически финансируя салон Ольги Александровны, где собирались основные представители оппозиции императору, что подтверждается как ее отъездом в Англию непосредственно перед убийством Павла I⁶⁵³, так и позднейшими ее воспоминаниями 654. Помимо Жеребцовой, имевшей прямой материальный и политический интерес в данном вопросе, английский посол наладил также связь с графиней Анной Ивановной Толстой, женой Николая Александровича Толстого, гофмаршала двора великого князя Александра Павловича. Прямой выгоды, тут, возможно, и не имелось, если не считать близкое знакомство с кругом цесаревича;

⁶⁴⁹Кинг, Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. С. 67-70; Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн. С. 226-229.

⁶⁵⁰Роундинг, В. Указ. соч. С. 582-583.

⁶⁵¹Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes.//Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur. Correspondance et pensées du Prince de Ligne. T. II. P., 1859. P. 16-17.

⁶⁵² Ibid. P. 169.

⁶⁵³Эйдельман, Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 264-265.

⁶⁵⁴ Герцен, А. И. Былое и думы. М., 2007. С. 261.

Головина вспоминает, что связь началась летом 1798 года⁶⁵⁵, к первой половине 1799 года зависимость Толстой от Уитворта стала заметна и привела к скандалу в дипломатических кругах. Примерно к этому же времени относится неожиданно возникшая дружба Толстой с семейством датского посланника Блома⁶⁵⁶. Известно, что как раз в это время планировалось заключение четырехстороннего договора, направленного против Англии⁶⁵⁷, к которому примкнула Дания; формально эта конвенция о вооруженном нейтралитете была направлена против английского флота. Таким образом, пользуясь своим влиянием в мире двора и оппозиции, Чарльзу Уитворту представилась возможность «нанести ответный удар по влиянию этой дамы», то есть Шевалье, но, как замечает автор биографии, «что могли сделать пятнадцать тысяч фунтов против хищницы, перед которой преклонялся абсолютный монарх, самодержец Всероссийский?»⁶⁵⁸.

Ко времени заключения союза России с Францией относится приезд другой гостьи, менее известной в истории России. Речь идет о «некоей даме де Боннейль, блестящей авантюристке, нанятой для соблазнения царя или его министра Ростопчина с целью содействия франко-русскому союзу» 659. Как правило, Боннейль упоминается в литературе на русском языке сравнительно мало: так, А. Н. Боханов считает ее «дочерью мусорщика» и называет имя – Каролина 660, хотя ни одно из этих утверждений не является верным. Мадам де Боннейль звали Мишель де Сентюари, она была близкой подругой Жозефины де Богарне, «младшей сестрой воспетой Бертеном Эвхариды 661... бывшая замужем за стариком Боннейлем, но, тем не менее, преследуемая и обожаемая Андре Шенье под именем Камиллы — наверное, он вел себя так потому, что был рожден на востоке, в Константинополе» 662. Эта шпионка Талейрана была известна в

⁶⁵⁵Головина, В. Указ. соч. С. 192-193.

⁶⁵⁶Там же. С. 214.

⁶⁵⁷Конвенция морскаго вооруженнаго нейтралитета, заключенная между Их Величествами, Императором Всероссийским и Королем Пруссии.// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXVI. СПб., 1830. С. 418-422.

⁶⁵⁸The Annual Biography and Obituary for the Year 1826. Vol. X. P. 101.

⁶⁵⁹Lever, É. Op. cit. P. 263.

⁶⁶⁰Боханов, А. Н. Указ. соч. С. 365.

⁶⁶¹См. Приложение 1, ст. «Сентюари».

⁶⁶² Boucher, G. Poètes creoles du XVIIIe siècle: Parny, Bertin, Léonard. Vol. 1. P., 2009. P. 8.

широких кругах французского общества также как мать Лоры Реньо де Сен-Жан д'Анжели, супруги могущественного министра Наполеона 663, и Мари-Мишель Бюффо, жены банкира и правительственного советника Филиппа Бюффо⁶⁶⁴. В любом случае, если Мишель де Боннейль и не была дворянкой по рождению, то принадлежала к кругам так называемой «буржуазии Старого режима», что, согласно стандартам, принятым еще в XVI веке⁶⁶⁵, давало ее отцу право на получение дворянства. Всего сестер Сентюари было три, и происходили они из креольской семьи, чем и объясняется тесное знакомство Мишель с Эваристом Парни и Жозефиной де Богарне. Несмотря на то, что нам известно сравнительно мало о семье Сентюари, предполагают, что младшая сестра, Франсуаза-Огюстина, была воспета Парни под именем Элеоноры 666. Местом, где собиралась компания либертинов с острова Бурбон, ныне Гаити, была так называемая Казарма в что около Сен-Жерменского предместья⁶⁶⁷. Нравственностью Фейянкуре, подобные места не отличались, в ту эпоху их называли «petites maisons, домики для остановок, имевшиеся в распоряжении каждого знатного барина и даже очень многих знатных дам...Соблазнительные будуары, великолепные столовые, элегантные ванные – все здесь было налицо. Величайшие мастера украсили стены эротическими картинами и скульптурами, на книжных полках была собрана вся галантная литература века, снабженная иллюстрациями, которые должны были воспламенять и постоянно разжигать чувственность» 668. Не стоит при этом удивляться тому, что данные дома имели также вид салонов, где собирались поэты, актеры и художники. С началом Великой революции многие из посетителей этого кружка, несмотря на свое масонство, стали принимать активное

⁶⁶³D'Abrantès, la Duchesse de. Histoire des salons de Paris: tableaux et portraits du grand monde, sous Louis XVI, le Directoire, le Consulat et l'Empire, la Restauration, et le règne de Louis-Philippe Ier. T. VI. P., M DCCC XXXVIII. P. 364. ⁶⁶⁴Szramkiewicz, R. Les régents et censeurs de la Banque de France nommés sous le Consulat et l'Empire. Genève, 1974. P. 39-40.

⁶⁶⁵Figeac, M. Op. cit. P. 18-21.

⁶⁶⁶Parny, É. Voyage à l'ile Bourbon.// Voyages badins, burlesques et parodiques du XVIIIe siècle. Saint-Étienne, 2005. P. 244.

⁶⁶⁷Ibid.

⁶⁶⁸Фукс, Э. История нравов. Смоленск, 2010. С. 258.

участие в роялистских заговорах 669. Сама Боннейль тоже получила посвящение, как она потом утверждала, от графа де Келюса 670, который при ней вызывал духов. С тех пор история жизни Боннейль, которую отличала большая фантазия и способность к конспирации. Так, никто из знакомых ее по прошлой жизни не мог сказать, чем же она занималась во время Революции. Как свидетельствовала Элизабет Виже-Лебрен, после ее возвращения из эмиграции в 1800 году, к ней «пришла ее старая подруга, мадам де Боннейль, такая же прелестная, как и раньше, только разговор ее стал гораздо занимательней» 671. Ни слова не говоря, Боннейль представила свою подругу Наполеону и его жене, нуждавшимся в представителях Старого режима ради блеска собственного двора и привлечения к нему эмигрантов, тогда еще немногочисленных. К этому времени Мишель де Боннейль уже завершила свою карьеру шпионки, вернувшись, как и сама Виже-Лебрен, из России. К тому моменту, как она встретилась в первый (?) раз после революции с придворной художницей, ее дочь Лаура, «прекрасная, как ангел» 672, продолжила политическое влияние матери как жена государственного советника.

В Россию Боннейль прибыла после своей предыдущей миссии в Испании, завершившейся удачным для нее образом, не раскрыв своей подлинного имени (до сих пор иногда считается, что ее звали «Адель Риффлон, дочь главного мусорщика из Буржа») ⁶⁷³, где посетила митавский двор. Ее целью в то время было убедить русского императора оставаться верным союзу, заключенному с Наполеоном – или, возможно, помочь самому Павлу I в его планах относительно Бурбонов, как вышеупомянутый аноним, - но ее интрига более чем удалась. Ростопчину были переправлены письма герцога д'Аварэ, где тот нелицеприятно отзывается о монархе, что позволило соблюдавшему рыцарский декорум императору объяснить свой отказ в деле ожидаемой изгнанниками Реставрации ⁶⁷⁴.

⁶⁶⁹Frederick and Fleury; or, The Illuminees.// The Anglo-American Magazine. July to December. Vol. III. Toronto, 1853. P. 486-487.

⁶⁷⁰Ibid. P. 488.

⁶⁷¹Souvenirs de Madame Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun. T. III. P., 1837. P. 131.

⁶⁷²Souvenirs de Madame Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun. T. I. P., 1835. P. 100.

⁶⁷³Castries, Duc de. La vie quotidienne des émigrés. P., 1966. P. 218.

⁶⁷⁴Lever, É. Op. cit. P. 263.

А. Н. Боханов, полагает, впрочем, что Наполеон (или, скорее, Талейран), был извещен о готовящемся заговоре, и мадам должна была его предотвратить ⁶⁷⁵. Как бы то ни было, Боннейль посетит Петербург еще раз, уже после Тильзитского мира – «возможно, для того, чтобы нанять убийц для низложения Александра» ⁶⁷⁶. Миссию ее еще предстоит изучить, поскольку она могла быть как простой исполнительницей поставленной перед ней задачи, так И более квалифицированной шпионкой – достаточно указать хотя бы на то, что следов в официальной документации проезжавших в Митаву французов она не оставила, обращаясь непосредственно к высшим должностным лицам. Так, она попросила содействия посла в Гамбурге Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола 677, а после него пользовалась фавором самого Ростопчина. Относительно легкий успех двух шпионок – одна из которых, возможно, придерживалась республиканских, а другая роялистских взглядов (недаром же она устраивала примирение между старыми друзьями Пишегрю и Mopo!)⁶⁷⁸ – объясняется как раз тем, что их миссия была известна, и сомнений в ней не возникало. Иное дело – другие эмигранты, признанные роялисты, которые почему-либо не желали поселиться в Митаве вместе со своим сувереном.

Верная слуга трона Варвара Головина, подобно многим другим дамам той эпохи, обратившаяся в католицизм⁶⁷⁹, поддерживала тесные контакты с представителями французской эмиграции, а позже сама некоторое время провела в кругу обитателей Сен-Жерменского предместья. Тем не менее, сама княгиня не всегда была благосклонна к французам, поскольку, в отличие от многих других русских, была проникнута развивавшимся в среде изгнанных роялистов духом «покорности долгу, который надо предпочесть перед всем другим»⁶⁸⁰, в отличие от оставшегося в России павловских времен духа свободы, независимости и просвещения по образцу просветителей. Потому она и осуждала Огюста де

⁶⁷⁵Боханов, А. Н. Указ. соч. С. 365.

⁶⁷⁶Goldsmith, L. Histoire secrete du cabinet de Napoléon Bonaparte, et de la Cour de St. Cloud. A Londres, 1810. P. 138.

⁶⁷⁸Blanc, O. L'Éminence grise de Napoléon: Regnaud de Saint-Jean d'Angély. P., 2002. P. 276-277.

⁶⁷⁹ Цимбаева, Е. Н.Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века. М., 2008. С.69-71.

⁶⁸⁰Raynaud, Ph. Op. cit. P. 171.

Шуазель-Гуфье и Ланжерона как карьеристов, и не понимала причины опалы принцессы де Тарант, бывшей «статс-дамой несчастной королевы Франции», которая «даже принесла себя в жертву привязанности и преданности своим государям. Император и его супруга познакомились с ней во время путешествия в Париж. Они часто встречали ее у ее бабушки, герцогини де Лавальер. Мужество и выдающиеся чувства, проявленные принцессой де Тарант в несчастье, еще более увеличили уважение и участие, которое она вызывала у Их Императорских Высочеств» 681. Как позже заявила Головина, в этом удалении верных монархистов от императорских милостей, выражавшихся в убежище и пенсионах, была заслуга Палена⁶⁸², хотя реальность была куда прозаичней. Луиза-Эмманюэль де Шатильон, дама де Видевилль, жена Шарля Бретань Мари де Ла Тремуй, герцога де Туара, представляла собой обычный в революционные времена тип женщины, вдовы или же разъехавшейся со своим супругом благородной дамы, молодой, без потомства и должных для поддержания жизни средств, но с необходимыми светскими связями. Такими были Эме де Куаньи, Мишель де Боннейль и сама будущая императрица Жозефина. Стоит учитывать еще и то, что одно время принцесса де Тарант жила в Лондоне, а двор графа д'Артуа, что не могли не знать в России, находился под контролем английского правительства. Так, сам Людовик XVIII, боявшийся «не верил в добрые намерения англичан» по поводу французской монархии и Франции вообще 683 , отбыл в Лондон только после договоренности с Александром I относительно уместности его пребывания в столице, которая пыталась наладить тайные отношения Петербургом⁶⁸⁴. Талейран без обиняков упоминает в мемуарах об обстановке в обществе лондонских эмигрантов: « Я не хотел причислять себя к категории эмигрантов, к которой я не принадлежал» ⁶⁸⁵, то есть к ультрароялистам, в основе своей жившими за счет «услуг» министру иностранных дел Великобритании

⁶⁸¹Головина, В. Указ. соч. С. 179.

⁶⁸²Там же. С. 243.

⁶⁸³Lever, É. Op. cit. 253-255.

⁶⁸⁴Ibid. P. 291.

⁶⁸⁵Талейран. Указ. соч. С. 135.

лорду Гренвиллу⁶⁸⁶. Сама принцесса де Тарант объясняла свой отъезд в Россию по приглашению самого Павла и его супруги, знавших ее со времени визита во Францию, как «небольшая отлучка на год» с целью восстановления семейного имущества»⁶⁸⁷, что растянулось значительно дольше рассчитанного ею вместе с зятем графом де Круссолем. Возможно, что граф, супруг сестры последней из рода Шатильон, все же сумел оказать определенные услуги российскому престолу, несмотря на задекларированное равнодушие императорской семьи, вызванное будто бы интригами Нелидовой и Куракина⁶⁸⁸.

Нельзя сказать, что число дворян, отбывавших непосредственно в Петербург минуя Митаву, было незначительным. Другое дело, что часть их, прибывавшая масса эмигрантов нуждалась в подтверждении своей лояльности, как, например, «молодой лейтенант королевской аглицкой службы по имени Неввиль, родом француз с паспортом аглицкого статс-секретаря барона Гренвиля» 689 , что существенно ограничило въезд их непосредственно из Великобритании 690. Так, в марте 1798 года в ведомости об отъезжающих сообщается: «Двора Его Императорскаго Величества ювелира Якова Дюваля, жена его французская уроженка Маргарета Дюваль обще с малолетнею дочерью Марьею и такая ж уроженка Анна Сенлет с сыном Бертрандом и таким же уроженцем служителем Королевско Великобританической кабинет-курьер Курвоазие» 691. Видимо, окружение графа д'Артуа и непримиримых роялистов вкупе с изменившейся политикой Петербурга побудили этих людей оставить Россию и свои семьи, как сделала Маргарета Дюваль, хотя никакого преследования в отношении англичан в то время не наблюдалось. Что касается английских врачей, то императорская семья предпочитала их больше всяких

⁶⁸⁶Борисов, Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1989. С. 44.

⁶⁸⁷Gretchanaïa, E. L'exil et la patrie dans la correspondance d'émigrés français en Russie (la princesse de Tarente, Xavier de Maistre, le marquis de Lambert, Ferdinand Christin). // Exil et épistolaire aux XVIIIe et XIXe siècles. Des éditions aux inédits. Textes réunis et publiés par Rodolphe Baudin, Simone Bernard-Griffiths, Christian Croisille et Elena Gretchanaïa. Cahier № 16, Clermont-Ferrand, 2007. P. 158.

⁶⁸⁸Головина, В. Указ. соч. С. 181.

⁶⁸⁹LVVA, 3 f., 1 apr., 7 lieta, 43 lp.

⁶⁹⁰Ibid.

⁶⁹¹LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 1 lp.

других⁶⁹², кроме того, с англичанкой миссис Чарльз Гаскойн, урожденной Анастасией Джесси Гутри, был связан отец всемогущей княгини Гагариной Петр Васильевич Лопухин⁶⁹³, что, возможно, объясняет причастность к заговору самой Лопухиной.

В царствование Павла I Санкт-Петербург стал местом притяжения роялистов, по какой-либо причине не желавших (или делавших такой вид) служить Наполеону. Как свидетельствуют современники, сами дворяне не были поклонниками созданной ИМ системы, однако горячо участвовали соревнованиях за награды и поощрения 694. Петербург, хоть и представал для французов отчасти «terra incognita», был, тем не менее, свободен от каких-либо ассоциаций, связанных с распространением идей либерализма, как Англия, угасания античной красоты, как Италия, и пробуждения националистического мироощущения Германии⁶⁹⁵. Отчасти в глазах французов Россия ассоциировалась Востоком – местом, где была подходящая почва для наемников и авантюристов⁶⁹⁶. Так, Россия была тесно связана с Сибирью в европейских представлениях 697 , несмотря на просветительские усилия Екатерины II и просвещенность русских вельмож. В числе «добровольно сосланных», тем не менее, можно увидеть имена графа де Марсан Бримон (?), возможно, более известного как Шарль-Эжен де Лоррен, принц де Ламбеск и граф де Брионн⁶⁹⁹, командир немецкого королевского полка Людовика XVI, которого по сей день историки обвиняют в бездействии в переломные дни 12-14 июля 1789 года. К нему присоединились некая «французская уроженка Вивилли-Борде с мужем», «доктор Колинвион с людьми Князя Платона Зубова камердинером Клавдием де Манш, служителем Павлом Гравийоном»⁷⁰⁰. Наряду с мещанами французские

⁶⁹²Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 151-169.

⁶⁹³Там же. С. 164.

⁶⁹⁴Figeac, M. Op. cit. P. 348.

⁶⁹⁵Raynaud, Ph. Op. cit. P. 201-211.

⁶⁹⁶Gueniffey, P. Op. cit. P. 621-641.

⁶⁹⁷Gretchanaïa, E. Op. cit. P. 157.

⁶⁹⁸LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 28 lp.

⁶⁹⁹См. Приложение 1, ст. «Ламбеск».

⁷⁰⁰LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 22 lp.

аристократы также вынуждены были приобретать полезные навыки, нанимаясь компаньонками к знатным семьям⁷⁰¹, содержа пансионы или пуская в ход артистические и музыкальные способности 702. В этом смысле особая роль принадлежит женщинам и духовенству как наиболее пластичным элементам эмигрантской среды, избавленным от необходимости соблюдения дворянской чести и необходимости вступления в службу. Идеологическое влияние, связанное с этой группой «вынужденных служителей муз и педагогики» выходит далеко за рамки второй половины XVIII века, породив как русский консерватизм, так и русскую либеральную мысль.

Французская агентура того периода обладала одним из наиболее сложных механизмов функционирования, который достался ей с эпохи Людовика XV. «Секрет короля», еще не ушедший в тень при его внуке, австрийская партия, пытавшаяся держать под контролем европейскую политику Франции, «партия принцев», мобилизовавшая все свои возможности еще в Кобленце вступили в контакт с революционными органами разведки. Впервые Европа получила шанс открыто и широко вести информационную войну, распространенную в скрытом и аллегорическом виде начиная с эпохи «Славной революции» Великобритании, используя общества поддержки Стюартов. масонские ДЛЯ изгнанных Национальная тема, зародившаяся на территории Шотландии и Ирландии, получила новый оттенок во Франции, где слово «патриот» было синоним «сторонника Революции». Для успешного действия против революционных идей понятие национальности и национального самоопределения нуждалось в новом переосмыслении, синтетическом сплаве национальности по крови, как во времена якобитов, так и в построении параллельной Революции «традиционной» Отныне политика просвещенных космополитических монархов, образующих тесный семейный круг, была уже невозможна. Политику традиционных ценностей каждый наследственный монарх определял сам. В

⁷⁰¹Figeac, M. Op. cit. P . 327-328.

⁷⁰²Бокса, Ж. Указ. соч. С. 33-49.

самодержавной России такую линию поведения императора принято было не объяснять ни широкой публике, ни даже своим сотрудникам.

2.3. Идеология Старого режима и завершающий период французской эмигрантской диаспоры

Как можно заметить, французская эмиграция делилась на два типа: эмигранты по убеждению (или происхождению, что было далеко не одно и то же), и эмигранты, ищущие работу. Идеологическая основа составляла смысл жизни эмигрантов первого типа, особенно тех, кто не мог рассчитывать на устройство при дворе или известное имя, которое могло бы обеспечить им почет среди светского общества Москвы и Петербурга. Эмигранты второго типа также иногда пользовались непреходящим интересом русского дворянства к Старому порядку: имя придворной художницы Марии-Антуанетты создало например, обширную клиентскую базу для Элизабет Виже-Лебрен, так же, как и для гувернеров, модисток и аббатов. Так, сама художница, не благоволившая к Павлу I, когда утверждала, что «самым легким наказанием был бы... приказ отправляться в ссылку в Сибирь или, по меньшей мере, в тюрьму» ⁷⁰³, встретила самый горячий прием у императора. Оказалось, он запомнил ее с момента посещения версальского двора, «ибо память принцев обычно столь переполнена именами и людьми, что для них память о вас является особым знаком отличия» ⁷⁰⁴. В воспоминаниях Виже-Лебрен то и дело встречается тон ее подруги и покровительницы Марии-Антуанетты, которая писала Екатерине II, что, хоть она и «мало понимает политику», но «не знает другой столь же интересной эпохи, подобной вашей» 705 .

Стоит также отметить и то немаловажное обстоятельство, что люди свободных профессий иностранного происхождения принимались наряду с русскими аристократами, без ущемления собственной гордости и без чувства стеснения. Так, Екатерина II свободно вела тройную переписку с Дидро и

⁷⁰³Souvenirs de madame Louise-Élisabeth Vigée Lebrun. T. III. P. 3.

⁷⁰⁴Ibid. P. 7.

⁷⁰⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.

Фальконе, обсуждая как памятник Петру I, так и сочинение французского философа «Письмо о слепых в назидание зрячим» ⁷⁰⁶. Кроме того, в Западной Европе занятия искусствами на профессиональном уровне не считалось признаком мещанства, как убедилась императрица на примере Чарльза Камерона, успешно выдававшего себя за потомка шотландских лордов-якобитов ⁷⁰⁷. Одной из любимых корреспонденток императрицы была мадам Жоффрен, дочь камердинера баварской принцессы и вдова буржуа, к которой сама самодержица писала, «что не любит всех этих простираний ниц» ⁷⁰⁸ и советует ей общаться с ней так же, как и с кружком просветителей, то есть «говорить то, что вам захочется» ⁷⁰⁹.

Все это, впрочем, было в традициях французского общества – так, при дворе Людовика XIV герцог Сен-Симон вспоминал даму-буржуазку по фамилии Карнюэль, о чем повествует Александра Осиповна Смирнова-Россет с долей удивления, говоря о русских придворных обычаях: «Марья Савельевна... воспитывалась в коридорах Зимнего дворца и видела три царствования. Ее бабушка служила у Елизаветы Петровны, ее мать – у императрицы Екатерины; сама она видела конец ее царствования, затем царствование Павла и покойного государя. Чтобы поболтать с madame Carnuel, мои друзья всегда приходят ко мне раньше, чем я поднимаюсь к себе. Она рассказывает им истории из доброго старого времени, зовет Потемкина «герой Тавриды», а Суворова – «наш фельдмаршал» и знает сплетни за целые сто лет. Пушкин очень любит ее; она напоминает ему его старую няньку Арину. Он сказал мне: «Она никогда не видала другой деревни, кроме дворцовых садов, другой избы, кроме коттеджа, а все-таки от нее пахнет деревней» ⁷¹⁰. Отчасти подобная патриархальность была проявляема и по отношению к иностранным мещанам свободных профессий. Но все-таки это было большим прогрессом по сравнению с прежней эпохой, когда во время

 $^{^{706}}$ Стегний, П. В. Время сметь, или Сущая служительница Фива. М., 2002. С. 34.

⁷⁰⁷Кросс, Э. Указ. соч. С. 306-308.

⁷⁰⁸Письма Императрицы Екатерины II к Г-же Жоффрен.//Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. І. СПб., 1867. С. 255.

⁷⁰⁹Там же.

⁷¹⁰Смирнова-Россет, А. О. Указ. соч. С. 62.

концертов музыканты вынуждены были льстить знатным дворянам, ибо « мог ли приезжий артист, пусть он был гением первой величины, рискнуть подойти к русскому вельможе первой половины XVIII века и предложить за один рубль билет. Вельможа мог принять такое предложение за личное оскорбление и приказать своим лакеям выгнать этого иноземца в шею»⁷¹¹.

Французы, составлявшие артистическую и разночинную когорту в обеих русских столицах, в основном принадлежали к числу актеров и музыкантов, изредка это были художники и дворяне-литераторы, значительное число которых составляли аббаты. Католические аббаты и высшее духовенство, равно как и другие французы, предпочитали решать свои дела в непринужденной светской обстановке, уже привычной русскому двору во время царствования Елизаветы Петровны⁷¹². Постепенно к привычным развлечениям аристократии добавились еще некоторые другие, вдохновленные культом «простоты» и «естественности», столь любимыми Марией-Антуанеттой и артистами ее времени⁷¹³. Вернувшись в Париж в 1803 году, уже упоминавшийся граф Валентин Эстергази в письме к Кирилловичу Разумовскому, Андрею ≪мы предаемся всем тем летним развлечениям, о которых вы наслышаны, например, поездкам за город. Иногда мы такими, как князь видимся с некоторыми вашими соотечественниками, Долгорукий, супруга которого чрезвычайно мила»⁷¹⁴. Пикники, маскарады – уже не государственные, а частные, иногда совмещенные с «живыми картинами» и «пословицами» - являли собою своего рода роялистский аналог якобинским «праздникам Федерации», часто представляя собою пародию на них. Первым такие праздники появились в Кобленце, о чем свидетельствует дневник дворянина из Либурнэ Жана-Антуана де Брона, где он вспоминает о том, как войска принца Кобургского при полном параде расстреливали «дерево свободы» из пушек⁷¹⁵. В эпоху Реставрации практика подобного свободного развлечения без соблюдения

⁷¹¹ Столпянский, П. Н. Петергофская дорога и музыкальный Петербург. М., 2011. С. 129-130.

⁷¹²Писаренко, К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 451-455.

⁷¹³Фрэзер, А. Указ. соч. С. 232-235.

⁷¹⁴РГАДА. Ф. 15. Оп.1. Д. 616. Л. 4 об.

⁷¹⁵Figeac, M. Op. cit. P. 326-327.

социальной иерархии и даже традиционных норм приличия будет принята во всех «лучших домах» Европы, включая и правящие семейства⁷¹⁶. Тем самым было положено начало современной моде, не зависящей от официально признанной системы социальной стратификации, что превратило высший свет в узкий и закрытый мир для избранных, объединенный общими привычками и увлечениями.

То, что в XIX веке звалось «светским тоном», зародилось в его современном виде в салонной культуре, впервые расцветшей в России с подачи французской эмиграции. Салоны как таковые стали известны только с эпохи Екатерины II, что не отменяло пока еще традиционных увлечений двора и частных лиц – маскарадов, гуляний и посещения кабаков, гербергов и новых для русских кофейных домов⁷¹⁷. Последние заведения часто бывали во владении знатных лиц, в том числе иностранных, и, несмотря на разночинную публику и довольно свободные нравы пользовались популярностью даже у гвардейских офицеров и дворянства, о чем свидетельствуют документы уголовных дел⁷¹⁸. Более утонченным развлечением были балы богатых вельмож и частные концерты, популярностью среди которых пользовались оркестры роговой музыки⁷¹⁹. В то время как во Франции салонная форма светской жизни стала нормой уже к началу XVII века, так же как и салонное музицирование⁷²⁰.

Согласно исследователям М. Аронсону и С. Рейсеру, литературная жизнь эпохи контролировалась обществами, кружками и салонами, при том что первая форма социализации литературного творчества уцелела до наших дней. «Салоны более живучи, чем кружки»⁷²¹, потому что представляют собой неформальные объединения и всегда имеют хозяев. Во Франции хозяевами салонов в основном являлись женщины, и существовало ряд современных трудов, которые

 $^{^{716}}$ Лямина, Е., Самовер, Н. Поэт на балу. Три маскарадных стихотворения 1830 года.// Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 150-154.

⁷¹⁷Столпянский, П. Н. Указ. соч. С. 29-34.

⁷¹⁸Писаренко, К. А. Указ. соч. С. 242-250.

⁷¹⁹Там же. С. 280-282.

⁷²⁰Лабрюйер, Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. М., 2005. С. 102, 109.

⁷²¹Аронсон, М., Рейсер, С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 47.

доказывали, что именно женщины создали французские манеры и светское обхождение, то, что служит характерной чертой именно французской нации перед прочими европейскими⁷²². Первой женщиной-современницей, прославившейся в качестве международной знаменитости именно как держательница салона, la salonnière, была мадам Рекамье. Василий Львович Пушкин, посетивший ее салон в 1803 году, говорил, что она «добра, мила, но совсем не так хороша, как говорят об ней»⁷²³. Хотя красота Жюльетты была прославлена наряду с ее умом, для Пушкина-дяди главное значение знаменитой музы французских романтиков заключалось именно в ее вкусе к изящным искусствам. Первым образцом такого рода в Петербурге считался салон Елизаветы Петровны Дивовой, урожденной графини Бутурлиной, который часто считали пародией на салон Рекамье с его культом «естественности»⁷²⁴. Известной держательницей салона была также княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная графиня Чернышева, более известная как прототип графини из «Пиковой дамы».

Все эти примеры важны и очевидны как первый образец салонов именно на французский лад, то есть таких, где хозяйкой была аристократка, не связанная с литературным или художественным трудом, но любящая науки и искусства. К тому же для салона, в отличие от кружков или литературных обществ, важно одно постоянное помещение, то есть частная резиденция самой дамы. Обе названные дамы, Дивова и Голицына, прожили во Франции значительную часть своей жизни, что сделало их способными привлечь французских роялистов и иезуитов в свои салоны. Стоит отметить, что в основном идея ведения салона шла как раз из обратившихся в католицизм дам, таких, как Дивова и много позднее Софья Петровна Свечина, Зинаида Александровна Волконская и других⁷²⁵. Кроме того, в отличие от той же Франции, актриса или певица, а также «дама полусвета» не могли являться хозяйками салона, что сделало характер русских салонов более ориентированным на философские рассуждения и серьезную направленность.

⁷²²Raynaud, Ph. Op. cit. P. 98-99, 142-148.

⁷²³Михайлова, Н. И. Василий Львович Пушкин. М., 2012. С. 109.

⁷²⁴Там же. С. 112.

⁷²⁵Цимбаева, Е. Н. Указ. соч. С. 67-72.

Избежала судьбы набожной католички только Голицына, женщина практичная, предприимчивая и с недавней по времени родословной, жаждавшая закрепить положение своей семьи в столичной жизни путем браков своих детей и разумному ведению хозяйства⁷²⁶. К тому же она принадлежала к поколению либертинов, как и императрица Екатерина II, что делало ее равнодушной к вопросам религии.

Французы, составлявшие украшение многих салонов, делились обычно на два типа: люди, знаменитые своим остроумием, обычно аристократы и «светские аббаты», и профессиональные деятели искусства. Среди первых выделяются сардинские подданные Жозеф и Ксавье де Местр, второй из которых был принят на русскую службу еще при Павле I, принц Шарль-Жозеф де Линь, иезуиты и мальтийские рыцари. Последняя категория французов начала прибывать со второй половины 1798 года, в частности, после приезда в Петербург «Мальтийскаго ордена полномочного Министра при Его Прусском Величестве Шереем»⁷²⁷, Коммандоре де Меччонера служителем очевидно, долженствовавшим возглавить Российское приорство. С ним приехало некоторое количество французов, в том числе сын маркиза де Сада, Клод де Сад, состоявший уже некоторое время в Ордене Святого Иоанна Иерусалимского 728. Следует сказать, что сын и наследник фамилии де Сад читал творения своего отца, хотя и придерживался противоположных взглядов, что выразил в письмах, где заявил, что только чтение «Маркизы де Ганж» «доставило ему подлинное наслаждение», поскольку ЭТОТ роман принадлежал историческим произведениям, которыми он интересовался наряду со старшим братом Луи-Мари⁷²⁹. Тем не менее, нельзя сказать, что пребывание мальтийцев оставило большое наследие в России, если не считать утвержденного для Пажеского корпуса устава гроссмейстера Эммануила де Рогана, да некоторых шедевров

⁷²⁶Кузнецов, С. О. Указ. соч. С. 410-415.

⁷²⁷LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 5 lp.

⁷²⁸Plessix Gray, F. du. At Home with the Marquis De Sade. L., 2000. P. 279-280.

⁷²⁹Biographie universelle et portative des contemporaines ; ou Dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'a nos jours, qui se sont fait remarquer par leurs ècrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. P., 1836. T. V. P. 699.

мировой живописи, вывезенных богатейшим человеком империи графом Юлием Помпеевичем Литта⁷³⁰. Иезуиты, после роспуска своего ордена в 1773 году, были приняты Екатериной II и Павлом I, в основном в качестве педагогов, обучая в Виленском университете и в Петербурге. Успехом иезуитских пансионов явилось планомерное образование, развивающее красноречие и общую эрудицию учеников, где основное внимание уделялось гуманитарным предметам и светским манерам⁷³¹. В частности, аббат Николь содержал при костеле святой Екатерины такой пансион, где училось несколько избранных мальчиков за довольно высокую плату. Сам аббат приехал вместе с семейством Шуазель-Гуфье в качестве гувернера в 1793 году, где его покровительницей стала сама императрица Мария Федоровна. Кроме двух столиц — Москвы и Петербурга — аббат подвизался на педагогическом поприще в Одессе, куда был приглашен по инициативе дюка Ришелье⁷³².

Ксавье де Местр, брат известного идеолога Жозефа де Местра, был свойственником Александра Сергеевича Пушкина через его жену Наталью Николаевну Гончарову, что Пушкин очень ценил⁷³³. Если старший брат был образцом для подражания мыслителей Священного союза и даже славянофилов, то младший, Ксавье, создал несколько повестей и рассказов из русской жизни, перейдя от сентиментализма к реализму. Кроме того, младший де Местр был знаком с родителями Александра Сергеевича, известен портрет Натальи Осиповны Пушкиной его работы⁷³⁴. Одним из первых иностранных писателей Ксавье де Местр уделяет внимание России и положительно отзывается о ее традициях и учреждениях; в частности, его «Параша-сибирячка» (La jeune Sibérienne, 1815) рассказывает реальную историю «молодой девушки, которая в конце царствования Павла I отбыла из Сибири в Санкт-Петербург, чтобы просить

⁷³⁰Данилова, А. Указ. соч. С. 248-250.

⁷³¹Бёмер, Г. История ордена иезуитов. М., 2012. С. 165-170.

⁷³²Третьяк, А. И. Аббат Николь и первая книга Одессы.// Життя і пам'ять: Наукова збірка, присвячена пам'яти В'ячеслава Івановича Шамко. Одесса, 2009. С. 145-146.

⁷³³Смирнова-Россет, А. О. Указ. соч. С. 64.

⁷³⁴Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2.: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М., 2009. С. 464.

милости для своего отца» 735. Несмотря на то, что уже существовал подобный роман об этом происшествии, автор счел необходимым напомнить, что «у этой благородной девушки не существовало иной любви, кроме чистой дочерней привязанности; она сама, без советов и подсказок, нашла в своем сердце мужество к столь великодушному действию и силу, чтобы его исполнить» ⁷³⁶. «Княгиня T^{***} » 737 , о которой упоминает де Местр, звалась Татьяной Васильевной Юсуповой, которая благоволила не только русским просителям, французским роялистам, снабдив деньгами некоего «Водрёля», возможно, как-то связанного с кланом Полиньяк-Водрейль-Поластрон, оставившего свои следы и на русской почве.

Относительно самого известного из братьев, Жозефа де Местра, вдохновлявшего французских эмигрантов на восстановление своего аристократического самосознания, стоит сказать, что далеко не все разделяли его взгляды. То были люди, как правило, двух поколений, одно из которых застало расцвет эпохи Просвещения, а другое родилось только перед революцией. К этим последним и принадлежит Эраклиус Огюст Габриэль де Полиньяк, полковник и член Южного общества, родившийся от второго брака виконта Эраклиуса Мельхиора де Полиньяка и Элизабет де Флери, родственницы камердинера Людовика XVI. Подобно Шуазелю, Ланжерону⁷³⁸ и Эстергази, его семья проживала на Украине в собственном поместье. Кроме того, что он приходился единокровным братом известному супругу Иоланды де Поластрон, герцогу Жюлю де Полиньяк 739. В отличие от русских источников, сообщающих, что судьба Полиньяка неизвестна 740, во Франции имя Ираклия Ираклиевича в основном связывают с масонскими организациями и учреждением петербургской ложи «Астрея», не отменяя, впрочем, прогрессивности его взглядов на педагогику

⁷³⁵Œvres completes de M. le Comte Xavier de Maistre. T. II. Paris, M DCCC XXVIII. P. 163.

⁷³⁶Ibid. P. 164.

⁷³⁷Ibid. P. 286-291.

⁷³⁸ Семейная реликвия Ланжерона, сохранившаяся в России. См. Приложение 3, с. 254, Илл. 5.

⁷³⁹ Breuillard, J. Héraclius de Polignac et l'occupation russe en France.// L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. Р., 2004. Р. 439. ⁷⁴⁰Старк, В. П. Портреты и лица: XVIII – середина XIX века. СПб., 1995. С. 114-115.

и благотворительность⁷⁴¹. Его репутация «либерала» и «масона» не доставляла ему проблем и в глазах собственной семьи, и в кругу лондонской эмиграции; так, он был шафером на свадьбе своего племянника Армана Жюля Мари Эраклиуса и голландской дворянки Нины де Нивенхейм в 1790 году⁷⁴². Это был тот самый Полиньяк, который вместе со своим братом участвовал в заговоре против Наполеона и был ультрароялистом.

Жозеф де Местр приехал в Россию только в 1803 году, то есть уже после убийства Павла I, когда столичное общество уже не имело надобности в официальной консервативной пропаганде, исходившей, например, от Коцебу или Клингера, служивших при покойном императоре. Его популярность окончательно укрепилась только после битвы под Аустерлицем, когда в империи наблюдался подъем национального самосознания и желание выработать свою консервативную концепцию⁷⁴³. До этого можно сказать, что подлинно интересных мыслителей из эмигрантской среды в Российской империи не появлялось; впрочем, сам де Местр едва ли относился к французам, ибо по происхождению был савояром и происходил из Шамбери. Как признавался Руссо, «жаль, что савояры небогаты или было бы жаль, если б они разбогатели, ибо, будучи таковы, как они есть, они лучший и общительнейший народ, какой я знаю. Если и есть на свете такое местечко, где люди умеют наслаждаться сладостью жизни, приятными и спокойными отношениями, это Шамбери»⁷⁴⁴. Более того, по происхождению де принадлежал к дворянству мантии, которое славилось большей набожностью и привязанностью к монархии, чем дворянство шпаги. Более разительный пример представлял собою принц Шарль де Линь, известный собеседник императрицы Екатерины II, а соответственно, подданный австрийской короны. Этот человек, прославленный более своим остроумием, чем военными талантами, служил Иосифу II, самой Екатерине и бывал при дворе Людовика

⁷⁴¹Breuillard, J. Op. cit. P. 441-446.

⁷⁴²Bombelles, Marquis de. Journal. T. III. 1789-1792. Genève, 1993. P. 124.

⁷⁴³Зорин, А. «Кормя двуглавого орла...» Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 159-162.

⁷⁴⁴Руссо, Ж.-Ж. Исповедь. М., 2004. С. 190.

XVI⁷⁴⁵. Можно сказать, что французами тогда при дворе считались практически все франкофонные люди, разделявшие преклонение перед Францией и имеющие с ней какие-либо связи. Тем самым, как и желал в свое время Вольтер, французский образ мыслей распространился по Европе и стал господствующим стилем жизни⁷⁴⁶.

Идеология французской эмиграции во многом повторяла типичные представления XVIII века о свободе личности, религиозном равенстве и светском обхождении, несмотря на разность позиций самих эмигрантов. На глазах русского дворянства совершался моральный переворот учтивых вольнодумцев в людей без государства, пытающихся сохранить в своей душе воспоминания об утраченном времени и возродиться духовно. Без преувеличения можно сказать, что именно это поколение французских писателей, мыслителей и деятелей искусства наиболее полно повлияло на русское национальное самосознание, несмотря на его собственный космополитический характер и внутреннюю противоречивость. Наряду с консервативными элементами складывающейся идеологии Священного союза, французские эмигранты привнесли в Европу знание о России как о вполне западной стране, достойной войти в сообщество мировых держав как по своей военной и политической мощи, так и по части культуры. Занятия, которыми зарабатывали на жизнь изгнанники, приучило среднее и мелкопоместное дворянство к иному пониманию дворянской чести, объяснив ему значение искусства и образования для человека нового времени, а также заставив задуматься о положении и роли людей «свободных профессий» в российском обществе того времени. Пребывание французов на территории России сделало отношения между обеими странами гораздо более открытыми в плане культуры, что позволило создать равностороннее культурное влияние, парадоксальным образом покончившее с гегемонией «французского образа жизни» в России.

-

⁷⁴⁵Кинг, Д. Указ. соч. С. 85-86.

⁷⁴⁶Raynaud, Ph. Op. cit. P. 44-50.

Заключение

Как многие явления современной общественной жизни невозможно объяснить без свершившейся в конце XVIII века Великой Французской революции, так и эпоха складывания национальных государств и культура времен романтизма необъяснимы без консервативной мысли эмигрантов-роялистов. По мысли историка и философа 3. Штернгеля, реакция на революцию позволила сложиться концепции «другой современности» 747, которая выражается прежде всего в утверждении культурных и этнических особенностей как фундаментов для строительства политической жизни. Революционеры, и прежде всего якобинцы, довели до крайности мысль Руссо о создании добродетельного общества равных между собой людей. С этим не могли смириться не только люди изначально настроенные крайне консервативно, но и умеренно-либеральные элементы Реакция европейских монархов французского общества. на революцию была крайне негативной, но никто из них не пережил такого глубокого душевного перелома, как Екатерина II – одна из немногих правителей той эпохи, которая оказывала деятельную поддержку энциклопедистам и пыталась воплотить в жизнь многие их замыслы. Если при ее жизни ответ французской эмиграции революционным идеям еще не оформился окончательно, то при ее сыне и наследнике Павле I противостояние Старого режима республиканской Франции стало одним из краеугольных камней в здании русской внешней и внутренней политики.

_

⁷⁴⁷Sternhell, Z. Op. cit. P. 219-227.

Французские эмигранты распространили свое влияние почти на все страны западной культуры того времени: особенно крупные колонии роялистов были известны в Австрийской империи, в Великобритании и на немецких землях. Ситуация с Россией не была исключением, хотя и обладала рядом особенностей. Политические круги Российской империи не замедлили воспользоваться эмиграцией, с одной стороны, как средством заявить о своих монархических и охранительных идеалах, а с другой – поднять престиж России среди мирового сообщества. К концу XVIII века Россия еще воспринималась как страна неевропейская и загадочная, с собственной культурой, свойственной скорее Востоку, чем Западу, неизвестная и неуклонно расширяющая свои пределы, добиваясь решающей роли в концерте мировых правительств. Со времени революции восточноевропейская империя нашла свою идеальную формулу, позволяющую объяснить политические устремления России – позже она стала известна как «православие, самодержавие, народность». Отчасти эта формула была противопоставлена формуле «свобода, равенство, братство», с помощью которой молодая республика оправдывала свои оборонительные и – много позже - завоевательные войны. Эмигранты времен этого великого противостояния помогли национальной заложить основы идеи, выдвинутой взамен «республиканской национальной идентичности» революционного государства, дававшего права французского гражданства близким по духу иностранным деятелям, вроде Фридриха Шиллера или Джорджа Вашингтона. Настроения, действительно бывшие распространенными в аристократических кругах перед в себя космополитизм с непременным революцией, включали французского языка, религиозную индифферентность и довольно свободную мораль, считавшуюся только с доводами рассудка. Во время изгнания эти лишенные своих средств, разлученные с родственниками, отчаявшиеся люди должны были либо окончательно утратить свои социальные и национальные особенности, либо найти основу для продолжения своего существования. Перед глазами эмиграции стоял пример шотландских якобитов, нашедших духовную

опору в начинавшем тогда свое существование масонстве. Новому времени были нужны иные идеи.

Россия дала богатый материал для эмигрантов, чьим общественным идеалам по-прежнему оставалась абсолютная монархия. Павел I, в отличие от большинства современных ему правителей, понял общественный запрос времени попытался создать широкий фронт противодействия революционнодемократическим идеям. Бытующая в современной историографии теория о неспособности этого правителя к какой-либо планомерной государственной деятельности, его мегаломании и болезненном отношении к действиям своей матери не является безусловным объяснением его политической мысли. Рыцарское поведение императора с Мальтийским орденом, покровительство Бурбонам и заключенный им союз с Наполеоном Бонапартом также нельзя объяснить эксцентричностью натуры Павла І. Изучение повседневной жизни французских эмигрантов как при дворе Бурбонов в Митаве, так и при императорском дворе в Петербурге способно отчасти объяснить загадочные колебания внешней политики Российской империи того периода. То, что эмигранты большинстве своем не отказывались служить российскому самодержцу, содействовали его планам и были источниками информации о дворе графа Прованского, не представляется случайным. Особенностью российских правительственных отношений с эмиграцией и исполнения разведывательной миссии для Петербурга был неявный характер, какой они носили. В отличие от Лондона, где эмигранты, окружавшие графа Артуа, не скрывали своих связей с британской разведкой, или, допустим, открытого в своей неприязни Кобленца, Петербург и Митава не представляли собой картины открытой поддержки контрреволюционных сил. Если говорить о самих Бурбонах, то статус Людовика XVIII и его семьи был далеко не таким высоким, как в Лондоне и Варшаве (тогда бывшей прусской территорией), когда их резиденции открыто посещались многими известными политиками и общественными свобода передвижения королевской была деятелями, семьи почти неограниченна. В России Бурбоны фактически находились на положении частных

лиц, сохранявших при себе своих слуг и нуждающихся в политическом убежище. Считается, что такая позиция была вызвана либо презрением Павла I и его сына Бурбонов, либо Александра I К личностям последних вооруженным нейтралитетом России. Как бы то ни было, Петербург имел в эмигрантском деле свои резоны – как укрепление линии России в качестве всеевропейского арбитра и охранительницы традиционных ценностей, так и для возможного усиления своих позиций в Средиземном море. Сделано это было столь искусным образом, что и современники, и позднейшие исследователи, поверили в полное бескорыстие державы в этом вопросе.

Не все прибывшие эмигранты могли быть обозначены как роялисты. Некоторые из них положительно отнеслись к ранним этапам революции, участвуя в выборах в Генеральные штаты и составления конституции. Некоторые, будучи членами аристократических семейств, эмигрировали в весьма юном возрасте, что не помешало им позднее придерживаться либеральных и демократических принципов. И, хотя их было сравнительно немного, они оказали свое влияние на поколение молодых офицеров времен 1812 года и Заграничных походов, рассказав им историю революции и Террора из первых уст. Это позволило многим молодым либеральным дворянам не столько разочароваться в своих идеалах, сколько искать новые пути их осуществления – но уже на русской почве. Так родилось движение декабристов, а позднее и разночинный интеллигентский либерализм, который впитал многое из культуры политических клубов времен 1789 года. Консерватизм также получил новое орудие в свои руки, будучи идеологически оформлен Жозефом де Местром, сардинским дипломатомфранкофилом, знакомым с трудами его товарищей по эмиграции Луи де Бональдом, Малле дю Паном и многими другими. Сквозь призму его сочинений и обаяния его личности во многом складывается мироощущение славянофилов, которым был близок дух христианского провиденциализма де Местра, но не его католицизм. Русская консервативная мысль того времени проделала большой путь от признания заслуг монарха в образовании народа, как во времена Екатерины II, восхищавшейся Генрихом IV и Петром I, до поиска начал духовной жизни самого народа, которые сделали возможным именно самодержавную монархию и централизованный уклад жизни огромной империи.

Эмигранты, даже поступавшие на русскую службу, часто меняли не только страну проживания, но даже и поле деятельности. Значительное количество из них так или иначе вернулось во Францию – либо во время Реставрации, либо непосредственно в период Консулата и Империи. Это создало проблемы в отношениях между членами одних и тех же семей, что породило как отказ от своего привилегированного положения и политический релятивизм во взглядах, либо желание сохранить общественное и национальное своеобразие любой ценой. Создание Священного союза попыталось соблюсти баланс между европейским космополитическим «концертом» государств и национального суверенитета каждой территории. Возникшая во времена объединения Германии Realpolitik берет начало именно из неустойчивого политического положение Франции, которой угрожали не только социальные катаклизмы, но и прекращение своего существования как государства. Распространенный в те времена шпионаж, когда один и тот же человек мог быть агентом двух или даже трех сторон также можно объяснить желанием сохранения своего статуса и самой жизни.

Оставшиеся в России эмигранты и их потомки не сразу стали осознавать себя полноправными членами российского общества, сохраняя многие из сложившихся традиций и обычаев Старого режима. Многие французы не являлись русскоподдаными, предпочитая просто состоять на русской службе. Но, с течением времени, они и их потомки, оценивая свой вклад в развитие российской государственности и культуры, смогли считать себя патриотами своей новой родины, лицо которой они во многом изменили. Писатели, философы и люди искусства, очутившись в Петербурге и других городах империи, смогли как познакомить русскую аристократию с салонной культурой Старого режима, так и изменить ее под влиянием местного менталитета. Так, в творчестве Элизабет Виже-Лебрен появляются многие русские или даже восточные мотивы, а повесть Ксавье де Местра впервые позволяет создать положительный и реалистичный образ русской девушки. Прежнее представление о восточной, варварской и

подверженной суеверию большой стране с дикими нравами постепенно уступает место более благожелательному взгляду на Российскую империю. И, хотя проект Павла I по превращению России в оплот традиции против революционного потока провалился ввиду трагической смерти императора, он немало способствовал в укреплении как Священного союза, так и нового взгляда на события русской истории и ее современность.

Данная тема в дальнейшем, в связи с развитием междисциплинарных подходов, семиотики, истории повседневности и церемониальной культуры, способна обогатить дальнейшем как вспомогательные исторические дисциплины, так и другие гуманитарные отрасли. В дальнейшем, в связи с открытиями фондов архивов Великобритании, Франции и Австрии, путь отдельных лиц эмигрантской диаспоры поможет проследить не только путь отдельных персон, но и картину тайной дипломатии в целом. Уточнение сведений об этой стороне внешней политики особенно полезно для характеристики деятельности не только таких недооцененных и спорных личностей, как Павел I, но предполагает расширение области изучения агентуры Великой французской революции. До настоящих дней связи революционной Франции со странами Европы рассматривались в научных кругах исключительно с точки зрения политической конфронтации и создания международных коалиций. Однако, в связи с расширением сведений о таких агентах, как Монгайяр, Антрег и мадам де Боннейль, а также с изучением документации, проходившей через Комитет общественного спасения, Комитет общественной безопасности, Революционный трибунал и другие учреждения, картина экономической жизни республики выглядит иначе. Связи «бывших» со своими родственниками из-за рубежа, финансовыми кругами Европы, так или иначе заинтересованными в поддержании торгово-финансовых отношений с революционным правительством, установление максимума цен на хлеб, финансовый ажиотаж и рынок земель эмигрантов, вопросы колониальной политики – все это поможет уточнить экономическую базу революционных фракций, причины их побед и упадка. Без знаний о первом (после революции) периоде союзнических отношений Российской империи и Французской республики, нельзя говорить о причине бонапартизма, его политическом и идеологическом фоне, который во многом создавали рассеянные по Европе представители Старого режима, которым пришлось заново переписать историю этого общественного порядка и распространить новую концепцию на организацию единого европейского пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Латвийский национальный архив (Latvijas Valsts vestures arhivs, LVVA).

- 1. 3 f. (Канцелярия Лифляндского губернатора) 1 арг. 7 l. (Рапорты об иностранцах) 43 lp.
- 2. 3 f. 1 apr. 7 l. 75 lp.
- 3. 3 f. 1 apr. 7 l. 76 lp.
- 4. 3 f. 1 apr. 7 l. 159 lp.
- 5. 3 f. 1 арг. 7 l. 318 lp. Сообщено г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца- музея, Латвия.
- 6. 412 f. (Канцелярия Курземского губернатора) 1 арг. 22(16) l. (Бумаги, относящиеся к пребыванию Людовика XVIII с семейством в Митаве (1798-1799) 2 lp.
- 7. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 3 lp.
- 8. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 4 lp.
- 9. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 5 lp.
- 10. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 6 lp.
- 11. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 7 lp.
- 12. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 8 lp.
- 13. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 12 lp.
- 14. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 13 lp.
- 15. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 14 lp.
- 16. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 15 lp.
- 17. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 16 lp.
- 18. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 17 lp.
- 19. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 18 lp.
- 20. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 19 lp.

- 21. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 20 lp.
- 22. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 21 lp.
- 23. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 22 lp.
- 24. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 23 lp.
- 25. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 24 lp.
- 26. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 25 lp.
- 27. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 26 lp.
- 28. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 27 lp.
- 29. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 28 lp.
- 30. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 30-31 lp.
- 31. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 33 lp.
- 32. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 37 lp.
- 33. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 38 lp.
- 34. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 40 lp.
- 35. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 42 lp.
- 36. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 43 lp.
- 37. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 44 lp.
- 38. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 45 lp.
- 39. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 82 lp.
- 40. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 83 lp.
- 41. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 84 lp.
- 42. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 85 lp.
- 43. 412 f. 1 apr. 22(16) l. 86 lp.
- 44. 412 f. 2 арг. 28. 1 l. 2 lp. Сообщено г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца-музея, Латвия.
- 45. 412 f. 2 apr. 28. l. 3 lp. Сообщено г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца-музея, Латвия.
- 46. 412 f. 2 apr. 28 l. 16 lp. Сообщено г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца-музея, Латвия.

- 47. 412 f. 7 apr. 341 l. (Pārskati par Kurzemē iebraukušiem un no Kurzeme izbraukušiem ārzemniekiem (1798) l lp.
- 48. 412 f. 7 apr. 341 l. 5 lp.
- 49. 412 f. 7 apr. 341 l. 7 lp.
- 50. 412 f. 7 apr. 341 l. 10 lp.
- 51. 412 f. 7 apr. 341 l. 11 lp.
- 52. 412 f. 7 apr. 341 l. 13 lp.
- 53. 412 f. 7 apr. 341 l. 14 lp.
- 54. 412 f. 7 apr. 341 l. 16 lp.
- 55. 412 f. 7 apr. 341 l. 17 lp.
- 56. 412 f. 7 apr. 341 l. 20 lp.
- 57. 412 f. 7 apr. 341 l. 21 lp.
- 58. 412 f. 7 apr. 341 l. 22 lp.
- 59. 412 f. 7 apr. 341 l. 25 lp.
- 60. 412 f. 7 apr. 341 l. 28 lp.
- 61. 472 f. (Курляндская казенная палата (Kurzemes guberņas kamerāvalde) 13 apr. 35 l. (Lieta par Francijas karaļa Ludviķa XVIII uzņemšanu Jelgavas pilī) 1 lp.
- 62. 472 f. 13 apr. 35 l. 2 lp.
- 63. 472 f. 13 apr. 35 l. 13 lp.
- 64. 472 f. 13 apr. 35 l. 14 lp.
- 65. 472 f. 13 apr. 35 l. 16 lp.
- 66. 472 f. 13 apr. 35 l. 17 lp.
- 67. 472 f. 13 apr. 35 l. 19 lp.
- 68. 472 f. 7 apr. 3181 l. 22-34 lp. Сообщено г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца- музея, Латвия.
- 69. 640 f. 3 apr. 710 l. 77 lp. Сообщено г-ном Имантсом Ланцманисом, директором Рундальского дворца-музея, Латвия.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

- 70. Ф. 4. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.
- 71. Ф. 15. Оп.1. Д. 616. Л. 4 об.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

- 72. Ф. 549. Оп. 1. Д. 266. Л. 8-13.
- 73. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 14. Л. 39-40.

Законодательные источники

- 74. Конвенция, заключенная с Державным Орденом Мальтийским и Его Преимуществом Гроссмейстером, об установлении сего Ордена в России // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXIV. С. 261-268.
- 75. Конвенция морскаго вооруженнаго нейтралитета, заключенная между Их Величествами, Императором Всероссийским и Королем Пруссии // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXVI. С. 418-422.
- 76. Манифест. О установлении в пользу Российскаго дворянства ордена Святаго Иоанна Иерусалимскаго.// Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXV. С. 455-458.
- 77. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. С 1789 по 6 Ноября 1796. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXIII. 969 с.
- 78. Прибавочная статья Конвенции, заключенной Полномочными Его Величества Императора Всероссийскаго и Полномочным Державнаго Мальтийскаго Ордена и Его Преимущества Грос-Мейстера в С. Петербурге Генваря 4/16 дня 1797 года.//Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: тип. II Отделения Собственной

- Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. T. XXIV. C. 802-803.
- 79. Союзный и оборонительный договор, заключенный в Санктпетербурге между Ея Величеством Императрицею Всероссийскою и Его Величеством Королем Великобританским // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXIV. С. 647-652.

Опубликованные делопроизводственные документы

- 80. «К повышению... достоин». Документы РГВИА о службе герцога А. Э. де Ришелье в русской армии / Публикацию подготовил В. Н. Пономарев // Исторический архив. 2010. № 6. С. 188-199.
- 81. A Selection from the Letters and Despatches of the First Napoleon. With Explanatory Notes / Napoleon Bonaparte. Ed. by D. A. Bingham. New York: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1. 478 p.
- 82. Lettres de représentants de la Convention Nationale sur leurs missions à Lyon et Toulon.// Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande.. P.: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 793-796.
- 83. Papiers d'un émigré 1789-1829. Lettres et notes extradites du portefeuille du baron de Guilhermy, député aux États généraux, conseiller du Comte de Provence, attaché a la légation du Roi a Londres, etc... / Mises en ordre par Le Colonel de Guilhermy. P.: Librairie Plon; E. Plon, Nourrit et Cie, Imprimeurs-Éditeurs, 1886. 551 p.

Источники личного происхождения

- 84. Бокса, Ж. Жозефина, жена Наполеона / Жоржетта Бокса; [пер. с фр. М. А. Руновой]. М.: Эксмо, 2012. 672 с.
- 85. Булгаковы, братья. Письма / Александр Булгаков; Константин Булгаков; [вст. ст. П. А. Вяземского]. М.: «Захаров», 2010. В 3 тт. Т. І. Письма 1802-1820 гг. 752 с.

- 86. Воспоминания генерала Н. А. Саблукова // Боханов, А. Н. Павел I. М.: Вече, 2010. С. 375-442.
- 87. Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: воспоминания / Великий князь Гавриил Константинович. М.: Захаров, 2005. 383 с.
- 88. Герцен, А. И. Былое и думы / Александр Иванович Герцен. М.: Эксмо, 2007. 635 с.
- 89. Головина, В. Мемуары / В. Н. Головина. М.: АСТ: Астрель, 2005. 447 с.
- 90. Головкин, Ф. Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля; Предисл. и примеч. С. Боннэ; Сост., вступит. ст., подгот. текста, коммен. Д. Исмаил-Заде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 479 с.
- 91. Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Николая Барсукова, члена Археографической комиссии. М.: В Университетской типографии, 1901. 402 с.
- 92. Комаровский, Е. Ф. Записки // Державный сфинкс / Евграф Комаровский. Роксандра Эдлинг. София Шуазель-Гуфье. Петр Вяземский. М.: Фонд Сергея Дубова, 1999. С. 9-156.
- 93. Констан, Б. Дневник и письма к г-же Рекамье.// Констан, Б. Проза о любви / Бенжамен Констан; Пер. с фр., ст., коммент. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2006. С. 211-384.
- 94. Констан, Б. Моя жизнь.//Констан, Б. Проза о любви / Бенжамен Констан; Пер. с фр., ст., коммент. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2006. С. 173-208.
- 95. Мемуары госпожи Ремюза / госпожа Ремюза ; [предисл. и примеч. ее внука Поля Ремюза ; пер. с 24-го фр. изд. О. И. Руденко]. М.: Захаров, 2011. 597 с.
- 96. Наполеон Бонапарт. Египетский поход / Наполеон Бонапарт. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 432 с.

- 97. Письма Императрицы Екатерины II к Г-же Жоффрен // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1867. Т. I. С. 253-291.
- 98. Потоцкая, А. Мемуары графини Потоцкой, 1794 1820 / А. Потоцкая Пер. с фр. А. Н. Кудрявцевой; Предисл. В. Е. Климанова; Примеч. В. Е. Климанова и А. Н. Кудрявцевой. М.; Жуковский: Кучково Поле, 2005. 304 с.
- 99. Рассказы генерала Кутлубицкаго о временах Павла I [Излож. А. И. Ханенко] // Русский архив, 1912. Кн. 2. Вып. 8.- С. 509-538.
- 100. Робеспьер, М. Избранные произведения в трех томах. / М. Робеспьер. Подг. А. З. Манфред, А. Е. Рогинская, Е. В. Рубинин. Т. І. М.: Издательство «Наука»,1965. 378 с.; Т. ІІ. М., 1965. 399 с.
- 101. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо. М.: Захаров, 2004. 704 с.
- 102. Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. Письма Императрицы Екатерины II к Гримму (1774-1796), изданные с пояснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878. 734 с.
- 103. Семена Порошина записки, служащия к истории Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича / Семен Порошин. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1881. 635 с.
- 104. Смирнова-Россет, А. О. Записки / Сост. О. Смирнова. М.: Захаров, 2003. 528 с.
- Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя.
 Реставрация / Талейран; Редакция и статья Е. В. Тарле. М.:
 Издательство Института международных отношений, 1959. 438 с.
- 106. Чарторижский, А. Воспоминания и письма / Князь Адам Чарторижский; [предисл. А. Кизеветтера; И. Захарова]. М.: «Захаров», 2010. 592 с.

- 107. Юсупов, Ф. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887-1919. В изгнании / Князь Феликс Юсупов. М.: Захаров, 2004. 427 с.
- 108. Biographie universelle et portative des contemporaines ; ou Dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'a nos jours, qui se sont fait remarquer par leurs ècrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes./Pub. sous la direction de MM. Rabbe, Vieilh de Boisjolin et Sainte-Preuve / Rabbe, Vieilh de Boisjolin, Saint-Preuve. P.: Chez l'Éditeur, 1836. T. V. 918 p.
- 109. Bombelles, Marquis de. Journal / Marquis de Bombelles. Pub. sous les auspices du Comte George Clam Martinic. Texte établi, présenté et annoté par J. Charon-Bordas, J. Grassion et F. Durif. Genève : Droz, 2002. T. V. 1795-1800 517 p.
- 110. Correspondance originale des émigrés, ou Les émigrés peints par euxmêmes (Cette Correspondance, déposée aux archives de la Convention Nationale, est celle prise par l'avant-garde du Général Kellermann à Longwy et à Verdun, dans le Porte-feuille de Monsieur, et dans celui de M. Ostome, Secrétaire de M. de Calonne). On y a joint des Lettres curieuses, et des Papieres saisis en Savoie sur les Emigrés, et également déposés aux Archives de la Convention / Monsieur (Louis XVIII), MM. Ostome, de Calonne. A Paris : Chez Buisson, Libraire ; A Lyon : chez Bruyset frères ; A Marseille : chez Mossy, Libraire ; A Londres : chez J. De Boffe, 1793. 208 p.
- 111. D'Abrantes, the Duchess (Madame Junot). Memoirs of Napoleon, His Court and Family. In Two Volumes / The Duchess D'Abrantes. L.: Richard Bentley, Publisher in Ordinary to His Majesty, 1836. Vol. I. 548 p.
- 112. Dictionnaire universel et classique d'histoire et de geographie, comprenant l'histoire proprement dite, la biographie universelle, la mythologie, la gèographie ancienne et la gèographie moderne. Sur le plan du Dictionnaire de Bouillet, d'après les ecrivains les plus estimés et les ouvrages les plus accréditès de toutes les époques et de toutes les nations ; et mis en ordre Par une Société de Professeurs. Nouvelle édition illustrée, et enrichie de nombreux

- articles qui ne se trouvent dans aucune autre édition et spécialement en ce qui concerne l'histoire et la gèographie de la Belgique / Bouillet. Bruxelles : Publié par F. Parent, 1853. T. II. 1366 p.
- 113. Fauvelet de Bourrienne, L. A. Memoirs of Napoleon Bonaparte / Louis Antoine Fauvelet de Bourrienne. Wildside Press LLC, 2010. 900 p.
- 114. Goldsmith, L. Histoire secrete du cabinet de Napoléon Bonaparte, et de la Cour de St. Cloud. Par Lewis Goldsmith, notaire. Ex-Interprète près les Cours de Justice et le Conseil des Prises de Paris / Lewis Goldsmith. A Londres: De l'Imprimerie de Harper le jeune, et se trouve chez tous les libraires,1810. 139 p.
- 115. Jerdan, W. National Portrait Gallery of Illustrious And Eminent Personages of the Nineteenth Century; With Memoirs, by William Jerdan, Esq. F. S. A. M. R. S. L., M. R. A. S. etc. Dedicated, by Permission, to the King / William Jerdan. L.: Fisher, Son & Jackson, 1831. Vol. II. 300 p.
- 116. Las Cases, Le Comte de. Journal de la vie privée et des conversations de l'Empereur Napoléon, à Sainte Hélène par le Comte de Las Cases / Le Comte de Las Cases. L. : chez Henry Colburn et Co. et M. Bossange et Co., 1823. T. II. Quatrième partie. 396 p.
- 117. Mémoires de Madame la Duchesse de Tourzel, gouvernante des enfants de France, pendant les années 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1795 / La Duchesse de Tourzel; Publiés par Le Duc des Cars. P.: E. Plon et Cie, 1883. T. I. 404 p.
- 118. Mémoires d'une femme de qualité sur Louis XVIII, sa Cour et son regne. -P.: Mame et Delaunay-Vallée, Libraires, 1830. T. IV. 414 p.
- 119. Mémoires secrets, de J.-G.-M. de Montgaillard, pendant les années de son émigration, contenant de nouvelles informations sur le caractére des Princes français, et sur les intrigues des Agen[t]s de l'Angleterre / J.-G.-M.-Roques de Montgaillard. A Paris : Chez tous les Marchands de Nouveautés , an XII. 181 p.

- 120. Memoirs of the Empress Josephine with Anecdotes of the Courts of Navarre and Malmaison. L.: Henry Colburn, 1828. Vol. I. 364 p.
- 121. Poussielgue, J.-B.-E. Des finances de la France en 1817, des répartitions de la contribution foncière, et du cadastre ; Par J.-B.-E. Poussielgue (de Paris), Chevalier de l'Ordre royal de la Légion d'honneur, Inspecteur général des Finances, ancien Administrateur général des Finances et membre de l'Institut d'Egypte / J.-B.-E. Poussielgue. A Paris : Chez Testu et Cie ; Chez Delaunay, Libraire ; Chez Pélicier, Libraire, 1817. 240 p.
- 122. Secret Memoirs of Napoleon Buonaparte, precided by an historical survey of the character of this extraordinary personage, pounded on his own words and actions, by One who never quitted him for fifteen years, Second Edition, to which is added an account of the Regency at Blois, and the Itinerary of Buonaparte, from the period of his residence at Fontainebleau, to his establishment of the island of Elba. L.: Printed for Henry Colburn, and Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1815. 420 p.
- 123. Ségur, Le Comte de. Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes / Le Comte de Ségur // Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur de l'Académie française. Correspondance et pensées de Prince de Ligne / Avec avant-propos et notes par M. Fs. Barrière. P.: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie, 1859. T. I. 447 p. Mémoires, ou Souvenirs et Anecdotes // Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur. Correspondance et pensees du Prince de Ligne / Avec avant-propos et notes par M. Fs. Barrière. P.: Librairie de Firmin Didot frères, fils et Cie, 1859. T. II. 219 p.
- 124. Souvenirs de Madame Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun, de l'Académie Royale de Paris, de Rouen, de Saint-Luc de Rome et d'Arcadie, de Parme et de Bologne, de Saint-Pétersbourg, de Berlin, de Genève et Avignon / Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun. P.: Librairie de H. Fournier,1835. T. I. 346 p.; Souvenirs de Madame Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun, de l'Académie Royale de Paris, de Rouen, de Saint-Luc de Rome et d'Arcadie, de Parme et de

- Bologne, de Saint-Pétersbourg, de Berlin, de Genève et Avignon / Louise-Élisabeth Vigée-Lebrun... P.: H. Fournier jeune, Libraire, 1836. T. III. 367 p.
- 125. The Annual Biography and Obituary for the Year 1826. L.: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1826. Vol. X. 470 p.
- 126. The Napoleon Anecdotes: Illustrating the Mental Energies of the Late Emperor of France, And the Characters and Actions of His Contemporary Statesmen and Warriors. Edited by W. H. Ireland, Member of the Atheneum of Sciences and Arts of Paris; and Author of "France for the last Seven Years" / W. H. Ireland. L.: Printed for C. S. Arnold: Sold by Simpkin and Marshall; and C. Stocking, 1823. Vol. III. 152 p.
- 127. The Private Journal of Madame Campan, Comprising Original Anecdotes of the French Court; Selections from Her Correspondence, Thoughts On Education, &c., &c. / Madame Campan; Ed. By M. Maigne. L.: Printed for Henry Colburn, 1825. 440 p.
- 128. Un plebeian, a M. le Comte d'Antraigues, sur son apostasie, sur le schism de la Noblesse, & sur son arrété inconstitutionel, du 28 mai 1789. [s. 1.], 1789. 30 p.
- 129. Vitrolles, Baron de. Souvenirs autobiographiques d'un émigré / Baron de Vitrolles; Publiés avec une introduction, des notes, et un index des noms par Eugène Forgues. Paris : Émile-Paul Frères, éditeurs, M.CM.XXIV. 225 p.
- 130. Voyage aux Isles de Lipari fait en 1781, ou Notices sur les Iles Æoliennes, pour servir à l'Histoire des Volcans; sivi d'un Memoire sur une espèce de volcan d'air, & d'un autre sur la température du climat de Malte, & sur la difference de la chaleur reelle & chaleur sensible ; par M. le Commandeur Déodat de Dolomier, Correspondant de l'Académie des Sciences, & c. A Paris, rue & hôtel Serpente. I Vol, in 8° / Le Commandeur Déodat de Dolomier // Mercure de France dédié au Roi, par une Société de gens de lettres, contenant Le Journal Politique des principaux événemens de toutes les Cours ; les Pièces fugitives nouvelles en vers & en prose ; l'Annonce &

- l'Analyse des Ouvrages nouveaux ; les Inventions & Découvertes dans les Sciences & les Arts ; les Spectacles, les Causes célebres ; les Acadèmies de Paris & des Provinces ; la Notice des Édits, Arrêts ; les Avis particuliers, &c. &c. A Paris, Chez Panckoucke. Avec Approbation & Brevet du Roi. Samedi 4 Octobre 1783. P. 127-134.
- 131. Whitworth, Charles Lord. An Account of Russia as it was In the Year 1710/ Charles Lord Whitworth. Printed at Strawberry-Hill, M DCC LVIII. 158p.
- 132. Zbior nazwisk szlachty z opisem herbów własnych familiom zostaiącym w Krolestwie Polskim, i Wielkim Xięstwie Litewskim. Przez urodzonego Piotra Nałecza Małachowskiego, Ziemlanina Woiewod: Czerniechow. Ułozony, poprawiony, pomnozony, i powtornie do druku podany / Piotr Nałęcz Malachowski. W Lublinie: w Drukarni J. C. K. Mci u XX. Trynitarzów, 1805. 817 s.

Периодическая печать

- 133. Carr's *Northern Summer.*//The Anti-Jacobin Review and Magazine, or, Monthly Political and Literary Censor from September to December (Inclusive). -1806- With An Appendix, Containing An Ample Review of Foreign Literature. L.: J. Hales, The Anti-Jacobin Press, 1806. Vol. XXII. P. 133-147.
- 134. Frederick and Fleury; or, The Illuminees // The Anglo-American Magazine.
 Toronto: Thomas Maclear, 1853. July to December. Vol. III. P. 485-488.
- 135. Gazette nationale, ou Le Moniteur Universel. Lundi 2 Janvier 1792.
 Troisième Année de la Liberté. № 2. 8 p.
- 136. L'apostasie trainée à la barre de la Convention nationale. (Séance du 17 brumaire an II (7 novembre 1793) / Moniteur du 20 brumaire an II (30 novembre 1793) // Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande. P.: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 831-836.

Интернет-источники

137. Mémoire écrit par Marie-Thérèse-Charlotte de France sur la captivité des princes et princesses ses parents depuis le 10 aout 1792 jusqu'a la mort de son frère arrivée le 9 juin 1795. Publié sur le manuscrit autographe appartenant à Madame la Duchesse de Madrid. Paris, Librairie Plon, E. Plon, Nourrit et Cie, Imprimeurs-Éditeurs, rue Garancière, 10 // URL: http://penelope.uchicago.edu/angouleme/angouleme_3.xhtml (дата обращения: 07.07.2014).

Художественная литература

- 138. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. М.: Захаров, 2005. 496 с.
- 139. Констан, Б. Амелия и Жермена.// Констан, Б. Проза о любви / Бенжамен Констан; Пер. с фр., ст., коммент. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2006. С. 95-120.
- 140. Лабрюйер, Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века: [пер. с фр.] / Жан де Лабрюйер. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412, [4] с.
- 141. Монтескье, Ш. Л. Персидские письма // Французский фривольный роман / Ш. Л. Монтескье, Д. Дидро, Ж. Казот; [пер. с фр.; примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского]. М.: Эксмо, 2007. С. 7-252.
- 142. Потоцкий, Я. Рукопись, найденная в Сарагосе: Роман / Я. Потоцкий. Пер. с пол. А. Голембы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 736 с.
- 143. Œvres completes de M. le Comte Xavier de Maistre. T. II. Le lépreux de la cité d'Aoste. Les prisonniers du Caucase. La jeune Sibérienne / Xavier de Maistre. Paris : Dondey-Dupré père et fils, Éditeurs, M DCCC XXVIII. 343 p.
- 144. Parny, É. Voyage à l'ile Bourbon / Évariste Parny // Voyages badins, burlesques et parodiques du XVIIIe siècle / Textes réunis et présentés par Jean-Michel Racault avec la collaboration de Theodore E. D. Braun, Pierre Burger et Erik Leborgne. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne, 2005. P. 240-262.

Список литературы

- 1. Акунов, В. В. История военно-монашеских орденов Европы / В. В. Акунов. М.: Вече, 2012.
- 2. Аронсон, М., Рейсер, С. Литературные кружки и салоны / М. Аронсон, С. Рейсер. М.: Аграф, 2001. 395 с.
- 3. Бёмер, Г. История ордена иезуитов / Генрих Бёмер; пер. с нем. Н. Попова; [ил. И. Тибиловой]. М.: Ломоносов, 2012. 220 с.
- 4. Бондаренко, А. Ю. Денис Давыдов / Александр Бондаренко. М.: Молодая гвардия, 2012. 364 с.
- 5. Борисов, Ю. В. Шарль Морис Талейран / Юрий Васильевич Борисов. 2-е доп. изд. М.: Международные отношения, 1989. -327 с.
- 6. Боханов, А. Н. Павел I / Александр Боханов. М.: Вече, 2010. 448 c.
- 7. Буторов, А. В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер / А. В. Буторов. М.: Астрель, 2012. 655 с.
- 8. Важнер, Ф. Госпожа Рекамье / Ф. Важнер; Пер. с фр. Е. В. Колодочкиной; Вступ. ст. А. П. Левандовского. М.: Мол. гвардия, 2004. 369 с.
- 9. Вайнштейн, О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796). (По материалам Воронцовской библиотеки) / О. Л. Вайнштейн; Под ред. и с предисл. проф. А. Васютинского. Харьков: Государственное издательство Украины, 1924. 127 с.
- 10. Вернадский, Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Г. В. Вернадский. Пг.: Огни, 1917. 286 с.
- 11. Винтер, Э. Папство и царизм / Э. Винтер; Пер. с нем. Р. А. Крестьянинова и С. М. Раскиной; Предисловие и редакция В. Т. Пашуто и М. М. Шейнмана. М.: Издательство «Прогресс», 1964. 531 с.
- 12. Володарская, О. А. Граф Сен-Жермен / Ольга Володарская. М.: Вече, 2012. 464 с.
- 13. Выскочков, Л. В. Будни и праздники императорского двора / Л. В. Выскочков. СПб.: Питер, 2012. 493 с.

- 14. Гофман, М. Драма Пушкина. Из наследия пушкиниста-эмигранта / М. Гофман; Сост., вступ. ст., коммент. М. Филина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. 317 с.
- 15. Данилова, А. Ожерелье светлейшего: Племянницы князя Потемкина: биографические хроники / Альбина Данилова. М.: Эксмо, 2009. 608 с.
- 16. Де Кастр, Р. Мирабо: Несвершившаяся судьба / Рене де Кастр; пер. с фр. Е. В. Колодочкиной; науч. ред. и вступ. ст. Т. Д. Сергеевой. М.: Молодая гвардия, 2008. 419 с.
- 17. Дегтярева, М. И. «Лучше быть якобинцем, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семенович Уваров / М. И. Дегтярева //Вопросы истории. 2006. № 7. С. 89-97.
- 18. Дюма, А. Людовик XIV. Биография / Александр Дюма. М.: Захаров, 2006.- 784 с.
- 19. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2012. 254 с.
- 20. Захаров, В. А. Император Всероссийский Павел I и Орден святого Иоанна Иерусалимского / В. А. Захаров. СПб.: Алетейя, 2007. 284 с.
- 21. Захаров, В. А. История Мальтийского ордена / В. А. Захаров, В. Н. Чибисов. М.: Вече, 2012. 412 с.
- 22. Захарова, О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений / Оксана Захарова. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. 255 с.
- 23. Зорин, А. «Кормя двуглавого орла...» Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII первой трети XIX века / Андрей Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 414 с.
- 24. Зотов, А. В. Главный соперник Наполеона. Великий генерал Моро / Алексей Зотов. М.: Вече, 2012. 416 с.
- 25. Зубов, В. П. Павел I / В. П. Зубов; пер. с нем. В. А. Семенова. СПб.: Алетейя, 2007. 263 с.

- 26. Иванов, А. Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне / А. Ю. Иванов; Вступ. ст. А. П. Левандовского. М.: Молодая гвардия, 2006. 351 с.
- 27. Ивченко, Л. Л. Кутузов / Лидия Ивченко. М.: Молодая гвардия, 2012. 494 с.
- 28. История войны России с Франциею в царствование Императора Павла I в 1799 году. В 5 тт. СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1852-1853 / Д. А. Милютин, А. И. Михайловский-Данилевский. Т. І. Ч. І. и ІІ. / Т. І. Ч. І. Соч. генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского; Ч. ІІ Соч. полковника Милютина. СПб., 1852. 616 с.; Т. ІІ. Ч. ІІІ и ІV. СПб., 1852. 642 с.; Т. ІІІ. Ч. V. СПб., 1852. 502 с.; Т. ІV. Ч. VІ. СПб., 1853. 460 с.; Т. V. Ч. VІІ и VІІІ. СПб., 1853. 512 с.
- 29. Йена, Д. Екатерина Павловна: великая княжна королева Вюртемберга / Детлеф Йена; пер. с нем. Ж. А. Колобовой. М.: АСТ: Астрель, 2008. 415 с.
- 30. Кинг, Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814 / Дэвид Кинг; пер. с англ. И. В. Лобанова. М.: АСТ: Астрель, 2010. 116 с.
- 31. Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / Энтони Кросс; Пер. с англ. Н. Г. и Ю. Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- 32. Кузнецов, С. О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари / С. О. Кузнецов. М.: Издательство Центрполиграф, 2012. 557 с.
- 33. Кучерская, М. А. Константин Павлович / Майя Кучерская. М.: Молодая гвардия, 2013. 341 с.
- 34. Лиштенан, Ф. Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других / Франсина Доминик Лиштенан. М.: Астрель, 2012. 635 с.
- 35. Лямина, Е., Самовер, Н. Поэт на балу. Три маскарадных стихотворения 1830 года / Екатерина Лямина, Наталья Самовер.// Лотмановский сборник. 3 / Редакторы Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, Т. Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 141-176.

- 36. Маклинн, Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства / Фрэнк Маклинн; пер. с англ. М. Жуковой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 638 с.
- 37. Мильчина, В. Николай I и французская внутренняя политика эпохи Реставрации: два эпизода / Вера Мильчина // Лотмановский сборник. 3. / Редакторы Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, Т. Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 121-140.
- 38. Михайлова, Н. И. Василий Львович Пушкин / Наталья Михайлова. М.: Молодая гвардия, 2012. 406 с.
- 39. Морозова, Е. В. Калиостро / Елена Морозова. М.: Молодая гвардия, 2011. 313 с.
- 40. Писаренко, К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны / К. А. Писаренко. - М.: Мол. гвардия, 2003. - 873 с.
- 41. Птифис, Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания / Жан-Кристиан Птифис; пер. с фр. И. А. Эгипти. СПб.: Евразия, 2008. 382 с.
- 42. Пыпин, А. Русское масонство в XVIII-м веке. *Новиков и московские мартинисты*. Изследование М. Лонгинова. Москва, 1867 г. / А. Пыпин // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Том IV. Декабрь. СПб., 1867. Ч. VII. С. 1-70.
- 43. Роундинг, В. Екатерина Великая / Вирджиния Роундинг; пер. с англ. Н. Тартаковской. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 730 с.
- 44. Старк, В. П. Портреты и лица: XVIII середина XIX века / В. П. Старк. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. 268 с.
- 45. Стегний, П. В. Время сметь, или Сущая служительница Фива. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - 445 с. ISBN 5-224-02452-8
- 46. Стегний, П. В. «Прощайте, мадам Корф». Из истории тайной дипломатии Екатерины Великой / П. В. Стегний. М.: Международные отношения, 2009. 388 с.
- 47. Столпянский, П. Н. Петергофская дорога и музыкальный Петербург/ Петр Столпянский; [оформ. худож. И. А. Озерова] . М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ; Русская тройка, 2011. 331 с.

- 48. Тарле, Е. Талейран / Е. В. Тарле // Талейран. Мемуары Талейран / Редакция и статья Е. В. Тарле.. М.: Издательство Института международных отношений, 1959. С. 8-81.
- 49. Тарле, Е. В. Жерминаль и прериаль / Е. В. Тарле. 2-е, перераб. и доп. изд. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 311 с.
- 50. Третьяк, А. И. Аббат Николь и первая книга Одессы / А. И. Третьяк // Життя і пам'ять: Наукова збірка, присвячена пам'яти В'ячеслава Івановича Шамко / відп ред. В. М. Букач. Одесса: Наука і техніка, 2009.
- 51. Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / Жан Тюлар; пер. с фр. А. П. Бондарева; вступ. ст. А. П. Левандовского. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2012. 362 с.
- 52. Уэйр, Э. Французская волчица королева Англии: Изабелла / Элисон Уэйр; пер. с англ. А. Немировой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 629 с.
- 53. Флори, Ж. Ричард Львиное Сердце: Король-рыцарь / Жан Флори; пер. с фр. А. В. Наводнюка. СПб.: Евразия, 2008. 666 с.
- 54. Фрида, Л. Екатерина Медичи / Леони Фрида; пер. с англ. А Суворовой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 574 с.
- 55. Фрэзер, А. Мария Антуанетта: Жизненный путь / Антония Фрэзер; пер. с англ. М. Жуковой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 638 с.
- 56. Фукс, Э. История нравов / Э. Фукс; пер. с нем. В. М. Фриче. Смоленск: Русич, 2010. 544 с.
- 57. Хасси, Э. Париж: анатомия великого города / Эндрю Хасси; [пер. с англ. Д. Ищенко под ред. К. Королева, Е. Кривцовой]. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2010. 640 с.
- 58. Цимбаева, Е. Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века / Е. Н. Цимбаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
- 59. Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2.: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1 / С. О. Шмидт. М.: Языки славянских культур, 2009. 576 с.

- 60. Эйдельман, Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII начало XIX столетия. М.: «Мысль», 1986. 367 с. ISBN 5-85490-035-1
- 61. Эйдельман, Н. Я. Мгновенье славы настает...: Год 1789-й / Н. Я. Эйдельман. - Л.: Лениздат, 1989. - 300 с.
- 62. Яблочков, М. Т. История Российского дворянства / М. Т. Яблочков.- М.: Эксмо, 2007. 544 с.
- 63. Baquès, M.-C. Le double mythe de Saint-Just à travers ses mises en scène / Marie-Christine Baquès // Mémoires et miroirs de la Révolution française. Cahiers du Centre d'histoire «Espaces et cultures » / (sous la direction de Mathias Bernard). № 23. Université Blaise-Pascal/Clermont-Ferrand II, 2006. P. 9-26.
- 64. Beausoleil, H. La mort de Louis XVI / Henri Beausoleil // Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande. P.: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 105-136.
- 65. Blanc, O. La Dernière Lettre. Prisons et condamnés de la Rèvolution. 1793-1794 / Olivier Blanc; Préface de Michel Vovelle. P.: Éditions Tallandier; Texto, 2013. 285 p.
- 66. Blanc, O. L'Éminence grise de Napoléon: Regnaud de Saint-Jean d'Angély / Olivier Blanc. P.: Pygmalion, 2002. 331 p.
- 67. Boucher, G. Poètes creoles du XVIIIe siècle: Parny, Bertin, Léonard / Gwenaëlle Boucher. P.: L'Harmattan, 2009. Vol. 1. 240 p.
- 68. Brancourt, J.-P. et. I. Le 14 juillet 1789: spontanéité avec premeditation / Jean-Pierre et Isabelle Brancourt // Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande. P.: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 21-51.
- 69. Breuillard, J. Héraclius de Polignac et l'occupation russe en France / Jean Breuillard // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle / Pub. par Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin, Yves Perret-Gentil. P.: Institut d'études slaves; Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2004. P. 437-463.
- 70. Castries, Duc de La vie quotidienne des émigrés / Duc de Castries. P.: Hachette, 1966. 316 p.

- 71. Charles-Roux, J. Passion et calvaire d'un enfant Roi de France / Père Jean Charles-Roux // Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande. P.: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 163-181.
- 72. Cooper, D. Talleyrand / Cooper, Duff, Viscount Norwich, 1890-1954. L.: Grove Press, 2001. 399 p.
- 73. Courcelles, M. le Chevalier de. Histoire généalogique et héraldique des pairs de France, des grands dignitaires de la Couronne, des principales familles nobles du Royaume, et des maisons princières de l'Europe, précédée de la généalogie de la maison de France / Le Chevalier de Courcelles. P., chez l'auteur, chez Arthus Bertrand, M. DCCC. XXVI. T. VI. 342 p.
- 74. Craveri, B. Mme de Genlis et la transmission d'un savoir-vivre / Benedetta Craveri //Madame de Genlis. Littérature et éducation / Sous la dir. de François Bessire et Martine Reid. Universités de Rouen et du Havre, 2008. P. 117-129.
- 75. Crowdy, T. The Enemy Within: A History of Spies, Spymasters and Espionage / Terry Crowdy. Oxford: Osprey Publishings, 2011. 368 p.
- 76. Daudet, E. Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française (d'après des documents inédits) / Ernest Daudet. P.: Librairie illustrée, s. a. 397 p.
- 77. Decherf, D. Jacques Bainville: la Révolution française n'a pas eu lieu. / Dominique Decherf // Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande. P.: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 691-698.
- 78. Dratwicki, B. Antoine Dauvergne (1713-1797). Une carrière tourmentée dans la France musicale des Lumières / Benoît Dratwicki. Wavre: Éditions Mardaga, 2011. 479 p.
- 79. Englund, S. Napoleon: A Political Biography / Steven Englund. N. Y.: Scribner; Simon & Schuster, 2004. 592 p.
- 80. Figeac, M. Les noblesses en France. Du XVIe au milieu du XIXe siècle / Michel Figeac. P. : Armand Colin, 2013. 415 p.
- 81. Franklin, J. What Science Knows: And How It Knows It / James Franklin. N. Y.: Encounter Books, 2009. 296 p.

- 82. Frey, L. S., Frey M. L. The French Revolution / Linda S. Frey and Marsha L. Frey. Westport: Greenwood Press, 2004. 190 p.
- 83. Gretchanaïa, E. L'exil et la patrie dans la correspondance d'émigrés français en Russie (la princesse de Tarente, Xavier de Maistre, le marquis de Lambert, Ferdinand Christin) / Elena Gretchanaïa //Exil et épistolaire aux XVIIIe et XIXe siècles. Des éditions aux inédits / Textes réunis et publiés par Rodolphe Baudin, Simone Bernard-Griffiths, Christian Croisille et Elena Gretchanaïa. Cahier № 16, Clermont-Ferrand: Presse Universitaires Blaise-Pascal, 2007. P. 157-169.
- 84. Gueniffey, P. Histoire de la Révolution et de l'Empire / Patrice Gueniffey. P.: Perrin, 2013. 744 p.
- 85. Kupferman, L., Pierrat, E. Ce que la France doit aux franc-maçons / Laurent Kupferman, Emmanuel Pierrat; Préface de Pierre Mollier. P.: Éditions First-Gründ, 2012. 285 p.
- 86. Lehmanowsky, J. J. History of Napoleon, Emperor of the French, King of Italy, &c. &c. By J. J. Lehmanowski, Formerly Commander of a Regiment of Polish Lancers in the Body Guard of Napoleon, and Member of the Legion of Honour, &c., & c., &c. / J. J. Lehmanowski. Washington: John A. M. Duncanson, Printer,1832. 56 p.
- 87. Lévêque, P. Histoire des forces politiques en France. 1789-1880 / Pierre Lévêque. P.: Armand Colin Éditeur, 1992. T. I. 370 p.
- 88. Lever, É. Louis XVIII. Pluriel, 2012 / Évelyne Lever. 597 p.
- 89. Madden, R. R., M. R. I. A. The Literary Life and Correspondence of The Countess of Blessington. By R. R. Madden, M. R. I. A. Author of "Travels in the East", "Infirmities of Genius", "The Musulman", "Shrines and Sepulchres", "The Life of Savonarola", etc / R. R. Madden, M. R. I. A. 2nd ed. L.: T. C. Newby, Publisher, 1855. Vol. I. 556 p.
- 90. M<artel>, M. A. de. Étude sur l'Affaire de la machine infernale du 5 nivose an IX / Par M. A. De M. P.: E. Lachaud, Libraire-Éditeur, 1870. 208 p.

- 91. Notice sur l'occupation de Malte en 1798, par l'armée française. Réponse à une assertion avancée par M. de Conny dans son Histoire de la Révolution Française.
 P.: Librairie de Paulin, 1843 / M. de Conny. 32 p.
- 92. Odier, A. Rivarol, «le Tacite de la Révolution» / Arnaud Odier // Le livre noir de la Révolution française / Sous la dir. de Renaud Escande. P. 451-470.
- 93. Ozouf, M. Varennes. La mort de la royauté (21 juin 1791) / Mona Ozouf. Barcelone: Gallimard, 2011. 594 p.
- 94. Paucis, F. Lointaine et mysterieuse Courlande / François Paucis. Vol I. P. 167. [рукопись].
- 95. Pincus, S. The English debate over universal monarchy / Steven Pincus // A Union for Empire: Political Thought and the British Union of 1707 / Ed. by John Robertson. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 37-62.
- 96. Plessix Gray, F. du. At Home with the Marquis De Sade / Francine du Plessix Gray. L.: Pimlico, 2000. 496 p.
- 97. Polignac, J.-A.-A. Études historiques, politiques et morales. Sur l'état de la Société europ<éenne> vers le milieu du 19 siècle. Par le prince de Polignac / Le prince de Polignac. Bruxelles: Wahlen, 1845. T. I. 183 p.
- 98. Prigaud, L. Les Françaises en Russie et les Russes en France: L'ancien régime. L'émigration. Les invasions. Par Léonce Prigaud, Professeur d'histoire moderne à la Faculté des lettres de Besançon / Léonce Prigaud. P.: Perrin,1886. 508 p.
- 99. Raynaud, Ph. La politesse des Lumières. Les lois, les mœurs, les manières / Philippe Raynaud. Gallimard, 2013. 294 p.
- 100. Rogué, H. Les Ségur. Hommes de guerre, courtisans et seigneurs de Romainville au XVIIIe siècle / Henriette Rogué. Éditions de l'Onde, 2012. 223 p.
- 101. Romer, Mrs. Filia dolorosa. Memoirs of Marie Thérèse Charlotte, Duchess of Angoulème, the Last of the Dauphines. By Mrs. Romer, Author of 'A Pilgrimage to the Temples And Tombs of Egypt', etc. / Mrs. Romer. Second edition. L.: Richard Bentley, New Burlington Street, Publisher in Ordinary to Her Majesty, 1853. 551 p.

- 102. Sheriff, M. D. The Exeptional Woman: Elisabeth Vigée-Lebrun and the Cultural Politics of Art / Mary D. Sheriff. Chicago: The University of Chicago Press, 1997. 353 p.
- 103. Sternhell, Z. Les anti-Lumières. Une tradition du XVIIIe siècle à la guerre froide / Zeev Sternhell. Édition revue et augmentée. Saint-Amand: Gallimard, 2010. 942 p.
- 104. Szramkiewicz, R. Les régents et censeurs de la Banque de France nommés sous le Consulat et l'Empire / Romuald Szramkiewicz. Genève: Librairie Droz, 1974. 427 p.
- 105. Thiers, A. Histoire du Consulat et de l'Empire / M. A. Thiers. Lauzanne : A Haubenreuser, 1845. T. II. 768 p.
- 106. Vertot, abbé de Histoire de l'ordre des chevaliers de Malte /L'abbé de Vertot. A Paris, chez Louis Janet, Libraire-Éditeur, M D CCC XIX. T. II. 418 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аваре, Антуан Луи Франсуа де Безиад д' (франц. Antoine Louis François de Béziade, comte/duc d'Avaray, 8 января 1759, Париж — 4 июня 1811, Мадейра) — граф, с 1799 года герцог, д'Аваре, полковник французской армии с 1788 года, гардеробмейстер графа Прованского с 1775, исполнял роль маршала и командира швейцарских гвардейцев при дворе в изгнании с 1795 года, командор Ордена Святого Иоанна Иерусалимского в 1800 году.

Аделаида, мадам (франц. Marie-Adélaïde de France, 23 марта 1732, Версаль – 23 марта 1800, Триест) – принцесса Мария-Аделаида Французская, «Дочь Франции» герцогиня де Лувуа, четвертая дочь Людовика XV и Марии Лещинской, глава «партии благочестивых» при племяннике Людовике XVI вместе со своей сестрой мадам Викторией (франц. Victoire-Louise-Marie-Thérèse de France, 11 мая 1733, Версаль – 7 июня 1799, Триест).

Адемар (Аземар) де Монфалькон, Жан-Бальтазар д' (франц. Jean-Balthazar d'Adhémar (Azémar) de Montfalcon, 6 февраля 1736, Ним — 17 ноября 1790, замок Тюн, Мелан-ан-Ивлин) — командир Шартрского пехотного полка с 1765 года, французский фельдмаршал с 1781, посол в Брюсселе в 1778 и Лондоне в 1783 году, ставленник семейства Полиньяк. Его жена, Адемар Габриэль Полина Бутийе де Шавиньи, графиня д' (франц. Gabrielle Pauline Bouthillier de Chavigny, comtesse d'Adhémar, ок. 1735 — 19 марта 1822, Париж), - в первом браке маркиза де Вальбель, статс-дама Марии Лещинской (1764-1768) и дама-компаньонка Марии-Антуанетты с 1770 года.

Андре, Антуан Бальтазар Жоашен, барон д' (франц. Antoine-Balthasar-Joseph d'André, 2 июля 1759, Экс-ан-Прованс — 16 июля 1825, Париж) — советник парламента в Экс-ан-Провансе, депутат Генеральных штатов, трижды президент Национального собрания (1790-1791), с 1792 года в эмиграции. В 1797 году вернулся во Францию для попытки организовать роялистскую партию, после неудачи бежал в Швейцарию. Вернулся в 1814 году. Его сын - Антуан Жозеф Морис, маркиз д'Андре (франц. Antoine Joseph Maurice d'André, 20 января 1788, Экс-ан-Прованс — 7 января 1860, Париж) — с 1800 года младший офицер австрийской кавалерии, в 1809 году вступил во французскую службу. В 1814 году, будучи шефом эскадрона жандармов, перешел на сторону Людовика XVIII. В 1844 году сделан дивизионным генералом.

Антрег, Эмманюэль Анри Луи Александр де Лоне, граф д' (франц. Emmanuel Henri Louis Alexandre de Launay, comte d'Antraigues, 25 декабря 1753, Монпелье – 22 июля 1812, Барнс, Лондон) - депутат Генеральных штатов 1789 года, с 1790 года в эмиграции, посол Венецианской республики в Испании в 1792 году, с 1793 года секретный агент графа Прованского. Убит своим итальянским слугой.

Аремберг (д'Аренберг) Луи Мари Эжен, принц (франц. Louis Marie Eugène, prince d'Arenberg, 19 февраля 1757, Брюссель – 30 марта 1795, Рим), полковник немецкой пехоты, сын Шарля Мари Раймона д'Аренберга (Карла Марии Раймунда фон Аренберга, 1721 – 1778), фельдмаршала Австрийских Нидерландов на австрийской службе, князя Священной Римской империи, и его жены Луизы-Маргариты, графини де Ла Марк (1730-1820).Принадлежал медиатизированному в 1810 году роду мелких самостоятельных феодальных правителей. Вторым браком (с 1792 года) женат на княжне Елизавете Борисовне **Шаховской** (29 ноября 1773, Москва – 27 октября 1796, там же), от которой имел дочь Катрин (1792-1794). После смерти Аренберга его вдова вышла замуж за Петра Федоровича Шаховского, которого родила дочь Варвару (gw.geneanet.org/frebault?lang=en;pz=pean;nz=d+espinay;ocz=1;p=elisaveta+borisovn a;n=shakhovskaya).

Байи, Жан-Сильвен (франц. Jean Sylvain Bailly, 15 сентября 1736, Париж – 12 ноября 1793, там же) – французский астроном и математик, член Академии наук с 1763 года, президент Национального собрания (1789), участник и инициатор Клятвы в Зале для игры в мяч (20 июня 1789), первый избранный мэр Парижа (1789-1791), гильотинирован.

Бальби, Анна Жакобе Номпар де Комон Ла Форс, графиня (франц. Anne Jacobé Nompar de Caumont La Force, comtesse de Balbi, 19 августа 1758, замок Ла Форс — 3 апреля 1842, Париж) — фрейлина графини Прованской и фаворитка ее мужа, будущего Людовика XVIII до 1794 года.

Безенваль де Брюнштатт, Пьер Виктор, барон де (франц. Pierre Victor, baron de Besenval de Brünstatt, 14 октября 1721, Золотурн, Швейцария — 2 июня 1791, Париж) — писатель, придворный и военный деятель швейцарского происхождения на французской службе. Сын Жана-Виктора де Безенваля, барона де Брюнштатт (1671-1736), полковника швейцарских гвардейцев на службе у Людовика XIV, и Катажины Белинской, дочери польского маршала Казимежа Людвика Белинского, состоявшего в свите Станислава Лещинского. С 1757 года являлся адъютантом герцога Орлеанского, в 1758 году стал фельдмаршалом. В 1775 году был назначен военным министром, с 1789 года являлся комендантом Иль-де-Франса и парижского гарнизона, где проявил свое полное бездействие в связи с началом Французской революции и взятием Бастилии.

Бель-Иль, Шарль-Луи-Огюст Фуке, герцог де (франц. Charles-Louis-Auguste Fouquet, duc de Belle-Isle, 22 сентября 1684, Вильфранш-де-Руэрг — 26 января 1761, Версаль) — маршал Франции с 1740 года, государственный секретарь по делам военного министерства с 1758 года.

Бертен, Антуан, известный как **шевалье Бертен** (франц. Antoine Bertin, dit le chevalier Bertin, 10 октября 1752, Иль-де-Бурбон — 30 июня 1790, Сан-Доминго) — с 1777 года оруженосец графа д'Артуа, поэт в жанре «легкой поэзии». Умер от тифа.

Блакас, Пьер Луи Жан Казимир де Блакас д'Ольп, 1й принц и герцог де (франц. Pierre Louis Jean Casimir de Blacas d'Aulps, 1er prince et duc de Blacas, 10

января 1771, Вериньон — 17 ноября 1839, Вена) — эмигрант с 1790 года, был доверенным лицом и посланником короля в изгнании, в 1814 году стал фельдмаршалом, министром двора, первым камердинером короля, генерал-интендантом королевских строений. Был послом Неаполе в 1816 году и пэром Франции, сопровождал короля и старшую ветвь Бурбонов во время всех периодов изгнания.

Брауншвейг-Люнебургский, Фридрих Карл Фердинанд, герцог (нем. Friedrich Karl Ferdinand von Braunschweig-Wolfenbüttel-Bevern, 5 апреля 1729, Брауншвейг – 27 апреля 1809, Глюксбург, Шлезвиг-Гольштейн) – член дома Вельфов, прусский полковник в 1756-1759 годах, датский фельдмарщал с 1782 года, последний герцог Брауншвейг-Беверна.

Брой, Виктор-Франсуа, 2й герцог де (франц. Victor-François, duc de Broglie, 19 октября 1718, отель де Брой, Париж – 30 марта 1804, Мюнстер) – с 1759 года маршал Франции, в 1789 году государственный секретарь по военному министерству, генерал армии Конде, в 1797-1798 году проживал в Российской империи, будучи русским фельдмаршалом. Умер в Мюнстере.

Брюнье, Антуанетта Шапюи (франц. Antoinette Chapuis de Montlouis Brunier), главная камеристка Мадам Руаяль с 1781 года, в первом браке жена Монлуи, родственника камеристки королевы мадам Кампан, во втором браке – врача королевских детей Брюнье. См.

www.cairn.info/zen.php?ID_ARTICLE=DHS_038_0407

Буатрон, Рене-Эсташ д'Осмонд, 4й граф де (франц. René Eustache d'Osmond, 4e comte de Boitron et 3e marquis d'Osmond, 17 декабря 1751, Фор-Дофен, Сан-Доминго – 22 февраля 1838, Париж) – посол в России с 1790 по 1791 годы.

Буленвилье, Анри, граф де (франц. Anne Gabriel Henri Bernard, comte de Boulainvilliers, 11 октября 1658, Сен-Сер – 23 января 1722, Париж) – историк, философ, переводчик Спинозы, теоретик дворянского консерватизма.

Буйе, Франсуа-Клод-Амур дю Шариоль, маркиз де (франц. François Claude Amour du Chariol, marquis de Bouillé, 19 ноября 1739, замок Клюзель, Овернь – 14 ноября 1800, Лондон) – генерал-губернатор французских колоний Антильских

островов (1777-1783), участник Войны за независимость Соединенных Штатов, член Собрания нотаблей в 1787-1788, после инцидента в Варенне – офицер армии Конде и эмигрант в Великобритании.

Бюэй, «Катинька» де (франц. Katinka de Bueil) — скорее всего, его **Эмили** де **Бельзюнс** (франц. Émilie de Belsunce), фрейлина Марии-Антуанетты, жена графа де Бюэй, адъютанта принца Карла-Генриха Нассау-Зигена. (См.: Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. Р. 324).

Валори, Франсуа Флоран де (франц. François Florent de Valory, 9 февраля 1755, Унинг, Верхний Рейн — 17 июля 1822, Туль) — после Варенна майор прусской армии с 1792 по 1804 годы, французский фельдмаршал с 1815.

Виллермоз, Жан-Батист (франц. Jean-Baptiste Willermoz, 10 июля 1730, Лион – 29 мая 1824, там же) — французский масон и мартинист, владелец шелковой мануфактуры в Лионе, создатель высших степеней в масонских ложах Франции и Германии.

Вирьё, Франсуа-Анри, маркиз де (франц. François-Henri, marquis de Virieu, 13 августа 1754, Гренобль — 9 октября 1793, Лион) — командир Лимузенского полка с 1786 года, члена Генеральных штатов, президена Учредительного собрания в 1790 году, эмигранта с 1792 года. Его сыну и наследнику титула Габриэлю Анри было 11 лет. См.: gw.geneanet.org/isaesc?lang=fr;pz=isabelle;nz=escalettes;ocz=0;p=francois+henri;n=de +virieu

Водрёйль, Жозеф Иасент Франсуа-де-Поль де Риго, граф де (франц. Joseph Hyacinthe François-de-Paul de Rigaud, comte de Vaudreuil, 2 марта 1740, Сан-Доминго — 17 января 1817, Париж) — генерал-лейтенант, главный сокольничий короля Франции, пэр Франции, губернатор Лувра, член Французской академии изящных искусств. Был сыном губернатора Сан-Доминго (ныне Гаити) в 1753-1757 годах Жозефа-Иасента Риго де Водрейля. Своим положением обязан любовной связью с фавориткой Марии-Антуанетты Иоландой Мартиной Габриэль де Поластрон, маркизой де Манчини и герцогиней де Полиньяк (1749-1793) и дружбой с графом д'Артуа, будущим Карлом X.

Волконская, Зинаида Александровна (урожденная княжна Белосельская-Белозерская; 3 (14) 1789, Дрезден — 24 января (5 февраля) 1862, Рим) — княгиня, с 1808 года фрейлина королевы Луизы Прусской, с 1824 года хозяйка литературного салона в Москве, исследовательница русского фольклора, археологии и этнографии, в 1826 году приняла католицизм. В 1829 году поселилась в Риме.

Волконский, Дмитрий Михайлович (1769/1770, Москва – 7 мая 1835, там же) – князь, с 1800 года генерал-лейтенант, шеф Санкт-Петербургского гренадерского и Ширванского мушкетерского полков, участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова.

Вюртембергский, Фридрих I Вильгельм Карл (нем. Friedrich Wilhelm Karl von Württemberg, 6 ноября 1754, Трептов-на-Реге — 30 октября 1816, Штутгарт) — с 1797 года герцог Вюртемберга, в 1803 году курфюрст, с 1805 года король Фридрих I Вюртембергкий, сторонник Наполеона. Его брат - Вильгельм Фридрих Филипп, герцог Вюртембергский (нем. Herzog Wilhelm Friedrich Philipp von Württemberg, 27 декабря 1761, Штеттин — 10 августа 1830, замок Штеттен им Ремшталь) — в 1779-1805 на датской службе, с 1806 года де-юре военный министр Вюртемберга. В 1801 году отрекся от прав на престол ввиду морганатического брака. Фердинанд Фридрих Август, герцог Вюртембергский (нем. Ferdinand Friedrich August, Herzog zu Württemberg, 21 октября 1763, Трептов-на-Реге — 20 января 1834, Висбаден) — с 1781 года на австрийской службе в чине оберлейтенанта, с 1805 года — фельдмаршал.Их сестра — императрица Мария Фёдоровна.

Гогела, Франсуа, барон де (франц. François, baron de Goguelat, 23 января 1746, замок Шинон, Морван — начало 1831, Париж) — личный секретарь Марии-Антуанетты, офицер Армии принцев в 1792 году, лейтенант-полковник австрийской армии.

Гримм, Фридрих Мельхиор, барон фон (нем. Friedrich Melchior Baron von Grimm, 25 сентября 1723, Регенсбург – 19 декабря 1807, Гота) – франкоязычный немецкий писатель, журналист, театральный и музыкальный критик, дипломат.

Руссо вспоминал о нем: «У меня было довольно много знакомых, но лишь два избранных друга – Дидро и Гримм. Вследствие моего вечного желания соединить всех, кто мне дорог, я так любил их обоих, что вскоре и они полюбили друг друга. Я их сблизил, они сошлись и соединились меж собой еще теснее, чем со мной. У Дидро было бесчисленное множество знакомых, а Гримм, как иностранец и новичок в Париже, нуждался в знакомствах. Я с великим удовольствием их ему и доставил. Познакомил с Дидро, познакомил с Гофкуром. Ввел его к госпоже де Шенонсо, к госпоже д'Эпине, к барону Гольбаху... Все мои друзья стали его друзьями, и это вполне естественно, но никто из его друзей так никогда и не стал моим другом, что уже гораздо менее естественно» (Руссо, Ж.-Ж. Исповедь. М., 2004. С. 371). Упомянутые в тексте: Гофкур - женевец, поставщик соли при французском дворе; Шенонсо, урожденная Луиза-Александрина-Жюли де Рошешуар-Понвиль (франц. Louise-Alexandrine-Julie de Rochechouart-Pontville, dite Madame Dupin de Chenonceaux), с 1749 года супруга Жака-Армана Дюпена, называвшегося «Дюпеном де Шенонсо» (1727-1767), невестка мадам Дюпен, секретарем которой был Руссо; д'Эпине Луиза, урожденная Луиза Флоранс Петронилла Тардьё д'Эсклавель (франц. Louise d'Épinay, née Louise Florence Pétronille Tardieu d'Esclavelles, 11 марта 1726, Валансьен – 15 апреля 1783, Париж) мемуаристка и писательница, возлюбленная Ф. М. Гримма; Гольбах (д'Ольбаш) Поль Анри Тири барон (франц. Paul-Henri Thiry, baron d'Holbach, нем. Paul Heinrich Dietrich von Holbach, 8 декабря 1723, Эдесхайм – 21 января 1789, Париж) - французкий философ-материалист немецкого происхождения, автор атеистического произведения «Система природы», хозяин салона относились к кругу энциклопедистов.

Грубер, преосвященный Габриэль (нем. Hochwürden Gabriel Gruber, 6 мая 1740, Вена – 7 (19) апреля 1805) – австриец по происхождению, иезуит с 1755 года, священник с 1766, с 1784 года в России, с 1802 года – генерал Общества Иисуса в России. Известен также и как инженер.

Гурбийон, Жанна-Маргерит де (урожденная Галлуа; франц. Jeanne-Marguerite de Gourbillon, née Gallois, 1737, Гре - 1817) — с 1763 года лектриса графини Прованской и ее фаворитка. Умерла в Лондоне.

Давид, Жак-Луи (франц. Jacques-Louis David, 30 августа 1748, Париж – 29 декабря 1825, Брюссель) – французский художник-неоклассицист, якобинец, автор картины «Смерть Марата» (1793) и поклонник Робеспьера.

Дама д'Антиньи, Роже де (франц. Roger, comte de Damas d'Antigny, 4 сентября 1765, Париж — 18 сентября 1823, замок Сире) — капитан французкой армии в 1784-1787, которую покинул по причине дуэли, полковник русской армии в 1787-1791 годах, участник взятия Очакова в 1788, кавалер двух Георгиевских крестов, подготовил план бегства королевской семьи в Варенн (1791).

Демулен, Люси Семплис Камиль Бенуа (франц. Lucie-Simplice-Camille-Benoît Desmoulins, 2 марта 1760, Гюиз – 5 апреля 1794, Париж) – революционер, соученик и друг Робеспьера, монтаньяр, издатель газеты «Старый кордельер», гильотинирован.

Дюмурье, при рождении - **Шарль-Франсуа дю Перье дю Мурье** (франц. Charles-François du Perrier du Mouriez, dit Dumouriez, 26 января 1739, Камбре – 14 марта 1823, Тёрвилл-Парк, близ Лондона) — французский фельдмаршал с 1788 года, в 1792 году военный министр, командующий Северной армией, в 1793 году перешел на сторону Австрии.

Дюрас, Клер Луиза Роза Бонн, герцогиня де (урожденная де Коэтнампран де Керсен; франц. Claire Louisa Rose Bonne, duchesse de Duras, née de Coëtnempren de Kersaint, 23 марта 1777, Брест -16 января 1828, Ницца) — с 1797 года супруга Амеде-Бретань-Мало де Дюрфора, герцога де Дюраса, вернулась во Францию в 1808 году. Автор романа «Урика» (1823), посвященного судьбе чернокожей девушки. Дочь контр-адмирала Армана де Керсена.

Жене, Эдмон-Шарль (франц. Edmond-Charles Genêt, 8 января 1763, Версаль – 14 июля 1834, ферма Проспект Хилл, Ист-Гринбуш, Нью-Йорк) – дипломат, известный как «гражданин Жене», в 1789-1792 годах посол в России, с 1793 по

1794 годы первый посол Франции в Соединенных Штатах от жирондистов, заочно приговорен к аресту якобинцами, умер в Нью-Йорке.

Жокур, Арнайль-Франсуа, граф, позднее **маркиз** де (франц. Arnail-François, comte/marquis de Jaucourt, 14 ноября 1757, Париж или Турнан – 5 февраля 1852, Прель-ан-Бри) – полковник 2-го драгунского полка (1788-1792), вице-президент управления депатаментов Сена-и-Марна в 1791 году, эмигрант с 1795 года, вернулся во Францию около 1799 года.

Жюллиан, Пьер-Луи-Паскаль (де) (франц. Pierre-Louis-Pascal de Jullian, ок. 1769, Монпелье -1836) — щеголь, сподвижник и друг Фрерона, один из предводителей банд мюскаденов.

Жюно, Жан-Андош, 1й герцог д'**Абрантес** (франц. Jean-Andoche Junot, duc d'Abrantès, 24 сентября 1771, Бюсси-ле-Гран — 29 июля 1813, Монбар) — секретарь Наполеона с 1793 года, участник Итальянской кампании и войны в Испании, во время Бородинской битвы командир 8-го корпуса. В 1813 году назначен губернатором Иллирии.

Зайончек, Юзеф (польск. Józef Zajączek herbu Świnka, франц. Zajonczek или Zajonschek, 1 ноября 1752, Каменец-Подольский — 18 июля 1826, Варшава) — князь с 1818 года, генерал, участник Барской конфедерации (1768-1774), Четырехлетнего сейма (1790), участник Русско-польской войны (1792) и восстания Тадеуша Костюшко, в 1795 по 1812 годы на французской службе, перешел на сторону России и сделан наместником Александра I в Царстве Польском (1815).

Зальм-Кирбургский, Фридрих III Иоганн Отто Франц Христиан Филипп, принц (нем. Friedrich III. Johann Otto Franz Christian Philipp, Fürst von Salm-Kyrburg, голл. Frederik III Johan Otto Frans Christiaan Philip, vorst van Salm-Kyrburg, франц. Frédéric, prince de Salm-Kyrburg, 3 мая 1744, Лимбург — 23 июля 1794, Париж) — деятель Голландской республики, командующий Рейнским легионом в 1784-1784, с 1788 года во Франции, гильотинирован.

Зубов, Валериан Александрович (28 ноября 1771 – 21 июня 1804, Санкт-Петербург) – граф с 1793 года, генерал-майор с 1792 года, генерал-аншеф (1796),

генерал от инфантерии (1800), участвовал в усмирении Польши в 1794 году, главнокомандующий в Русско-персидской войне 1796 года, принимал участие в заговоре 1801 года. Его старшие братья: **Николай** (24 апреля 1763 – 9 августа 1805, Москва) – обер-шталмейстер, убийца Павла I, зять Суворова; **Дмитрий** (17 мая 1764 – 14 февраля 1836, Санкт-Петербург) – генерал-майор кавалерии и откупщик; светлейший князь **Платон Александрович** (1767-1822) – фаворит Екатерины II.

Кадудаль, Жорж (франц. Georges Cadoudal, 1 января 1771, Бреш – 25 июня 1804, Париж) — крестьянин, в 1793 году присоединился к армии Вандеи, с 1794 года генерал шуанов. В 1802 году сбежал в Англию, откуда приехал для привлечения к своему заговору генерала Моро. Гильотинирован. Посмертно награжден титулом маршала Франции.

Кампан, Жанна-Луиза-Генриетта (урожденная Жене; франц. Jeanne Louise Henriette Genet Campan, 2 октября 1752, Париж — 16 марта 1822, Мант-ла-Жоли) — фрейлина Марии Антуанетты с 1770 года, жена королевского секретаря Кампана с 1774 года, воспитательница детей Жозефины Богарне и владелица пансиона в Экуане в 1807-1814 годах, автор методики женского образования. Сестра **Эдмона-Шарля Жене**.

Караман, Морис Габриэль Жозеф де **Рике** де (франц. Mauric Gabriel Joseph Riquet de Caraman, 7 октября 1765, замок Караман, Руасси-ан-Франс — 3 сентября 1835, замок Буссю, Эно, Бельгия) — майор полка карабинеров графа Прованскоо с 1789 года, первый избранный мэр коммуны Руасси-ан-Франс в 1790 году, с 1791 года в эмиграции в качестве адъютанта короля в изгнании, с 1798 года — полковник и кавалер Ордена Святого Людовика. Вернулся во Францию в 1799 году.

Кастр, Шарль Эжен Габриэль де Ла Круа, маркиз де (франц. Charles Eugène Gabriel de La Croix, marquis de Castries, 25 февраля 1727, Париж – 11 января 1801, Вольфенбюттель) – маршал Франции с 1783 года, государственный секретарь по делам морского министерства в 1780-1787, с 1792 года в эмиграции.

Келюс, Анн-Клод-Филипп де **Тюбьер** де **Гримоар** де **Пестель** де **Леви** де (франц. Anne-Claude-Philippe de Tubières de Grimoard de Pestels de Lévis de Caylus, 31 октября 1692, Париж — 5 сентября 1765, там же) — известный любитель древностей Египта и Греции, почетный член Академии живописи и скульптуры (1731), хозяин салона и устроитель праздников в имении герцога Мэнского в Со.

Кенсона, Эмманюэль-Виктор Пурруа де Л'**Обривьер, граф** де (франц. Emmanuel-Victor Pourroy de L'Auberivière de Quinsonas, 3 декабря 1775, Гренобль – 20 марта 1852, замок Бопрео) – бывший мальтийский рыцарь, с 1799 года на русской службе, в 1806 году сделан генерал-майором, вернулся во Францию в 1811 году, во время Ста дней сопровождал Людовика XVIII в Гент.

Керсен, Ги-Арман Симон де Коэтнампран де Керсен, граф де (франц. Guy-Armand Simon de Coëtnempren de Kersaint, comte de Kersaint, 20 июля 1742, Гавр — 4 декабря 1793, Париж) — гардемарин с 1755 года, в 1770-1771 годах капитан канонерки «Россиньоль» на Мартинике, участник Войны за независимость, в 1791 году депутат от Парижа в Учредительном собрании, вице-адмирал в 1793 году, морской министр до июля 1793 года. Гильотинирован.

Клери - Жан-Батист Кан Ане, известный под фамилией **Клери** (франц. Jean-Baptiste Cant Hanet, dit Cléry, 11 мая 1759, Вокрессон – 27 мая 1809, Хитцинг, Австрия) – с 1778 года секретарь принцессы де Гемене, после ее банкротства в 1782 году стал цирюльником короля и (1785) родившегося Людовика XVII, d 1792-1793 годах добровольно служил королю в Тампле, после чего уехал в эмиграцию. Вернулся во Францию около 1803 года.

Клермон-Тоннер-Тури, Луи-Франсуа-Мари, граф де (франц. Louis-François-Marie, comte de Clermont-Tonnerre-Thoury, 21 октября 1761, замок Иммевилль — 9 ноября 1827, Париж) - сеньор де Пюи де Нёвилль, лейтенант-полковник швейцарских гвардейцев короля с 1781 года, шеф кавалерийского полка с 1787 года, в эмиграции с 1791 года, после 1814 года вернулся во Францию.

Клингер, Фридрих Максимилиан (Фёдор Иванович) фон (нем. Friedrich Maximilian von Klinger, 17 февраля 1751, Франкфурт-на-Майне – 9 марта 1831,

Дерпт, Эстляндия) — писатель, автор драмы «Буря и натиск», с 1780 года на русской службе, в 1811 году стал генерал-лейтенантом.

Кобенцль, Иоганн Людвиг Йозеф, граф фон (нем. Johann Ludwig Graf von Cobenzl или Johann Ludwig Joseph Graf Cobenzl, 21 ноября 1753, Брюссель – 22 февраля 1809, Вена) – посланник (1779-1784) и посол в России (1784-1797, 1798-1800), участвовал в Третьем разделе Польши, где добился включения Западной Галиции и Южной Мазовии в состав империи Габсбургов.

Коленкур - Арман Огюстен Луи, маркиз де Коленкур, герцог Виченцский (франц. Armand Augustin Louis, marquis de Caulaincourt, duc de Vicence, 9 декабря 1773, Коленкур — 19 февраля 1827, Париж) — с 1792 года на службе Республике, в 1801 и 1807 годах был с особой миссией в Петербурге.

Колло д'Эрбуа - Жан-Мари Колло, известный как Колло д'Эрбуа (франц. Jean-Marie Collot, dit Collot d'Herbois, 19 июня 1749, Париж — 8 июня 1796, Кайенна) — администратор лионского театра, депутат Конвента, комиссар в Лионе в 1793 году, в 1795 году сослан в Кайенну, где и умер.

Коллонтай герба Котвица, Гуго Стумберг (польск. Hugo Stumberg Kołłątaj herbu Kotwica, 1 апреля 1750, Великие Дедеркалы, Волынь – 28 февраля 1812, Варшава) – польский просветитель, католический священник, поэт и историк, в 1783-1786 ректор Ягеллонского университета, один из авторов Конституции 3 мая 1791 года. Конде, Луи V Жозеф де Бурбон-Конде, 8й принц де (франц. Louis V Joseph de Bourbon-Condé, 9 августа 1736, Париж – 13 мая 1818, Шантийи) - с 1789 года глава контрреволюционной армии Конде. Луи VI Анри Жозеф де Бурбон-Конде (франц. Louis VI Henri Joseph de Bourbon-Condé, 13 апреля 1756, Париж – 27 августа 1830, замок Сен-Лё) - его сын и наследник, также принимал участие в борьбе с революцией. Луиза-Аделаида де Бурбон (франц. Louis Adélaïde de Воигbon, 5 октября 1757, Шантийи – 10 марта 1824, Париж) – дочь Луи V, «мадемуазель де Конде», в 1786-1790 годах последняя аббатиса монастыря Ремиремон, основательница монастыря бенедиктинок на улице Мсье в Париже (1816). Луи Антуан де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский (франц. Louis Antoine

Henri de Bourbon-Condé, duc d'Enghien, 2 августа 1772, Шантийи – 21 марта 1804, Венсен) – внук первого и сын второго, расстрелян по приказу Наполеона.

Констан де Ребек, Бенжамен (франц. Benjamin Constant de Rebecque, 25 октября 1767, Лозанна — 8 декабря 1830, Париж) — французский писатель и политик швейцарского происхождения, теоретик либерализма, глава оппозиции при Консулате, редактор Дополнительного акта к конституциям Империи в 1815 году, автор психологического романа «Адольф» (1816).

Конфлан, Юбер де Бриенн, граф де (франц. Hubert de Brienne, comte de Conflans, 1690, Анривиль или Париж – 22 января 1777, Париж) – морской офицер, маршал Франции с 1758 года, главнокомандующий операцией высадки французских войск в Шотландии в 1759 году.

Корф, баронесса Анна-Христина, жена барона Франгольда-Христиана Корфа, адъютанта Миниха (умер в 1770). См. memoirs.ru/texts/BarKorf_RA66_6.htm

Коссе – титул **графа** де **Коссе** в то время носил **Иасент-Юг Тимолеон** де **Коссе Бриссак, герцог** де **Коссе** (франц. Hyacinthe Hugues Timoléon de Cossé-Brissac, duc de Cossé, 8 января 1746, Париж -19 июня 1813, там же) — бывший генераллейтенант, с 1807 года примкнувший к Наполеону и ставший камергером его матери.

Кроуфорд, Квентин (англ. Quintin Craufurd, 22 сентября 1743, Килуиннинг – 23 ноября 1819, Париж) – английский писатель и коллекционер, бывший служащий Вест-Индской компании, друг Марии-Антуанетты, организатор бегства в Варенн и неудавшегося спасения королевских детей из Тампля. Умер в Париже.

Курсель - возможно, **Иоганн Габриэль, маркиз дю Шастле де Курсель** (нем. Johann Gabriel Joseph Herbert Marquis de Chasteler de Moulbais et de Courcelles, франц. Jean-Gabriel du Chasteler, 22 января 1763, Монс, Эно – 10 мая 1825, Венеция) — валлонец, с 1796 года генерал-лейтенант австрийской службы, в 1799 году генералквартирмейстер армии Суворова.

Ла Марк, Огюст Мари Раймон, принц д'Аренберг, граф де (франц. Auguste Marie Raymond, prince d'Arenberg, comte de La Marck, нем. August Maria Raimund Prinz zu Arenberg, Graf von der Marck, 30 августа 1753, Брюссель – 26 сентября

1833, там же) — сеньор Люммена и Рема (1784-1789), гранд Испании первого класса. В период с 1773 по 1780 год являлся полковником немецкой пехоты (так называемый «полк Ла Марка») во Франции. Участник Брабантской революции, он был французским фельдмаршалом, австрийским генерал-майором (с 1792), а также генерал-лейтенантом Нидерландов с 1815 года. В 1789 году был депутатом Генеральных штатов и Учредительного собрания от дворянства. Был известен своей дружбой с Мирабо, который назначил его своим душеприказчиком. Брат Луи Мари Эжена д'Аренберга.

Ламбер, маркиз, полное имя **Анри-Жозеф, граф де Ламберт, маркиз де Сен- Брис** (франц. Henri Joseph Marquis de Saint-Bris et comte de Lambert, 1738-1808) — генерал-майор французской армии и русской (с 1792 года), отец генерала от кавалерии **графа Карла Осиповича де Ламберта** (Шарля де Ламбера; франц. Charles comte de Lambert, 15 июня 1773 — 30 мая 1843, Циглеровка, Полтавская губерния).

Ламбеск, Шарль-Эжен де (франц. Charles-Eugène de Lorraine, prince de Lambesc et comte de Brionne/duc d'Elbeuf, 28 сентября 1751, Версаль — 11 ноября 1825, Вена) — родственник **Марии-Антуанетты** по отцу, с 1785 года командир и шеф «Королевского немецкого» полка и фельдмаршал, с 1788 года командющий кавалерийской бригады в Валансьене. 12 июля 1789 года получил приказ разогнать толпу, собравшуюся на площади Людовика XV, который он не выполнил. Эмигрировал в том же году, вернулся во время Реставрации.

Ламет, Александр Теодор Виктор, граф де (франц. Alexandre-Théodore-Victor, comte de Lameth, 28 октября 1760, Париж — 18 марта 1829, там же) — деятель американской Войны за независимость (1780-1785), член Национального собрания, фельян. Вместе со своими братьями **Шарлем-Мало-Франсуа** (6 октября 1757, Париж — 28 декабря 1832, там же) и **Теодором** (24 июня 1756, Париж — 19 октября 1854, Бюзиньи, Валь-д'Уаз) образовывали своего рода фельянский триумвират, наряду с триумвиратом Александр де Ламет — **Антуан Барнав** — **Адриен Дюпор**.

Ла Шатр, Клод-Луи Рауль де (франц. Claude-Louis-Raoul de La Châtre, 30 сентября 1745, Париж -13 июля 1824, Мёдон) — граф де Нансе, позднее герцог де Ла Шатр, байи в провинции Берри в 1788 году, инспектор кавалерийских частей в провинции Гиень в 1789, депутат Генеральных штатов, эмигрант с 1791 года, с 1793 года в Лондоне. Вернулся во Францию в 1815 году.

Лебрен, Шарль-Франсуа, герцог Пьяченцский (франц. Charles-François Lebrun, duc de Plaisance, 19 марта 1739, деревня близ Сен-Совер-Ланделен, епархия Кутанса — 14 июня 1824, Сент-Мем) — с 1765 года королевский цензор, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, третий консул Французской республики (1799-1804), князь-казначей Империи и пэр Франции (1814).

Лепелетье де Сен-Фаржо, Луи-Мишель (франц. Louis-Michel Lepeletier, marquis de Saint-Fargeau, 29 мая 1760, Париж – 21 января 1793, там же) – революционер, монтаньяр, принадлежал к дворянству мантии по рождению, президент нижней палаты парижского парламента в 1785 году, президент Учредительного собрания в 1790 году, голосовал за казнь Людовика XVI, убит офицером Пари.

Лессепс, Жан-Батист Бартелеми де (франц. Jean-Baptiste Barthélemy de Lesseps, 27 января 1766, Сет — 26 апреля 1834, Лиссабон) — французский дипломат и писатель, генеральный консул в России в 1792-1801(формально в 1792-1812), участник экспедиции Лаперуза (1785-1788).

Ливен, Христофор Андреевич (6 (17) мая 1774, Киев – 29 декабря 1838(10 января 1839), Рим) – барон, граф (с 1799) и светлейший князь (с 1826), в 1798 году генерал-майор, генерал-адъютант и начальник военно-походной канцелярии. Сын воспитательницы детей Павла I Шарлотты Карловны Ливен.

Линь, Шарль-Жозеф Ламораль, 7й принц де (франц. Charles-Joseph Lamoral, 7e prince de Ligne, нем. Charles Joseph Fürst de Ligne, 23 мая 1735, Брюссель — 13 декабря 1814, Вена) — фельдцейхмейстер австрийской армии с 1784 года, участник осады Белграда (1788), писатель и мемуарист.

Литта, Юлий Помпеевич (Джулио Ренато Литта-Висконти-Арезе, итал. Giulio Renato Litta Visconti Arese, 12 апреля 1763, Милан — 26 января (7 февраля) 1839, Санкт-Петербург) — мальтийский рыцарь, выходец из знатной миланской семьи, с

1789 года капитан 1-го ранга на русской службе, в 1794 году посол Ордена в России, супруг одной из богатейших женщин России **Екатерины Васильевны** Энгельгардт-Скавронской (1761-1829).

Малиньи, сеньоры де (франц. Seigneurs de Maligny) – согласно официальному сайту города Малиньи (департамент Йонна), сеньорами де Малиньи назывались представители младшей ветви семейства де Феррьер до XVII века, когда владение отошло к внебрачному сыну Генриха IV герцогу Вандомскому, а после его смерти в 1665 году – к королеве польской Марии-Казимире де Ла Гранж д'Аркьен (польск. Maria Kazimiera de La Grange d'Arquien, франц. Marie Casimire 1641 Яна Louise, 1716), супруге Собеского (URL: http://www.maligny.net/histoire1.html). Приходилась двоюродной прабабкой упомянутому Антони Барнаба Яблоновскому. После владения титулом и закрепленными за ним землями польской королевой, фамилия далее нигде не упоминается.

Мальден, Жан-Франсуа де (франц. Jean-François de Maleden, 8 октября 1753, Л'Эйта, Сент-При-су-Экс, Коррез — 15 октября 1815), с 28 февраля 1791 года гвардеец в Тюильри, с 1792 — в армии принцев, полковник армии Конде в 1801, сопровождал Людовика XVIII в Великобритании и в Генте во время Ста дней.

Мальзерб, Кретьен-Гийом де Ламуаньон де (франц. Chrétien Guillaume de Lamoignon de Malesherbes, 6 декабря 1721, Париж — 22 апреля 1794, там же) — французский политик, первый президент налоговой палаты парижского парламента и цензор в 1750 году, министр королевского двора в 1775-1776 годах, член королевского совета в 1787-1788 годах, член Академии наук с 1750 года, ботаник, покровитель энциклопедистов, гильотинирован.

Малле дю Пан, Жак (франц. Jacques Mallet du Pan, 5 ноября 1749, Селиньи, Женева -10 мая 1800, Ричмонд, Суррей, Великобритания) — швейцарский журналист, автор первой версии манифеста герцога Брауншвейгского о начале войны с Францией (1792) и термина «всеобщее избирательное право», монархист и вдохновитель контрреволюции.

Маре, Юг-Бернар, 1й герцог де **Бассано** (франц. Hugues-Bernard Maret, duc de Bassano, 22 июля 1763, Дижон — 13 мая 1839, Париж) - журналист газеты «Монитёр», в 1792 году посол в Лондоне от Французской республики, в 1793 году попал в австрийский плен. В 1811 году стал министром иностранных дел, в 1814-1830 годах в изгнании.

Мениль Фроже (франц. Gabriel Barbabé Louis d'Osmond, chevalier/comte d'Osmond, comte de Boitron, de Médavy, du Mesnil Froger, 1716 -1792, Брюссель) — дядя упоминавшегося уже дипломата Рене Эсташа д'Осмонда, графа де Буатрона, посла в России в 1790-1791 годах. Камбрезийский полк карабинеров назван в его честь по принятому во время Старого режима обычаю.

Мерси-Аржанто, Флоримон Клод, граф де (нем. Florimond Claude, Graf von Mercy-Argenteau, 20 апреля 1727, Льеж — 25 августа 1794, Лондон) — австрийский дипломат, бельгиец по происхождению, с 1766 года посол во Франции, доверенное лицо Марии-Терезии и ее дочери Марии-Антуанетты.

Монвуазен, Катрин, урожденная Дезэ (франц. Catherine Deshayes dite La Voisin, Montvoisin, ок. 1640, Париж – 22 февраля 1680, там же) – прозванная Ла Вуазен, предсказательница, отравительница и колдунья, одной из клиенток которой была фаворитка Людовика XIV мадам де Монтеспан. Последняя жертва процессов против колдовства во Франции, сожжена на Гревской площади.

Монгайяр - Жан Габриэль Морис Рок, так называемый «граф де Монгайяр» (франц. Jean Gabriel Maurice Rocques, dit le comte de Montgaillard, 16 ноября 1761, Монгайяр — 8 февраля 1841, Шайо, Париж) — секретный агент на службе Бурбонов с 1789 года, с 1796 года — агент Наполеона, с 1814 года — советник короля по вопросам внешней и внутренней политики. Закончил свою карьеру в 1830 году.

Монморанси-Лаваль, Луи-Жозеф де (франц. Louis-Joseph de Montmorency-Laval, 11 декабря 1724, Байе — 17 июня 1808, Альтона) — епископ Орлеанский (1754-1758). Епископ Кондомский (1758-1760), 94й епископ Меца (1760-1801) и великий капеллан Франции с 1786 года, кардинал с 1789 года. Эмигрировал в 1792 году, умер в Гамбурге.

Монморанси-Люксембург, Анн Шарль Сижизмон де (франц. Anne Charles Sigismond de Montmorency-Luxembourg, 15 октября 1737, Париж — 13 октября 1803, Лиссабон) — маркиз де Руайян, граф д'Олонн, герцог де Шатийон-сюр-Луан и десятый герцог де Пине-Люксембург, фельдмаршал с 1784 года и первый заместитель магистра ложи Великого Востока Франции.

Монтессон, Шарлотта Жанна Беро де **Ла Э** де **Риу, маркиза** де (франц. Charlotte Jeanne Béraud de La Haye de Riou, marquise de Montesson, 4 октября 1738, Париж — 6 февраля 1806, там же) — официальная фаворитка и морганатическая жена (с 1773 года) герцога **Луи-Филиппа Орлеанского**.

Морепа, Жан-Фредерик Фелипо, граф де (франц. Jean-Frédéric Phélypeaux, comte de Maurepas, 9 июля 1701, Версаль – 21 ноября 1781, там же) – морской министр (1723-1749) и государтвенный министр (1774-1781).

Морков, Аркадий Иванович (или Марков; 6 (17) 1747 – 29 января (10 февраля) 1827) – граф с 1796 года, посол России в Нидерландах (1781-1783), в Швеции (1783-1786) и во Франции (1801-1803), фактический глава иностранной коллегии с 1792 по 1796 годы.

Мортемар, Казимир-Луи-Виктюрньен де Рошешуар де (франц. Casimir-Louis-Victurnien de Rochechouart de Mortemart, 20 марта 1787, Париж – 1 января 1875, Нофль-ле-Вье) — принц де Тонне-Шарант, 9й герцог Мортемар и пэр Франции (1814). Эмигрировал вместе с семьей в Англию в 1791 году, был послом в России в 1828-1830 годах, по возвращении сделан председателем Совета министров.

Мустье, Франсуа-Мельхиор, граф де (франц. Melchior François de Moustier de Bermont, 11 марта 1749, замок Граммон, Куршатон, Верхняя Сона — 17 февраля 1828, Париж) - лейб-гвардеец с 1769 года, капитан кавалерии, освобожден в 1791 году, присоединился к Людовику XVIII в Митаве, позднее вступил в армию Конде, французский фельдмаршал с 1820 года. См.: louisxvii.chez.com/Files/6_cr20060513.pdf

Неккер, Сюзанна Кюршо, мадам (франц. Suzanne Curchod, Madame Necker, май 1737, Крассье, Во – 6 мая 1794, Больё) – жена министра финансов **Жака Неккера**

(30 сентября 1732, Женева – 9 апреля 1804, Коппе), писательница и хозяйка салона, мать мадам де Сталь.

Новиль, Мари-Мадлен Рюоль (франц. Marie-Madeleine Ruol, Madame de Neuville), жена Пьера-Эдма Лешевена де Бийи де Нёвиль (Новиль), одна из горничных дофина. См. louis-xvi.over-blog.net/article-24-juillet-1789-marie-antoinette-ecrit-a-la-marquise-de-tourzel-108524811.html

Ноай, Эмманюэль Мари Луи де (франц. Emmanuel Marie Louis de Noailles, 12 декабря 1743, Париж — сентябрь 1822, Ментенон) - маркиз де Ноай и де Ментенон, позднее граф де Ноай при Империи, посол в Соединенных провинциях в 1771-1776 годах и в Великобритании в 1776-1778, первый камердинер Месье (Людовика XVIII) с 1773 года.

Овиль, барон д' (франц. baron d'Oville, ?-?) упоминается в мемуарах графини Дюбарри как «современный Гарпагон» за свою скупость. См. Autobiography. A Collection of the Most Instructive And Amusing Lives Ever Published, Written by the Parties Themselves. With Brief Introductions, And Compendious Sequels, Carrying On The Narrative to The Death of Each Writer. Vol. XXIX. – Madame Du Barri. L., MDCCCXXX. P. 54-56.

Острожские (польск. Ostrogscy) — угасший княжеский род Речи Посполитой, название которого происходило от города Острог на Волыни. Являлись Рюриковичами, происходившими от князя Святополка-Михаила Изяславича (1050-1113). Острожский майорат, упомянутый в тексте, являлся бывшим имуществом Януша Острожского (ок. 1554-1620), который завещал свои земли дочери, Элеоноре Радзивилл (1582-1618), с условием передачи их после смерти ее потомков Суверенному ордену Иоанна Иерусалимского (Захаров, В. А. История Мальтийского ордена. М., 2012. С. 108-109).

Палатинский, Максимилиан III Иосиф, курфюрст (нем. Maximilian III. Joseph Karl Johann Leopold Ferdinand Nepomuk Alexander von Bayern, 28 марта 1727, Мюнхен — 30 декабря 1777, там же) — курфюрст Священной римской империи, герцог Баварский с 1745 года, последний из младшей ветви династии Виттельсбахов.

Панин, Никита Петрович (17 (28) апреля 1770, Харьков – 1 (13) марта 1837, Дугино, Сычёвский уезд Смоленской губернии) – граф, с 1799 года вице-канцлер, в 1800 году действительный тайный советник, участник заговора 1801 года.

Пишегрю, Жан-Шарль (франц. Jean-Charles Pichegru, 16 февраля 1761, Планшпре-Арбуа — 6 апреля 1804, Париж) — участник Войны за независимость США, с 1793 года командир Рейнской армии, с 1794 года — Северной армии, в 1795 году установил контакты с роялистами. Повесился в Тампле.

Поластрон, Мари Луиза д'Эспарбе де **Люссан** де (франц. Marie Louise d'Esparbès de Lussan, vicomtesse/comtesse de Polastron, 19 октября 1764, Бадиг – 27 марта 1804, Лондон) – с 1780 года замужем за единокровным братом герцогини де Полиньяк виконтом (позднее графом) **Адемаром де Поластроном** (франц. Denis Gabriel Adhémar de Polastron, 1758 – 26 августа 1821, Байонна), фаворитка будущего Карла X.

Полиньяк, Жюль Огюст Арман Мари де (франц. Jules Auguste Armand Marie de Polignac, 14 мая 1780, Версаль – 2 марта 1847, Париж) – ультраконсерватор, сын фаворитки Марии-Антуанетты **Иоланды де Поластрон**, председатель Совета министров и министр иностранных дел в 1829-1830 годах, посол Франции в Великобритании в 1823-1828 годах, граф с 1817 по 1820 годы, принц с 1820 по 1847, герцог с 1847 года.

Понс, Мадлен де (франц. Madeleine de Pons) - возможно, имеется в виду **Мари Жюстис (Гюстин)** де **Монбель** (франц. Marie Justice (Gustine) de Montbel), жена королевского гвардейца **Жан-Жака де Понса** (франц. Jean Jacques de Pons, 1756 — после 1789). Умерла 16 июля 1789 года, что позволяет объяснить отсутствие ее имени в позднейших бумагах Екатерины II. См.: jm.ouvrard.pagespersoorange.fr/armor/fami/p/pons_ruffecois.html (Дата обращения: 12.12.2014).

Потоцкий, Роман Игнаци (польск. Roman Ignacy Franciszek Potocki herbu Pilawa, 28 февраля 1750, Радзынь-Подляский, - 30 августа 1809, Вена) — граф, писатель и политический деятель, маршалок Постоянного совета в 1778-1782, писарь великий литовский (1773-1783), один из авторов Конституции 3 мая 1791 года, в

1792 году — исполняющий обязанности военного министра Речи Посполитой, в 1794 году — министр иностранных дел в правительстве Тадеуша Костюшко.

Преваль Клод Антуан Ипполит де (6 ноября 1776, Сален-ле-Бен — 19 января 1853, Париж) — генерал-лейтенант, артиллерист, награжден Большим крестом Почетного легиона за участие в битве при Аустерлице (1805), барон и виконт Империи, лейтенант с 1789 года.

Прозоровский, Александр Александрович (1733 – 20 (9) августа 1809, полевой лагерь за Дунаем) – князь, с 1790 по 1795 год московский главнокомандующий, вел следствие по делу Н. И. Новикова.

Ривароль, Антуан де, при рождении **Антуан Ривароли** или **Риверо** (франц. Antoine Rivaroli/Riverot, dit de Rivarol, 23 июня 1753, Баньоль-сюр-Сез — 11 апреля 1801, Берлин) — публицист и переводчик, в 1789 году начал издавать роялистский сатирический журнал «Маленький альманах наших великих людей за 1788 год», эмигрировал в 1792 году.

Сакс, Жозеф (Йозеф) Ксавье Карл Рафаэль Филипп Бенно, шевалье де (нем. Joseph Xavier Karl Raphael Philipp Benno Chevalier de Saxe, франц. Joseph (Josef) Xavier Charles Raphaël Philippe Bénit, le Chevalier de Saxe, 1767-1802) — второй сын принца Франца Ксавера Саксонского и его морганатической супруги Марии Кьяры Спинуччи, графини де Люзас. Он приходился кузеном покойному Людовику XVI и бывал при его дворе. Упомянутая В. Н. Головиной герцогиня д'Эсклиньяк Элизабет Анна Урсула Кордула Ксавьера (1770-1844) была тещей племянницы Талейрана и поддерживала с ним отношения.

Салливан, Анна Элеонора «Элеанор» (урожденная Франки; англ. Anna Eleanore Sullivan, итал. Eleanora Franchi, 12 июня 1750, Лукка — 14 сентября 1833) — итальянская куртизанка и балерина, содействовала бегству в Варенн.

Свечина, Софья Петровна (урожденная Соймонова; 22 ноября 1782, Москва — 26 августа 1857, Париж) — дочь статс-секретаря Петра Александровича Соймонова, внучка историка Ивана Никитича Болтина, после отставки мужа устроила салон, где принимала эмигрантов. В 1815 году под влиянием Жозефа де Местра приняла католицизм. Умерла в Париже.

Себастиани, Орас Франсуа Бастьен, граф де Ла Порта (франц. Horac François Bastien Sébastiani comt de La Porta et de l'Empire, 17 ноября 1772, Ла-Порта — 20 июля 1851, Париж) — с 1794 года капитан 9го полка драгунов в Альпийской армии, участник Итальянских кампаний Наполеона, исполнял дипломатические миссии в Тунисе и Константинополе (1802-1808), участвовал в войне 1812 года, в 1819 году был депутатом от Корсики в парламенте, министром иностранных дел (1831) и послом в Неаполе (1831-1834).

Сегюр, Луи-Филипп, граф де (франц. Louis Philippe, comte de Ségur 1753 – 1830), был первенцем и наследником Филиппа-Анри де Сегюра, маркиза, маршала Франции и военного министра (1780-1787; Rogué, H. Les Sègur. Hommes de guerre, courtisans et seigneurs de Romainville au XVIII siècle. Éditions de l'Onde, 2012. P. 36-44), и его жены Анны-Магдалены де Вернон. Он родился 10 декабря 1753 года в семейном особняке на улице Сен-Флорантен. При его рождении присутствовал будущий польский король Станислав Август Понятовский, тогда еще юноша двадцати одного года, проживающий в доме мадам Жоффрен, хозяйки парижского салона, покровительницы живописи рококо и корреспондентки Екатерины II (Ibid. P. 61). С 1785 года по 1789 был послом Франции в России. С 1801 года – депутат Законодательного корпуса, с 1803 года – член Французской академии, а также церемониймейстер, граф Империи и сенатор. С 1777 года женат на Антуанетте Элизабет Мари д'Агессо, от которой имел двух сыновей и дочь. Старший сын графа Филипп-Поль де Сегюр (1780-1873) принимал участие в Отечественной войне 1812 года в чине бригадного генерала и адъютанта Наполеона. Внуки Сегюра от второго сына Октава (1779-1818), Эжен Анри Раймон, граф де Сегюр (1798-1869) и Раймон Жан Поль, граф де Сегюр д'Агессо (1803-1889) были женаты на русских дворянках, графине Софье Федоровне Ростопчиной (1799-1874) и Надежде Свечиной-Люз-Сен-Совёр (ум. 1836) соответственно.

Семонвилль, Шарль Луи Юге, маркиз де (франц. Charles-Louis Huguet de Montaran, comte/marquis de Sémonville, 9 марта 1759, Париж – 11 апреля 1839, там

же) — в 1790-1791 годах чрезвычайный и уполномоченный посол в Генуэзской республике, в 1792-1796 годах номинальный посол в Османской империи, в 1793 году попал в плен. В 1799 году был послом в Гааге.

Сенак де Мейян, Габриэль (франц. Gabriel Sénac de Meilhan, 7 мая 1736, Версаль – 15 августа 1803, Вена) – адвокат парижского парламента, с 1762 года поверенный в делах президента Большого совета, публицист, эмигрант с 1790 года, в 1791-1792 годах жил на территории Российской империи, автор романа «Эмигрант» (1797).

Сен-При, Эммануил Францевич (Гийом Эмманюэль Гиньяр, виконт де Сен-При; франц. vicomte Guillaume-Emmanuel Guignard de Saint-Priest, 4 марта 1776, Константинополь -29 марта 1814, Лаон) – граф, на русской службе с 1794 года, командир лейб-гвардии Егерского полка с 1806 года, генерал-лейтенант с 1812 года, участник сражения под Аустерлицем (1805), Русско-турецкой войны 1806-1812 годов, Отечественной войны и Заграничного похода. Смертельно ранен в сражении при Реймсе 13 марта 1814 года Его отец - Франсуа-Эмманюэль Гиньяр, граф де Сен-При (франц. François-Emmanuel Guignard, chevalier/comte de Saint-Priest, 12 марта 1735, Гренобль -26 февраля 1821, Лион) – посол Франции в Османской империи в 1768-1785 годах и в Нидерландах (1788), министр внутренних дел (1790-1791), эмигрант, с 1795 года посол двора в изгнании. Вернулся во Францию в 1814 году. Он являлся дядей графу д'Антрегу. Вильгельмина Констанция, графиня фон Лудольф (франц. Wilhelmine Constance von Ludolf, comtesse de Saint-Empire, 1752-1807) – дочь австрийского посла в Неаполе, с 1774 года жена графа Франсуа-Эмманюля Гиньяра де Сен-При, мать Эммануила Францевича Сен-При.

Сен-Симон, Луи де Рувруа, герцог де (франц. Louis de Rouvroy, duc de Saint-Simon, 16 января 1675, Париж – 2 марта 1755, там же) – пэр Франции, чрезвычайный посланник в Испании (1720), автор «Мемуаров».

Сентюари, Мари-Катрин (франц. Mariee-Catherine Sentuary, 11 января 1747, Сен-Дени, Иль-Бурбон – 24 апреля 1783, Бордо) – старшая сестра упомянтой в тексте **Мишель де Боннейль**, муза поэтов.

Серракаприола, Антонино Мареска, герцог ди (итал. Antonino Maresca, duca di Serracapriola, 15 февраля 1750, Неаполь — 22 ноября 1822, Санкт-Петербург) — посол Неаполитанского королевства при русском дворе с 1783 года. Вторым браком женат на княжне Анне Александровне Вяземской (1770-1840).

Талейран-Перигор, Александр-Анжелик де (франц. Alexandre-Angélique de Talleyrand-Périgord, 18 октября 1736, Париж — 20 октября 1821, там же) — священник с 1761 года, королевский капеллан с 1766 года, архиепископ Реймский с 1777 года, капеллан Людовика XVIII в 1808-1814 годах. Дядя министра **Шарля-Мориса Талейрана.**

Тальен, Жан-Ламбер (франц. Jean-Lambert Tallien, 23 января 1767, Париж — 16 ноября 1820, там же) — печатник газеты «Монитёр», издатель газеты «Друг граждан», монтаньяр и член Конвента с 1792 года, один из организаторов термидорианского переворота. Женат на **Терезе Кабаррюс** (исп. Juana María Ignacia Teresa Cabarrús, франц. Thérésa Cabarrus, Madame Tallien, 31 июля 1752, дворец Сан Педро в Карабанчель Альто, около Мадрида — 15 января 1835, замок Шиме, Бельгия) — дочери испанского банкира **Франсуа Кабаррюса**, в первом браке маркизе де Фонтене, в третьем — принцессе де Шиме.

Тугут, Иоганн Амадеус Франц де Паула (нем. Johann Amadeus Franz de Paula Freiherr von Thugut, 8 марта 1736, Линц – 29 мая 1818, Вена) – с 1769 года 1771-1775 поверенный делах В Турции, В сделан интернунцием в 1787-1789 годах посол Константинополе, В В Неаполе, 1793 стал государственным советником Австрийской империи. С 1801 года в отставке.

Тюржи, Луи-Франсуа (франц. Louis-François (de) Turgy, 18 июля 1763, Париж – 1823, там же) – поваренок в Версале, в 1789 году спас Марию-Антуанетту от рук

разъяренной толпы, позднее служил королевской семье в Тампле, с 1795 года в эмиграции. После Реставрации был сделан бароном и камердинером.

Ферзен, Иван Евстафьевич (1739 — 16 июля 1800, Дубно) — граф с 1795 года, представитель лифляндской ветви рода Ферзен, в 1769-1774 годах подполковник, участник русско-турецкой войны, в 1784 году — генерал-майор, участвовал в войне против Швеции в 1790 году и в подавлении восстания Костюшко, в 1798 году возведен в чин генерала от инфантерии.

Фицгерберт, Аллейн (англ. Alleyne FitzHerbert, 1st Baron St Helens, 1 марта 1753, Дерби -19 февраля 1839, Лондон), с 1791 года **барон Сент-Геленс**, чрезвычайный посол в России (1783-1787), и посол в 1801-1802 годах, участвовал в урегулировании мирного договора с Соединенными Штатами.

Флашланден, Жан-Франсуа Анри де (франц. Jean-François Henri de Flaschlanden, ?-?) — фельдмаршал, депутат от Кольмара в Учредительном собрании, позднее советник графа Прованского. См. Blaufarb, R. The French Army, 1750-1820: Careers, Talent, Merit. Manchester, 2000. P. 58-59; Grétineau-Joly, J. Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé. Prince de Condé — Duc de Bourbon — Duc d'Enghien. D'après les correspondances originales et inédits de ces princes. T. II. Paris, M DCCC LXVII. P. 199.

Фош-Борель - **Луи Фош**, известный как **Фош-Борель** (франц. Louis Fauche, dit Fauche-Borel, 12 апреля 1762, Невшатель, Швейцария – 4 сентября 1829, там же) – кальвинист, масон, печатник прусского короля, с 1795 года – сотрудник Монгайяра, в 1806 году номинально стал агентом Наполеона и (фактически) агентом Великобритании). Выбросился из окна во время нервного припадка.

Фрерон, Луи Мари Станислас (франц. Louis Marie Stanislas Fréron, 17 августа 1754, Париж – 15 июля 1802, Ле-Ке, Сан-Доминго) – соученик Робеспьера по коллежу Луи-ле-Гран, издатель газет «Orateur du Peuple» и «La Tribune des Patriotes», где сотрудничал Жан-Поль Марат, с 1792 года депутат Конвента,

революционный комиссар в Марселе и Тулоне в 1793 году, участник термидорианского переворота.

Харрис, сэр Джеймс (англ. Sir James Harris, 1st Earl of Malmesbury, 21 апреля 1746, Солсбери — 21 ноября 1820, Хирон-Корт) - с 1800 года граф Малмсбери, секретарь и поверенный в делах в Испании (1768-1771), чрезвычайный посол в Берлине (1772-1776), был чрезвычайным послом в России (1777-1783), где уговорил Екатерину II следовать позиции вооруженного нейтралитета в отношениях с Североамериканскими штатами.

Шаховская, Варвара Александровна (урожденная баронесса Строганова; 2 декабря 1748 — 29 октября 1823) — княгиня, дочь камергера, действительного статского советника и генерал-поручика баронв Александра Григорьевича Строганова от третьего брака, жена князя Бориса Григорьевича Шаховского. Мать **Елизаветы Борисовны Шаховской**, см. ст. **Аренберг**.

Штрассер, Людвик (польск. Ludwik Strasser, ок. 1750 - 1804) — врач, финансист, депутат Сейма. См. www.sejm-wielki.pl/b/psb.32273.1

Шуазёль д'**Айекур, Мишель-Феликс** де (франц. Michel-Félix de Choiseul d'Aillecourt, 1754-1796) — депутат от дворянства бальяжа Шомон-ан-Бассиньи в Генеральных штатах 1789 года.

Шуазёль-Стенвиль, Клод-Антуан-Габриэль, герцог де (франц. Claude Antoine Gabriel, duc de Choiseul-Stainville, 26 августа 1760, Люневиль — 1 декабря 1838, Париж) — легитимист, драгунский полковник и офицер армии Конде с 1792 года, вернулся во Францию в 1801 году.

Шуазёль-Гуфье, Мари-Габриэль-Флоран-Огюст де (франц. Marie-Gabriel-Florent-Auguste de Choiseul-Gouffier, 27 сентября 1752, Париж – 20 июня 1817, Ахен) – французский дипломат и писатель, с 1782 года член Академии надписей и изящной словесности, с 1783 года – Французской академии. В 1784-1791 годах был послом Франции в Константинополе. Пэр Франции после Реставрации,

представлял фракцию монархистов. Первым браком (1771) был женат на Аделаиде Мари Луизе де Гуфье (умерла в 1816 году), от которой получил свою вторую фамилию. Его сын от этого союза, Антуан-Луи-Октав, женившийся на графине Виктории Потоцкой (www.geneall.net/F/per_page.php?id=331065), позже стал пэром Франции, продолжив род Шуазель-Гуфье (Courcelles, M. le Chevalier de. Histoire généalogique et héraldique des pairs de France, des grands dignitaires de la Couronne, des principales familles nobles du Royaume, et des maisons princières de l'Europe, précédée de la généalogie de la maison de France. P., M. DCCC. XXVI. T. VI. Р. 167). Его невестка, двоюродная племянница Воронцовых, Варвара Григорьевна Голицына, виконтесса де Шуазель-Гуфье, жена полковника лейб-Гусарского полка виконта Эдуарда (Ibid. P. 175; вардии www.genealogy.euweb.cz/russia/galitzin5.html), прославилась как благотворительница. От второго брака (1816) с принцессой Элен де Бофремон-Куртенэ (1774-1836) детей не было. В России был известен как Гавриил Августович. С 1797 года был главным директором Императорских библиотек, с 1797 года – президентом Императорской академии художеств.

Шувалов, Петр Андреевич (29 июня (10 июля) 1771 - 30 декабря 1808 (11 января 1809, Санкт-Петербург) — граф, с 1795 года действительный камергер, в 1798 году генерал-адъютант Павла I, в 1798-1799 годах шеф Киевского кирасирского полка.

Щербатов, Николай Григорьевич (20 июля 1777, Москва – 26 декабря 1848, там же) – князь, генерал-майор, с 1801 года полковник квартирмейстерской службе, участник Отечественной войны и Заграничного похода, с 1819 года в отставке.

Эгийон, Арман II (Арман-Дезире) де Виньеро дю Плесси де Ришельё, герцог д' (франц. Armand-Désiré de Vignerot du Plessis de Richelieu, duc d'Aiguillon, 31 октября 1750, Париж – 4 мая 1800, Гамбург) – член Национального собрания в 1789 году, один из первых депутатов от дворянства, присоединившихся к

третьему сословию, участвовал в отмене дворянских привилегий 4 августа 1789 года, генерал республиканской армии, с 1793 года – эмигрант в Великобритании.

Эджворт, Генри Эссекс, известный как аббат Эджворт де Фирмонт (англ. Henry Essex Edgeworth, франц. 1'abbé Edgeworth de Firmont, 1745, Эджвортстаун, графство Лонгфорд, Ирландия — 22 мая 1807, Митава) — ирландец по происхождению, с 1791 года исповедник мадам Елизаветы, принял последнюю исповедь Людовика XVI, умер в Митаве.

Эрдли, лорд - Сэр Каллинг Смит, 1й баронет Эрдли (англ. Sir Culling Smith, 1st Baronet Eardley, 1731-1812), с 1802 года пожалован титулом, коммерсант.

Эро де Сешель, Мари-Жан (франц. Marie-Jean Hérault de Séchelles, 15 ноября 1759, Париж — 5 апреля 1794, там же) — французский революционер, внук государтвенного советника **Рене Эро** (франц. René Hérault, 1691-1740), адвокат, монтаньяр, депутат от Сены (1791-1794), член Комитета общественного спасения в 1793 году, осужден на процессе по делу дантонистов и гильотинирован.

Эстергази, Валентин Ладислас (франц. Valentin Ladislas Esterházy, 20 октября 1740, Ле-Виган – 23 июля 1805, имение Городок, Волынь) – гусарский полковник с 1764 года, член королевского военного совета и фельдмаршал.

Юэ, Франсуа (франц. François Hüe, 1757-1819, Париж) — гусар, охранявший Людовика XVI в Тампле, сопровождал Марию-Терезу, будущую герцогиню Ангулемскую, в Митаву в 1795 году, барон с 1814 года.

Яблоновский герба Прус III (Нагоды) князь Антоний Барнаба (польск. Кѕіҳҳҳ Antoni Barnaba Jabłonowski herbu Prus III (Nagody), 27 января 1732 – 4 апреля 1799, Варшава) - князь Священной Римской империи, кавалер ордена Белого Орла (1761) и ордена святого Губерта (1790), маршалок Коронного трибунала в 1760 и 1765 годах, староста буский, свецкий, мендзижецкий (1754), чигиринский (1780), воевода познаньский с 1760 года, каштелян краковский с 1782 года. Был сторонником независимости Польши от России, участвовал в восстании Тадеуша

Костюшко, подписал Конституцию 3 мая 1791 года. Был внуком князя Яна Станислава Яблоновского и маркизы Жанны Мари де Бетюн, дочери французского посла в Польше. Вторым браком женат на **Текле Чаплиц герба Кердея**, украшенного королевскими лилиями за службу Людвику Венгерскому (1326-1382) из Анжуйской династии (Zbior nazwisk szlachty z opisem herbów własnych familiom zostaiącym w Krolestwie Polskim, i Wielkim Xięstwie Litewskim. Przez urodzonego Piotra Nałecza Małachowskiego... W Lublinie, 1805. S. 640). То есть, можно сказать, что люди это были вполне осведомленные в генеалогии французского дворянства.

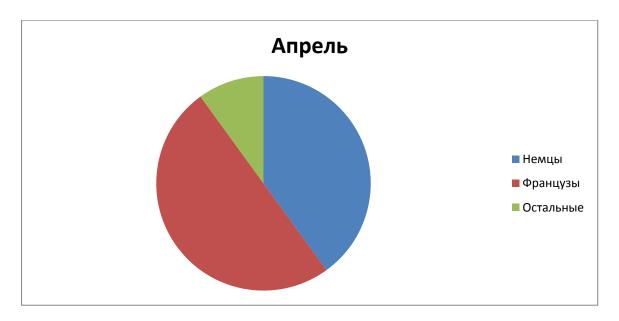
приложение 2

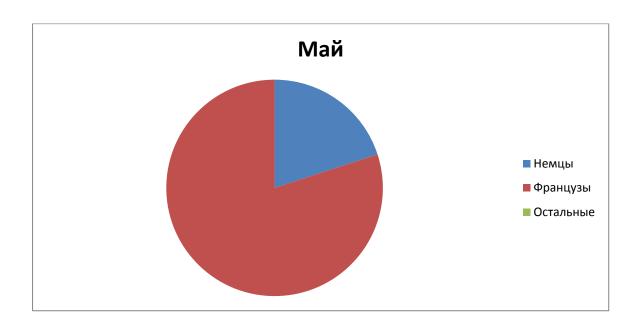
График прибывших через Рижский порт эмигрантов и экспатриантов в 1798 году

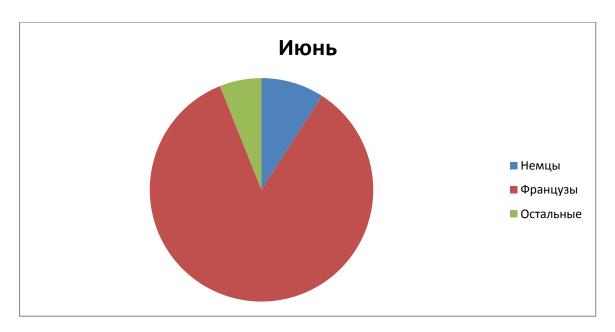
Синий цвет обозначает приехавших из германских государств. Красный — французских эмигрантов. Зеленый — выходцев из Австрии и остальных стран Европы. Учитывается только поименное перечисление. Так, 16 сентября 1798 года с «герцогом де Берри и принцем-маршалом де Конде» прибыл целый корпус гар-де-коров (гвардейцев) короля, поименно не названных. (LVVA, 412 f., 7 арг., 341 lieta, 11 lp.) Время прибытия: 1) Февраль-Март (условно, обозначение названо по тексту ведомости об отъезжающих (с паспортом на обратную дорогу в Российскую империю) — 2 февраля - 26 марта туда и обратно. См.: LVVA, 412 f., 7 арг., 341 lieta, 1 lp.; 2) Апрель — 23-29 апреля ст. ст.; 3) Май — 15-21 мая ст. ст.; 4) Июнь — 1-25 июня ст. ст; 5) Сентябрь — 3-24 сентября ст. ст.; 6) Октябрь — 3-29 октября ст. ст.; 7) Ноябрь - 22 октября — 5 ноября ст. ст.

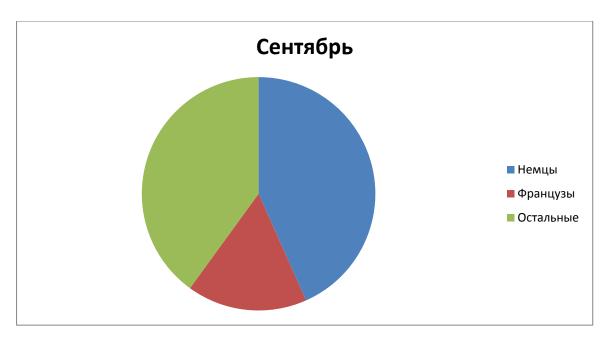
Рисунок 1. Национальный состав приезжих по месяцам 1798 года.

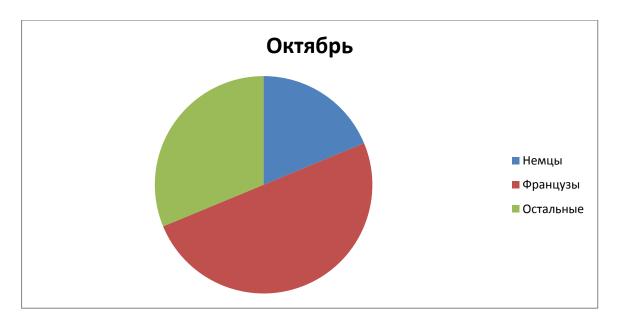

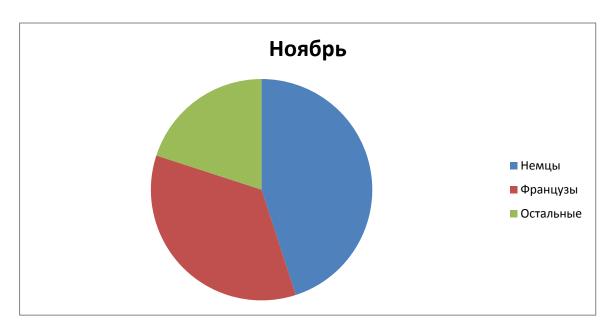
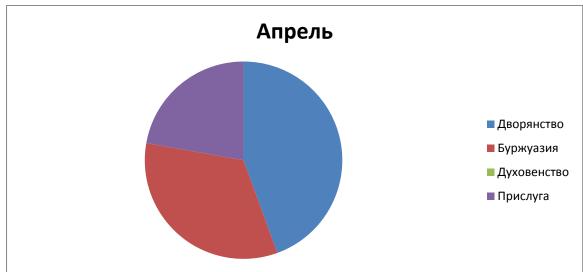
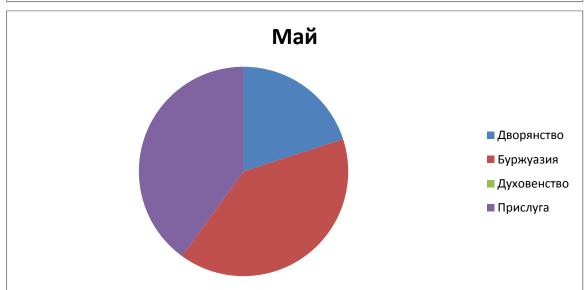
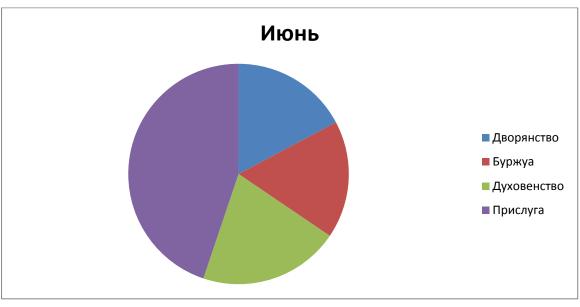

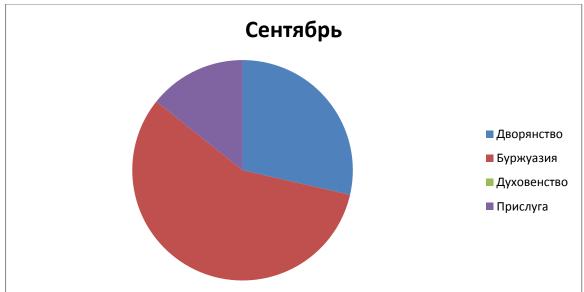
Рисунок 2. Социальный состав французской эмиграции по месяцам 1798 года.

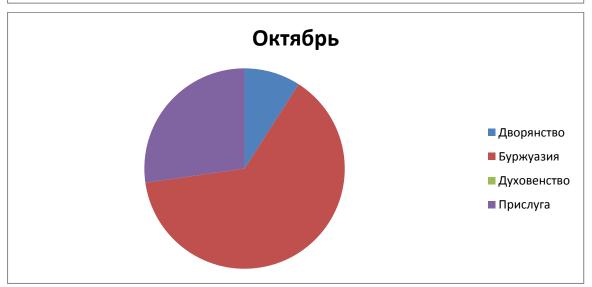

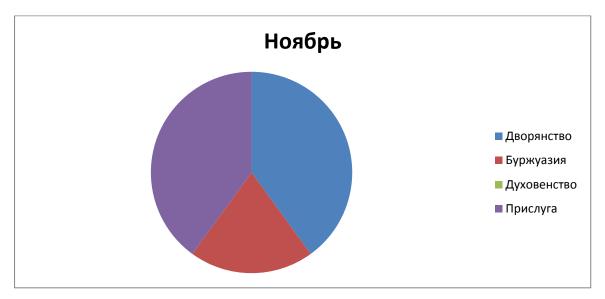

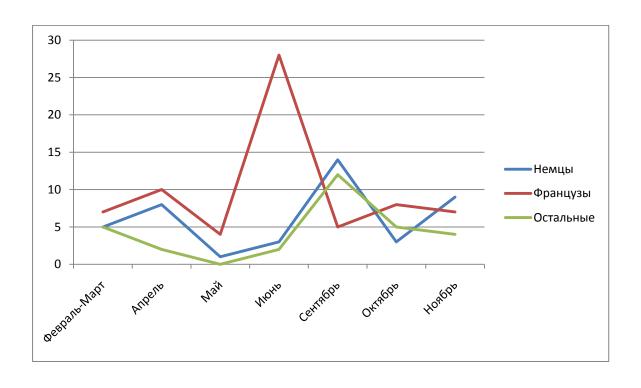

Примечание: в ноябре через рижский порт проезжало несколько человек, чей статус определить было довольно сложно из-за изменений в положении. Например, «доктор Колиньон» (LVVA, 412 f, 7 apr., 341 lieta, 22 lp.) проезжал вместе с «людьми князя Платона Зубова», и, скорее всего, его можно отнести к двум категориям – «буржуазия» и «прислуга». Камердинером Зубова также стал дворянин «Клавдий де Манш», который подпадает под определения «дворянство» и «прислуга». Категория «Духовенство» состоит как из высшего клира (зачастую дворянского происхождения, что не отмечено в категории «Дворянство» из-за отсутствия фамилий некоторых прелатов и аббатов), так и из низшего, представленного выходцами всех сословий. Мальтийские рыцари ИЗ духовенство Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, даже французского происхождения, не учитываются, так как, согласно с волей Павла I, считаются подданными российского императора и великого магистра Павла Петровича. Национальный статус некоторых лиц также нуждается в уточнении. Так, «Королевско Великобританической кабинет курьер Курвоазие» (LVVA, 412 f., 7 арг., 341 lieta, 1 lp.) и «Римской Императорско-Королевский курьер Лафоре» (LVVA, 412 f., 7 apr., 341 lieta, 25 lp.) может являться французским эмигрантом.

Рисунок 3. График приезжих по национальной принадлежности по месяцам 1798 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1-3 Шпага

Франция, начало XIX века, Первая империя. Клинок трехгранный.

Дворянская камзольная. Около 1790 г. Франция. Клинок трехгранный, есть клеймо мастера (рука, держащая меч).

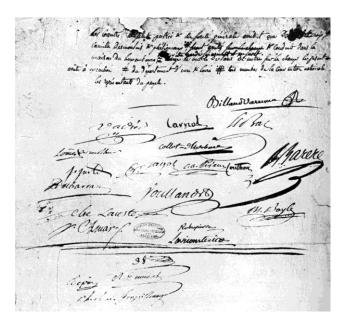
Илл. 5 Шпага

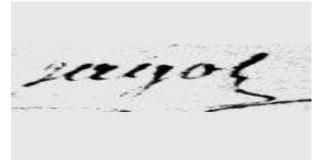
Французская камзольная придворная образца кон. XVIII века. Сталь, латунь, ковка, литье. Длина общая — 104, 9 см, длина общая без ножен — 102, 8 см, длина клинка — 87, 3 см, ширина клинка у пяты — 2,5 см. Клинок стальной прямой, двухлезвиный, шестигранный, боевой конец четырехгранный. Шпага принадлежала дворянам de Jagot и de Langeron.

Внизу – подпись Грегуара-Мари Жаго (1750-1838), деятеля Великой французской революции, члена Законодательного собрания и Конвента, якобинца, члена Комитета общественного спасения, на ордере на арест Дантона и дантонистов. Также имеются подписи Робеспьера,

Илл. 7-8 Медаль

Серебряная 1804 года, отчеканенная в год коронации Наполеона. На аверсе – жесткое застывшее лицо, похожее на лица императоров на римских денариях. На реверсе Сенат (слева) и Народ Франции (справа) поднимают на щите Императора.

Илл. 9Десим и 5 франков периода короля Людовика XVIII (1815). Последний год чекана десима.

